

Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

Язык и национальное сознание

Материалы
региональной научно-теоретической конференции,
посвященной 25-летию
кафедры общего языкознания и стилистики
Воронежского университета

16-17 июня 1998 г.

**Воронеж
1998**

Данный межвузовский научный сборник содержит материалы научно-теоретической конференции, посвященной 25-летию кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета а также материалы информационно-справочного характера о научной деятельности кафедры и проблемной группы, о работе аспирантуры при кафедре.

Конференция отражает основные результаты, полученные проблемной группой кафедры, действующей в рамках научно-педагогической школы заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора З.Д.Поповой в разработке научной проблемы **“Структурно-семантическое описание русского языка как средства общения.**

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Редакционная коллегия:

проф. З.Д.Попова, доц. А.Г.Лапотько, проф. И.А.Стернин, доц. О.Н.Чарыкова

Научный редактор - проф. И.А.Стернин

© Коллектив авторов, 1998.

Кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ:

Воронеж, пл.Ленина 10, к. 32а

Почтовый адрес: 394693 Воронеж, Университетская пл.1, Воронежский ГУ

Телефон: (0732) 789-249

Факс: (0732) 789- 353

E-mail: root@phil6.vsu.ru

От научного редактора

Предлагаемый вниманию читателей межвузовский сборник научных трудов “Язык и национальное сознание” посвящен научной проблеме, которая в последнее время все более привлекает внимание лингвистов - национальной специфике языка и мышления.

Развитие контрастивных исследований, активизация интереса исследователей к проблемам “язык и культура”, “язык и мышление”, расширение когнитивных, этнолингвистических исследований в современной науке о языке, развитие экспериментальных и психолингвистических исследований в сфере соотношения национальных языков и национального сознания, теоретическая разработка новых понятий - менталитет, языковое сознание, языковая картина (образ) мира, концептосфера языка, коммуникативное поведение народа, когнитивные стереотипы и др. - все это привело в мире к заметному повышению внимания исследователей к проблеме “язык и национальное сознание”.

Кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского университета, подготовившая данный сборник, занимается проблемами, ставшими столь актуальными в последнее время, уже в течение 25 лет. Кафедра разрабатывает научную проблему “*Структурно-семантическое описание русского языка как средства общения*” (в сопоставлении с другими языками) в интересах преподавания русского языка иностранным гражданам и иностранных языков учащимся с родным русским языком. В течение всего периода существования кафедры при ней действует научная проблемная группа, которой руководит доктор филологических наук, профессор Зинаида Даниловна Попова, ныне - заслуженный деятель науки РФ. По этим проблемам кафедрой выпущено 19 межвузовских сборников и коллективных монографий, несколько авторских монографий и учебных пособий, а аспирантами кафедры защищено несколько десятков кандидатских диссертаций. Кафедра стала признанным авторитетом в стране в области контрастивной лингвистики и проблематики, связанной с когнитивной спецификой языков.

В настоящий сборник вошел краткий очерк о кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского университета, информационный материал об основных направлениях и результатах деятельности научно-педагогической школы профессора З.Д.Поповой, а также список аспирантов, защитивших диссертации в рамках проблемной группы кафедры за период ее существования.

В сборник включены материалы состоявшейся региональной научной конференции “Язык и национальное сознание”, которая была посвящена двадцатипятилетию юбилею кафедры и проблемной группы - краткие тезисы сделанных докладов и сообщений, а также полные тексты докладов участников проблемной группы, работающих в настоящее время в рамках кафедральной проблематики над докторскими диссертациями.

Надеемся, что наш сборник представит интерес для широкого круга филологов, интересующихся проблемами соотношения языка и сознания.

Кафедра общего языкознания и стилистики

Кафедра общего языкознания и стилистики создана в 1973 г. В 1998 г. она отмечает свое двадцатипятилетие. Кафедра была создана доктором филологических наук, профессором Зинаидой Даниловной Поповой, которая возглавляла кафедру со дня ее основания до февраля 1995г. В настоящее время кафедрой заведует проф. И.А.Стернин.

Штатный состав кафедры включает двух профессоров / З.Д.Попова, заслуженный деятель науки РФ, и И.А.Стернин/, 6 доцентов / А.Г.Лапотько, Н.М.Вахтель, О.Н.Чарыкова, Н.А.Козельская, Р. В.Зиброва, Г. Я.Селезнева, /, 2 старших преподавателей / С.М.Гусева, А.М.Голодяевская/, 2 преподавателей / С.П.Кузнецова, И.Р.Вахтина/.

Отличительной чертой развития кафедры на протяжении всего периода ее существования был интенсивный научный рост сотрудников. В период работы на кафедре кандидатские диссертации защитили 15 человек - А.Г.Лапотько, Н.А.Козельская, Р.В.Зиброва, Г.Я.Селезнева, Р.Д.Козырева, Н.М.Вахтель, О.Н.Чарыкова, А.М.Шишлянникова, Т.Д.Порецких, Г.Ф.Ковалев, А.А.Кретов, И.И.Юрасова, Л.И.Рыбачева, З.Е.Фомина, И.П.Лапинская. Докторские диссертации, работая на кафедре, защитили 4 человека - Т.А.Колосова, И.Я.Чернухина, И.А.Стернин,

А.А.Кретов; кроме того, защитившие на кафедре кандидатские диссертации Е.И.Беляева, З.Е.Фомина, А.П.Бабушкин впоследствии стали докторами наук, работая в других коллективах.

Большой вклад в научную работу кафедры и подготовку филологов внесли долгое время работавшие на кафедре, авторы многочисленных научных работ профессор И.Я.Чернухина, видный специалист в области лингвистики художественного текста, и профессор Т.А.Колосова, известный исследователь русского синтаксиса.

Кафедра ведет большую работу по подготовке научных кадров для университета, вузов Воронежа и региона. Значительное число кандидатов филологических наук, работающих на факультете РГФ, кафедрах русского и иностранных языков университета и педуниверситета, технологической академии, строительной академии, аграрного университета, лесотехнической академии - выпускники аспирантуры кафедры. На кафедре стали кандидатами наук 12 иностранных аспирантов - из Германии, Египта, Кубы, Алжира, Вьетнама, Китая, Ирака. Всего за 25 лет существования кафедры на ней защитили кандидатские и докторские около 100 человек

На кафедре традиционно большая проблемная группа, работающая над кандидатскими диссертациями. В настоящее время на кафедре 10 аспирантов и 14 соискателей, а также большая группа преподавателей вузов и учителей /более 20 человек/, работающих над диссертациями в рамках научной проблематики кафедры в качестве неофициальных соискателей.

Под руководством проф. З.Д.Поповой защитили кандидатские диссертации 54 аспиранта и соискателя, под руководством проф. И.Я.Чернухиной - 12, под руководством проф.И.А.Стернина - 13, под руководством проф.Т.А.Колосовой - 7. Четыре аспиранта защитили диссертации под руководством доц.А.Г.Лапотко, по одному -под руководством доцентов Н.М.Вахтель и О.Н.Чарыковой..

Кафедра читает основные теоретические лингвистические курсы - общее языкознание и введение в языкознание, а также обеспечивает обучение студентов коммуникативным дисциплинам - практической стилистике, культуре речи, риторике, выразительному чтению. Основные спецкурсы кафедры : “Модели системы языка в современной лингвистике”, “Контрастивная лингвистика”, “Язык и мышление”, “Язык и общество”, “Теория метафоры”, “Основы психолингвистики”, “Основы прагмалингвистики”, “Риторика”, ”Речевое воздействие”, “Речевая культура личности”.

При кафедре организована дополнительная подготовка студентов-филологов по новым специальностям: “риторика и деловое общение”, “русский как неродной”, “редактор и корректор”, разработана программа нового предмета “Культура общения” для средней школы; подготовлен учебный комплекс по этому предмету; преподавание предмета по данной программе введено как обязательное в 1-11 классах в школах Воронежской области с 1997-98 уч.г.

Для студентов-нефилологов разработана программа спецкурсов “Речевая культура личности”, “Основы речевого воздействия”, “Деловое общение”; эти спецкурсы читаются на неязыковых факультетах - физическом, ПММ, геологическом, РГФ, химическом и др.

Кафедра ведет спецкурсы на факультете повышения квалификации преподавателей русского языка; важным направлением работы кафедры является обеспечение обучения русскому языку иностранных студентов - филологов; в данной области кафедрой накоплен большой теоретический, методический и практический опыт - опубликованы многочисленные учебные пособия и методические разработки.

Программа и учебный комплекс “Культура общения” для средней школы, разработанные кафедрой, являются обладателями двух дипломов региональных конкурсов учебных пособий для школы;

в 1998 г. учебное пособие И.А.Стернина “Русский речевой этикет” стало победителем регионального конкурса учебных пособий.

Проф.И.А.Стернин является членом Общества научно-технического и культурного сотрудничества с Германией, членом международного общества прагмалингвистов, президентом Воронежского регионального отделения всероссийской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики, председателем Воронежского отделения всероссийского научно-психолингвистического общества.

З.Д.Попова - заслуженный деятель науки РФ; И.А.Стернин - “Человек года в области образования” 1997-98 г. / решение Кембриджского международного биографического центра/.

Кафедра сотрудничает с академическими научными заведениями. Сотрудники ИЯ и ИРЯ РАН регулярно выступают в Воронеже оппонентами по кандидатским и докторским диссертациям, читают спецкурсы на филологическом факультете, выступают с отдельными лекциями в рамках теоретических семинаров. Сотрудники лингвистических институтов РАН публикуются в сборниках кафедры. Имеются совместные публикации сотрудников кафедры с сотрудни-

ками РАН / З.Д.Попова - с С.И. Котковым, Т.А.Колосова- с М.И.Черемисиной, З.Д.Попова - в сборнике, посвященном Н.Ю.Шведовой, И.А.Стернин - в сборниках сектора психолингвистики ИЯ РАН/. Кафедра сотрудничает с АН Казахстана.

За последние пять лет кафедрой подготовлено более 10 отзывов на кандидатские и докторские диссертации для ИЯ и ИРЯ РАН.

Кафедра имеет договор о сотрудничестве с Институтом славистики университета им.М.Лютера в Галле /ФРГ/.

На базе кафедры действует Воронежское региональное отделение Всероссийской риторической ассоциации и Воронежское региональное отделение Всероссийского психолингвистического общества.

По всем основным читаемым курсам и спецкурсам сотрудниками кафедры выпущены авторские учебные и методические пособия :

З.Д.Попова. Общее языкознание. Воронеж, 1987.

З.Д.Попова. Введение в языкознание. Воронеж, 1993.

Основы культуры речи. Воронеж, 1994.

З.Д.Попова, И.А.Стернин. Лексическая система языка. Воронеж, 1984

Н.М.Вахтель, З.Д.Попова. Выразительное чтение. Воронеж, 1995

А.Г.Лапотько, Синельникова. Риторика как научная и учебная дисциплина. Пособие для учителей, студентов, учащихся школ и гимназий, Луганск, 1996.

И.А.Стернин. Практическая риторика. Изд 1.Воронеж, 1993; изд 2.Воронеж, 1996.

З.Д.Попова. Модели системы языка в современной лингвистике. Воронеж, 1996.

И.А.Стернин. Язык и мышление. Воронеж, 1997.

Результаты научно-исследовательской и научно-методической работы кафедры отражены в публикациях сотрудников: проф. З.Д.Попова - 272 публикации, в том числе 8 монографий, 16 учебных пособий, одна зарубежная публикация; проф.И.А.Стернин -338 публикаций, в том числе 8 монографий, 6 учебных пособий, 26 зарубежных публикаций; доц. А.Г.Лапотько - 31 публикация, в том числе 5 учебных пособий; доц. Н.М.Вахтель -32 публикации, 5 учебных пособий; доц. О.Н.Чарыкова -37 публикаций , 8 учебных пособий; доц. Г.Я.Селезнева - 26 публикаций, 4 учебных пособия, 2 зарубежных публикации; доц. Н.А. Козельская -31 публикация, в том числе 9 пособий, 2 зарубежных публикации; доц. Р.В.Зиброва -30 публикаций, в том числе 2 учебных пособия; преп. С.М.Гусева -17 публикаций, в том числе 6 пособий, 3 зарубежных публикации; ст.преп. А.М.Голодяевская - 17 публикаций, в том числе 5 пособий, 3 зарубежных публикации; преп. И.Р.Вахтина -19 публикаций, в том числе 4 пособия, одна публикация за рубежом; метод. А.Б.Шабанова - 10 публикаций, одно пособие, одна зарубежная публикация.

Наиболее известными в среде специалистов работами сотрудников кафедры являются "Очерки по общей и русской фразеологии" /в трех книгах/ М.М.Копыленко и З.Д.Поповой /1972-89/, работы З.Д.Поповой "Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности" /совм. с С.И.Котковым, М., 1986/, Общее языкознание Воронеж, 1987, Морфологическая парадигматика русского языка. Воронеж, 1991/ совм. с Волохиной Г.А./, пособие Поповой З.Д. и Стернина И.А. "Лексическая система языка" /Воронеж, 1984/, "Лексическое значение слова в речи" И.А.Стернина /Воронеж, 1985/, "Практическая риторика" И.А.Стернина /Воронеж, 1996/, монографии Т.А.Колосовой "Русские сложные предложения асимметричной структуры"/Воронеж, 1980/, М.И.Черемисиной и Т.А.Колосовой "Очерки по теории сложного предложения" /Новосибирск, 1997/, И.Я.Чернухиной "Очерк стилистики художественного прозаического текста" /Воронеж,1977/ и "Поэтическое речевое мышление"/Воронеж, 1993/, а также коллективные монографии под ред. З.Д.Поповой "Полевые структуры в системе языка"/ Воронеж, 1989/, "Семантическая специфика национальных языковых систем" /Воронеж, 1985/, "Семантическая общность национальных языковых систем"/ Воронеж, 1986/.

Кафедра общего языкознания и стилистики играет ведущую роль в регионе в таких научных областях как общее языкознание, контрастивная лингвистика, общая и русская фразеология и семасиология, психолингвистика и риторика. Кафедра регулярно выступает в качестве ведущей организации в данных отраслях знания по кандидатским и докторским диссертациям, защищаемым в МГУ, Институте языкознания РАН, в Саратовском ГУ, Белгородском ГУ, Нижегородском ГУ, Ульяновском ГУ, Тверском ГУ, Казахском ГУ, Уральском ГУ, Пермском ГУи др. учебных и научных заведениях.

Проблемная группа кафедры работает в рамках научно-педагогической школы, основанной и возглавляемой заслуженным деятелем науки РФ, профессором, доктором филологических наук Зинаиды Даниловны Поповой.

Научная проблема, разрабатываемая проблемной группой в течение более 20 лет - **“Структурно-семантическое описание русского языка как средства общения”**.

Проблемная группа, разрабатывающая научные идеи школы, насчитывает в настоящее время более 120 ученых, среди которых более 80% имеют ученые степени.

В рамках данного направления работают студенты кафедры, соискатели, аспиранты и докторанты.

Данная проблема в научной деятельности школы имеет две стороны: описание национальной специфики *системы* русского языка в сопоставлении с другими языками и описание культурно-речевого и стилистико-риторического аспекта *функционирования* русского языка как средства воздействия.

В рамках научной школы З.Д.Поповой защищено около **100 кандидатских и докторских диссертаций**, 7 участников проблемной группы З.Д.Поповой стали докторами наук. Шесть членов проблемной группы работают над докторскими диссертациями.

Ученики З.Д.Поповой в своем большинстве продолжают развивать основанное ею научное направление как в университете, так и в многочисленных других учебных заведениях города и страны, работая в проблемной группе в рамках согласованной тематики.

В рамках проблемной группы кафедры работают сотрудники кафедр английской и немецкой филологии факультета РГФ ВГУ, кафедры английского и немецкого языков гуманитарных и естественных факультетов ВГУ, кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ, кафедры русского языка подготовительного факультета ВГУ для иностранных граждан, кафедры русского и иностранного языков ВГАСА, кафедры теории и практики журналистики и кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики ВГУ, кафедры русского языка Воронежской технологической академии, Воронежского агроуниверситета, кафедры иностранных языков Высшего воронежского военного авиационного инженерного училища, кафедры русского языка и иностранных языков Воронежской лесотехнической академии, Воронежского педуниверситета, Воронежского института повышения квалификации и переподготовки работников образования; кроме того, в проблемную группу кафедры входят сотрудники ряда кафедр Липецкого ГПУ, Борисоглебского ГПУ, Тамбовского университета, Целиноградского ГПИ, Башкирского ГУ, Полтавского ГПИ.

Участники проблемной группы кафедры регулярно участвуют в кафедральных научных конференциях, проблемных сборниках кафедры, принимают активное участие в аттестации аспирантов и докторантов кафедры.

Разработка кафедральной научной проблемы находит отражение в **серийных публикациях**. В течение ряда десятилетий кафедра выпускает периодические сборники и коллективные монографии по контрастивной лингвистике. Всего проблемной группой кафедры под руководством З.Д.Поповой выпущено 19 сборников и коллективных монографий:

1. Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1979.
2. Сопоставительно -семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980.
3. Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981 .
4. Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
5. Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.
6. Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984.
7. Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж, 1985.
8. Контрастивные исследования русского и немецкого языков. Воронеж, 1986.
9. Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.
10. Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.
11. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.
12. Актуальные проблемы включенного обучения: организация, научно-методические основы. Воронеж, 1989.
13. Проблемы функционирования и преподавания русского языка как иностранного. Воронеж, 1990.
14. Aktuelle Probleme der Beschreibung einer Sprache als Fremdsprache. Halle, 1991.
15. Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1994.
16. Контрастивное описание русского и немецкого языков. Воронеж, 1994.

17. Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. Воронеж, 1995.
18. Kontrastive Beschreibung der Russischen und Deutschen Sprache. Halle, 1996.
19. Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж, 1996.

Кафедра выполняет с 1979 г. совместную исследовательскую программу “Лингвистическое описание системы русского языка как иностранного” совместно с Институтом славистики Университета им. М.Лютера /Галле, ФРГ/. В рамках этого проекта пять научных сборников из перечисленных выше подготовлено и опубликовано совместно с Институтом славистики университета им.М.Лютера /Галле/:

1. Контрастивные исследования русского и немецкого языков. Воронеж, 1986.
2. Актуальные проблемы включенного обучения: организация, научно-методические основы. Воронеж, 1989.
3. Aktuelle Probleme der Beschreibung einer Sprache als Fremdsprache. Halle, 1991.
4. Контрастивное описание русского и немецкого языков. Воронеж, 1994.
5. Kontrastive Beschreibung der Russischen und Deutschen Sprache. Halle, 1996.

Сдан в печать очередной совместный сборник “Лингвистическое описание славянских языков как иностранных”.

Отличительной чертой развития научной школы З.Д.Поповой на протяжении всего периода ее существования был *интенсивный научный рост сотрудников*. В период работы на кафедре общего языкознания и стилистики **кандидатские диссертации защитили 15 сотрудников кафедры ; докторские диссертации** , работая на кафедре, **защитили 4 человека** - Т.А.Колосова, И.Я.Чернухина, И.А.Стернин, А.А.Кретов.

На кафедре стали кандидатами наук 12 иностранных аспирантов - из Германии, Египта, Кубы, Алжира, Вьетнама, Китая, Ирака.

На кафедре традиционно большая группа аспирантов и соискателей. В настоящее время на кафедре 10 аспирантов и 14 соискателей, а также значительная группа преподавателей вузов и учителей школ города и области /более 30 человек/, работающих над диссертациями в качестве неофициальных соискателей.

Ежегодно 2-3 члена проблемной группы кафедры защищают кандидатские диссертации в диссертационном совете Д.63.48.01 при филологическом факультете.

Проблемная группа кафедры регулярно проводит региональные научные конференции. Так, только за последние пять лет кафедрой проведены /самостоятельно, а также совместно с другими кафедрами/:

- 1-ая региональная научно-методическая конференция “Культура общения и ее формирование”. 1994.
- Актуальные проблемы международного сотрудничества и подготовки специалистов для зарубежных стран в вузах Российской Федерации. Воронеж, 1995.
- 2-ая региональная научно-методическая конференция “Культура общения и ее формирование” .1995
- Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников, ч.1, Воронеж, 1995.
- Обучение иноязычному произношению в школе и вузе. Региональная научно-методическая конференция. Воронеж, 1995.
- Россия и Германия. Международный коллоквиум. Воронеж, 1996.
- 3-ья региональная научно-методическая конференция “Культура общения и ее формирование” . 1996.
- Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. 2-ая всероссийская научная конференция. Воронеж, 1996
- Язык и культура. Региональная научно-методическая конференция. Воронеж, 1996.
- 4-ая региональная научно-методическая конференция “Культура общения и ее формирование” . 1997.
- Изучение и преподавание русского языка как национальной культурной ценности. Региональная научно-методическая конференция. Воронеж, 1997 .
- 5-ая региональная научно-методическая конференция “Культура общения и ее формирование” . 1998.

Основными результатами научных исследований проблемной группы научно-педагогической школы З.Д.Поповой являются следующие.

1. В области структурно-семантического исследования языковой системы: построение динамической модели системы языка, в рамках которой даны новые трактовки слога как элемента фонетического блока модели, новая интерпретация словоформы как элемента лексической системы языка в ее семантическом, словообразовательном и категориальном аспектах, новое толкование взаимоотношений позиционной и структурной схемы простого предложения.

2. В области изучения функционирования системы языка: формирование концепции коммуникативного поведения носителя языка как совокупности норм и традиций национального общения, определение структуры коммуникативного поведения народа, создание модели описания национального коммуникативного поведения в контрастивном аспекте, разработка понятия нормативного коммуникативного поведения носителя языка; разработка понятия “речевое воздействие”, интерпретация риторики как науки о речевом воздействии, выявление законов, правил и приемов речевого воздействия, создание системы обучения эффективному речевому воздействию.

Научные исследования школы З.Д.Поповой осуществляются в рамках приоритетных направлений российских фундаментальных исследований:

- направление 6.5.6 - теория, история и методология языкознания;
- направление 6.5.8- языки России и народов мира.

**Аспиранты кафедры общего языкознания и стилистики,
защитившие кандидатские диссертации**

1970

1. Выставкина Ариадна Федоровна. Словосочетание типа “сущ.+ предлог + сущ.” в современном немецком языке”. 663 . Рук. З.Д.Попова.

1971

1. Инноятова Фаина Борисовна. Общественно-политическая терминология в ранних работах В.И. Ленина. 10.660. Рук. З.Д.Попова.

1972

1. Белкина Зинаида Васильевна. Семантический анализ глагольной лексемы “давать” в сопоставлении с немецкими и французскими эквивалентами. 10.667.Рук. Попова З.Д.
2. Волохина Галина Андреевна. Видовременные соотношения в сложных предложениях с придаточными присловными. 10.660. Рук. З.Д.Попова.
3. Фролова Инна Алексеевна. Предложение в древнеславянском тексте (на материале Синайского патерика).10.677. Рук. З.Д.Попова.

1973

1. Амелькина Тамара Сергеевна. Слово в лексико-семантической системе языка (глагол “делать” в сопоставлении с английскими эквивалентами). 10.677. Рук. З.Д.Попова.

1974

1. Милехина Валентина Ивановна. К типологии фразеомоделей (на материале сочинительных парных сочетаний в немецком и русском языках). 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
2. Мазарская Софья Ефимовна. Опыт грамматической типологии стиля (употреблений падежных и предложно-падежных форм в русских и немецких химических текстах). 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.

1975

1. Убийко Вера Ивановна. Лексическая сочетаемость абстрактных существительных в современном русском языке. 10.02.01. Рук.З.Д.Попова.

1977

1. Рудник Эллина Яковлевна. Модальные глаголы и предикативы как имена модальных отношений (на материале русского языка в сопоставлении с немецким). 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Дудченко Валентина Васильевна. Опыт типологии производно-номинативных значений конкретных существительных в русском языке (в сопоставлении с немецким). 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
3. Беляева Елена Ивановна. К проблеме лексико-грамматических полей в языке (на материале микрополей возможности и вынужденности в английском и русском языке). /Киев/ .10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
4. Лапотько Анастасия Гавриловна. Полипредикативные комплексы в современном русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова .

1978

1. Просветова Любовь Павловна. Глагольно-именные фразеосочетания русских химических текстов. 10.02.01 Рук. З.Д.Попова.
2. Хоанг Ван Ан. Русский язык - язык межнационального общения (в аспекте языковой ситуации во Вьетнаме). 10.02.01. Рук.З.Д.Попова .

1979

1. Хромых Галина Сергеевна. Переносные значения в лексических микросистемах закономерности развития и организации). 10.02.19. Рук. З.Д.Попова .
2. Шубина Анна Васильевна. Сочетаемость отглагольных существительных в русском языке (в сопоставлении с немецким).10.02.01 Рук. З.Д.Попова.
3. Ковалева Людмила Владимировна. Опыт функционально-экспрессивной типологии фразеологизмов русского языка. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.

1980

1. Фахми Абдель Маабуд Али Эль Шейх. Состав и значения обстоятельств времени в простом предложении современного русского языка 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Кретов Алексей Александрович. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
3. Копров Виктор Юрьевич. Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.

1981

1. Иванова Лариса Ивановна. Полисемия русских прилагательных линейного пространственного измерения. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Анищева Ольга Николаевна. Типология объективной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения в русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.

1982

1. Трухина Светлана Александровна. Лексические и грамматические значения в семантике лексико-грамматических фразеологизмов (на материале английского и русского языков). 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
2. Шукина Нелли Федоровна. Структуризация лексико-семантического поля субъективно-модальных состояний в аспекте изучения языкового сознания (на материале английского и русского языков). 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
3. Ходина Нонна Тихоновна. Экстралингвистические и лингвистические факторы лексической сочетаемости (на материале сочетаемости английских и русских лексем, обозначающих руки). 10.02.19. Рук. З.Д.Попова

1983

1. Мухамед Насер Али. Употребление тире в современной русской художественной прозе. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Левшанова Ольга Владимировна. Сложноподчиненные предложения с местоименно - соотносительным словом "такой" /смысловая организация местоименно-союзных предложений/. 10.02.01. Рук. Т.А.Колосова.

1984

1. Козырева Раиса Дмитриевна. Структурно обязательные обстоятельственные второстепенные члены предложения в русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Бабушкин Анатолий Павлович. Социальные аспекты лексической системы языка. /Саратов/.10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
3. Зиброва Раиса Викторовна. Семантика адъективных и гентивных однокорневых определений в современном русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
4. Стернина Марина Абрамовна. Семантические типы наречного слова (на материале пространственных наречий английского и русского языков). /Саратов/. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
5. Козельская Наталья Алексеевна. Лексико-семантическая группа глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
6. Шишляникова Анна Михайловна. Серийная сочетаемость лексем в газетном тексте. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова З.Д.
7. Гольдберг Вера Борисовна. Типология структурных связей, организующих лексико-семантическое поле (на примере поля "жизнь-смерть" в русском и английском языках). /Саратов/.10.02.19. Рук. З.Д.Попова.

1985

1. Ротова Марина Семеновна. Лексико-фразеологические поля обозначения смеха и плача в современном русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Хамид Хасан Альван. Семантические факторы категориального преобразования русского глагольного слова /на материале глагола "казаться" и его производных/. 10.02.01. Рук. Т.А.Колосова.

1987

1. Фомина Зинаида Евгеньевна. Категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексической системе языка. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
2. Алексеева Нелли Васильевна. Универсальное и идиоэтническое как объективное и субъективное в языковой семантике. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
3. Логвинова Валентина Владимировна. Функционально-семантическое поле в синтаксисе простого предложения. 10.02.19.Рук. З.Д.Попова.
4. Наролина Ольга Валентиновна. Грамматическая семантика глагольно-именных фразеосочетаний в русском языке. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
5. Селезнева Галина Яковлевна. Ряды и серии устойчивых сочетаний глаголов созидания с существительными в винительном падеже. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
6. Базарская Нина Игоревна. Вторичная номинация в системе языковых знаков. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
7. Пестова Ольга Геннадьевна. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики /на материале русского и английского языков/.10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
8. Ромм Клара Петровна. Семантические процессы преобразования знаменательных слов в служебные. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
9. Лаенко Людмила Владимировна. От семантики цвета к социальной семантике языка. 10.02.19.Рук. З.Д.Попова.
10. Харитоновна Берит. Национальная специфика семантики русского слова /на материале существительных лексических полей "Человек", "Быт" и "Народное хозяйство" учебника "Русский язык 1" для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР/. 10.02.01. Рук. И.А.Стернин.
11. Ховаев Валерий Иванович. Текстобразующая роль ассоциативных рядов слов в художественных текстах малого жанра /на материале рассказов Ю.Нагибина/.10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.

1988

1. Чан Дык Нгон. Типология универсальных смыслов в фольклоре. 10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.

1989

1. Чаленко Елена Сергеевна. Преобразование сложного предложения в результате его компрессии /на материале русского и немецкого языков/.10.02.01. Рук. Т.А.Колосова.
2. Нанси Портильо. Семантика заглавий как обособленных образований и как компонентов текста. 10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.
3. Людмила Валентиновна Квасова. Межиндивидуальное и индивидуальное при воплощении универсальных смыслов в поэтических текстах. /Саратов/. 10.02.19. Рук. И.Я.Чернухина.

1990

1. Семмаш Ямина. Отражение специфики пространства в переводной литературе североафриканских писателей (с французского и арабского языков). 10.02.01. Рук. И.Я. Чернухина.

1991

1. Панкина Марина Федоровна. Семантические механизмы сочетаемости лексем /на материале сочетаемости глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках/. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
2. Земскова Людмила Петровна. Предложения с каузальными ситуантами в современном русском языке /на материале философской литературы/. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
3. Ермакова Раиса Андреевна. Сочетание N en N во французском языке /в номинативном аспекте/. 10.02.06 - романские языки. /МГУ/ Рук. И.А.Стернин, консультант Т.М.Велла.
4. Ухина Тамара Федоровна. Национальная специфика наименований лиц /на материале русского и английского языков/. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.
5. Мохаммед Сабри Бахтар. Функционирование односоставных предложений в публицистическом тексте. Воронеж, 1991. 10.02.01. Рук. Н.М.Вахтель.

1992

1. Маслова Елена Валерьевна. Семантический анализ разговорно маркированных имен существительных русского языка. 10.02.01. Рук. И.А.Стернин.
2. Бебчук Елена Михайловна. Образный компонент в лексическом значении русского существительного. 10.02.01. Рук. И.А.Стернин.
3. Федоров В.А. Семантические типы неопределенного лица в синтаксических конструкциях. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
4. Коженикова Ирина Геннадьевна. Русская обувная терминология как система. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
5. Топорова Валентина Михайловна. Диалектика абстрактного и конкретного в лексической семантике / на материале русских и немецких существительных, включающих сему "форма"/. 10.02.19. Рук. З.Д.Попова.
6. Коновалова Татьяна Васильевна. Национальная специфика семантики слова в тексте /на материале наименований лиц по профессии в русском и французском языках/. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.
7. Брауда Нина Валентиновна. Семантическая структура образов в рассказах К.Г. Паустовского. 10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.
8. Мажарова Алла Георгиевна. Грамматикализация слов и словосочетаний как тенденция в текстообразовании /межфразовые скрепы градуальной семантики в русском и немецком текстах/. 10.02.01. Рук. Т.А.Колосова.
9. Акиль Яхья Хасан. Глагольная метафора как форма отражения поэтической картины мира в лирике С.А.Есенина. Воронеж, 1992. 10.02.01. Рук. О.Н.Чарыкова.

1993

1. Ковалев Евгений Юрьевич. Национальная специфика лексической группировки /на материале поля “Металлы” в русском и английском языках/. 10.02.19. Воронеж, 1993. Рук. И.А.Стернин..
2. Ибрагим Мохаммед М. Шариф. Функционирование системы пунктуационных знаков (на материале газетных текстов). 10.02.01. Воронеж, 1993.
3. Лю Вэньдоу. Норма разговорной речи по данным экспериментального исследования. 10.00.01. Защищена 11 ноября 1993. Рук. А.Г.Лапотько.
4. Садчикова Л.В. Компонентный состав семантики образа лирического героя в трех циклах стихотворений А.С. Пушкина. 10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.

1994

1. Григоренко Ольга Владимировна. Лексическая сочетаемость разнокатегориальных слов, обозначающих звучание. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
2. Беспамятова Галина Николаевна. Языковая личность телевизионного ведущего. 10.02.19. Воронеж, 1994. Рук. И.А.Стернин.
3. Глобина Людмила Викторовна. Лексико-семантическое поле партитивной лексики в современном русском языке. 10.02.01. Воронеж, 1995. Рук. И.А.Стернин.
4. Чернышева Е.Ю. Типология причин в художественном прозаическом тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”).10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.
5. Мазур Альберт В. Служебные единицы с семантикой несоответствия в высказывании. 10.02.01. Рук. Т.А.Колосова. 1995

1. Скрипникова Надежда Николаевна. Служебная единица И ТО и ее функциональные эквиваленты в современном русском языке.10.02.01. Воронеж, 1995. Защищена в марте 1995 г. Рук. Колосова Т.А.
2. Болквадзе Белла Иосифовна. Олицетворение как феномен речевого художественного мышления (на материале русской и грузинской лирики XIXв.).10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.
3. Сизова Ксения Леонидовна. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С.Тургенева). 10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.
4. Сандлер Людмила Леонидовна. Речевое воплощение эпохи Петра 1 в художественной прозе (на материале произведений XIX-XX вв). 10.02.01. Рук. И.Я.Чернухина.

1996

1. Юрасова Ирина Ильинична. Варьирование лексико-фразеологических средств в русском фольклорном тексте /на материале русских исторических песен 16-17 веков/. 10.02.01. Воронеж, 1996. Рук. З.Д.Попова.
2. Булынина Марина Михайловна. Семантические и словообразовательные факторы лексической сочетаемости русского глагола. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.
3. Ковыршина Елена Олеговна. Многокомпонентные фразеосочетания как предмет общей фразеологии /на материале русского и немецкого языков/. 10.02.19 Рук. З.Д.Попова.
4. Корнева Елена В. Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков).10.02.19. Рук. З.Д.Попова .
5. Рисина Ольга Витальевна. Поэтическая трансформация универсальных смыслов текста (на материале русской лирики и басни XIX-XX вв.). 10.02.01. Рук.И.Я.Чернухина .
6. Лапынина Надежда Николаевна. Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизованных предикативных единиц. 10.02.01. Рук. З.Д.Попова.

1997

1. Глуценко Татьяна Николаевна. Образование союзных скреп на базе предлогов в результате предикативной номинализации. 10.02.01 . Рук. И.А.Стернин, консультант А.Г.Лапотько.
2. Стуколова Галина Петровна. Структурно-семантическое устройство предложений с глаголами говорения. 10.02.01. Руководитель И.А.Стернин, консультант А.Г.Лапотько. Воронеж, 1997.

1998

1. Марочкин Александр Игнатович. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона /на материале речи молодежи г. Воронежа/. 10.02.01. Руководитель И.А.Стернин.
2. Никитина Светлана Валентиновна. Национальная специфика текста промышленной рекламы /на материале русско-язычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике/. 10.02.19. Руководитель И.А.Стернин.
3. Кацевал Алла Алексеевна. Речевое воплощение художественного времени в прозе о Великой Отечественной войне /На материале романов К.Симонова и Ю.Бондарева/. 10.02.01. Руководители И.Я.Чернухина, А.Г.Лапотько. Воронеж, 1998.

Материалы конференции

*Теоретические проблемы
структурно-семантического описания языка*

З.Д. Попова

О ПОСТРОЕНИИ ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Многолетний труд участников проблемной группы нашей кафедры позволил мне получить в свое распоряжение обширный фактический материал, который лег в основу построения динамической модели системы языка, высветившей некоторые нестандартные ракурсы в устройстве и функционировании этой системы.

Динамическая модель языка совмещается с нейролингвистической картиной распределения подсистем системы языка по разным участкам мозга и с представлениями о постепенном их формировании на протяжении жизни человека. Ядерные зоны каждой подсистемы формируются в детском возрасте и в норме у всех говорящих на данном языке совпадают. Периферийные участки каждой подсистемы у носителей языка различны во многих отношениях, особенно в знаковых подсистемах.

Система языка не иерархична, то есть у нее нет исходной единой управляющей подсистемы. Любая подсистема взаимодействует с любой другой, изменения в одной подсистеме так или иначе отзываются во всех других подсистемах.

Единицей фонетического блока является СЛОГ. То, что принято называть фонемой, имеет слоговую природу (силлабофонема).

Единицей лексикона является СЛОВОФОРМА, входящая в лексико-семантическую словообразовательную и словоизменительную ветви ЛЕКСИКОНА. В языках, не имеющих морфем, словоформа имеет только лексическо-семантические связи.

Синтаксические структуры существуют в системе языка только в виде последовательностей словоформ, являющихся структурными схемами простых предложений, структурными схемами словосочетаний, структурными схемами сложных или осложненных предложений. Такой взгляд совмещается с разработанной Ю.Н. Карауловым моделью ассоциативно-вербальной сети языка. Блоки структурных схем простых предложений достаточно автономны и единой синтаксической подсистемы не образуют.

З.Д. Попова, И.А. Стернин,

О.Н. Чарыкова

К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА МИРА

(материалы для обсуждения)

Образ мира - это совокупность представлений о мире / рациональные суждения и чувственно-наглядные образы/, локализованные в сознании человека и являющиеся отражением той реальной действительности, которую человек воспринимает через органы чувств и рационально осмысливает.

Образ мира в сознании личности системен и влияет на восприятие личностью окружающего мира:

- предлагает классификацию элементов действительности,
- предлагает приемы анализа действительности /объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий /,
- упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти.

Образ мира включает совокупность концептов, выраженных в сознании индивидов единицами универсального предметного кода /Н.И.Жинкин/. Эти концепты являются базой мышления личности.

Совокупность концептов, общих для представителей той или иной нации представляет собой национальную концептосферу. Национальная система концептов включает как имеющие языковое выражение словами или устойчивыми словосочетаниями концепты, так и концепты, которые не выражены средствами национального языка /им соответствуют в языке лакуны/. Концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе, тем не менее, существуют в национальной концептосфере и обеспечивают национальную мыслительную деятельность в той же степени, что и концепты, которые названы языковыми знаками национального языка.

Образы мира могут быть различных видов.

Национальный образ /картина/ мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в образах мира отдельных представителей народа.

В связи с этим национальный образ мира - это, с одной стороны, некоторая абстракция, а с другой - когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в познавательной деятельности народа, в его поведении - физическом и вербальном.

Национальный образ мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и "общих мнениях", в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах.

Языковой образ /картина/ мира - это образ мира, создаваемый языковыми средствами. Разные языки, располагая различным набором единиц и средств номинации, создают разные языковые картины мира.

Языковой образ мира создается:

номинативными средствами языка - лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, обеспечивающими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц /лакунарность разных типов/; анализ языковых единиц позволяет выявить концептосферу языка - совокупность концептов, выражаемых национальными языковыми единицами;

функциональными средствами языка - отбором лексики и фразеологии для общения, то есть составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы,

образными средствами языка - национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц, фоносемантикой языка,

дискурсивными средствами /механизмами/ языка - специфическими средствами и стратегиями текстопостроения, аргументации, ведения спора, диалога, построения монологических текстов, особенностями стратегий и тактик коммуникативного поведения народа в стандартных коммуникативных ситуациях, приемами построения текстов разных жанров /например, афоризмов, анекдотов, рекламы и т.д./,

стратегиями оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных.

Можно также говорить о существовании национального коммуникативного мышления - совокупности национальных мыслительных стереотипов, которые определяют принципы создания национально-специфических диалогов, монологов, национально-специфическую интерпретацию текстов, способы убеждения, аргументации и др. Коммуникативное мышление частично отражено в национальных коммуникативных пословицах и афоризмах, а частично носит неявный, скрытый характер, подлежащий обнаружению.

Художественный образ /картина/ мира - это образ мира, возникающий в сознании читателя при восприятии художественного произведения /или зрителя, слушателя -при восприятии других произведений искусства/.

Этот образ в художественном тексте определяется индивидуальным мировосприятием писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, а также в отборе языковых средств:

- использование определенных тематических групп языковых единиц, повышением или понижением частотности отдельных групп и единиц, индивидуально-авторскими языковыми средствами и др.;

- индивидуальное использование образных средств /система тропов./.

Исследование текста художественного произведения с лингвистической точки зрения раскрывает художественную картину мира писателя, созданную языковыми средствами.

В художественном образе мира могут быть концепты, присущие только данному авторскому восприятию мира -индивидуальные концепты.

Национальный образ мира включает языковой и художественный образы мира как составные части, но ими не исчерпывается / существует, к примеру, научная картина мира, религиозная картина мира, мистическая картина мира и др./.

Исследование языкового и художественного образов мира - вклад в изучение и описание национального образа мира.

Разграничиваются:

национальная концептосфера,

концептосфера языка /в последней разграничиваются концепты, которые названы, и концепты, которые названы, но не функционируют в активной коммуникации; неназванные концепты входят в концептосферу личности или нации, но не входят в концептосферу языка/ , художественная концептосфера /отдельного автора, произведения, художественного направления/

концептосфера группы - возрастной, профессиональной, половой, политической,

концептосфера личности.

Аналогично, существуют и могут быть описаны: национальный образ мира, языковой образ мира, художественный образ мира, групповой образ мира, индивидуальный образ мира.

Язык, сознание, менталитет, образ мира

И.А.Стернин

О ПОНЯТИИ “МЕНТАЛИТЕТ”

Понятие менталитет в настоящее время стало широко употребительным, но оно до сих пор не может считаться достаточно четко определенным. Существуют самые различные, весьма противоречивые определения этого понятия, причем в словарях и справочниках они стали появляться фактически только в середине 90-х гг. Под менталитетом понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления и мн. др. Слово стало модным, и употребляют его подчас именно для моды, вне строго определения. Ср. фразу из книги П.С.Таранова "Методы стопроцентной победы (Симферополь, 1997): "Бумага" заменяет, замещает и подменяет человека... На этом менталитете можно сыграть"/с.17/.

Необходимо признать, что сфера когнитивно-национального в настоящее время является предметом пристального внимания многих исследователей. Понятие менталитета, используемое при описании этой сферы, перекрещивается и смешивается прежде всего с такими понятиями как национальная психология, национальный характер. Представляется, что именно с этими понятиями менталитет в первую очередь необходимо развести.

В связи с этим мы хотим предложить некоторые возможные теоретические разграничения, основываясь на опыте контрастивного анализа языков и коммуникативного поведения разных народов.

Представляется необходимым определить содержание понятия *менталитет*; разграничить понятия *национальный и групповой менталитет*; *менталитет, психология и характер*; *менталитет и культура*.

Прежде всего, представляется важным, что менталитет - понятие, не только характеризующее нацию в целом, специфическим менталитетом обладают и различные социальные группы людей. В связи с этим менталитет мы предлагаем определить как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной группы людей.

Групповой менталитет - это особенности восприятия действительности определенными социальными, возрастными, профессиональными, половыми группами людей. Хорошо известно, что одни и те же факты действительности, одни и те же события могут быть по-разному восприняты в разных группах людей. Мужчины и женщины, дети и взрослые, гуманитарии и технари, богатые и бедные и т.д. весьма по-разному могут воспринимать и интерпретировать одни и те же

факты. Это связано с так называемым механизмом каузальной атрибуции, то есть когнитивными стереотипами, диктующим приписывание причин тому или иному последствию, событию. Менталитет связан с установками личности, механизмами апперцепции.

Так, известно, что игроки проигравшей команды имеют тенденцию приписывать поражение влиянию объективных факторов /плохое поле, необъективное судейство и др./, в то время как наблюдатели склонны объяснять поражение субъективными факторами / не проявили воли, не старались, не хватало скорости и др./ . Победители обычно успех приписывают собственным усилиям, а поражение - влиянию обстоятельств. Ср.: “у победы масса отцов, поражение всегда сирота”. Есть детская, мужская, женская “логика” и т.д. Есть менталитет определенных психологических типов людей - ср. , к примеру, менталитет оптимиста и пессимиста: первый говорит “еще полбутылки осталось”, а пессимист говорит “уже полбутылки нет”. Можно сказать, что менталитет имеет “автоматизированный” характер, он действует практически без контроля сознания, и поэтому во многих случаях “необъективен” - если человек хочет быть объективным, он должен сознательно преодолевать “указания” своего менталитета, свои установки, свою апперцепцию.

Существует и национальный менталитет - национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: “богатый - значит умный”, русский же в этом случае обычно думает “богатый - значит вор”. Понятие “новый” у американца воспринимается как “улучшенный, лучший”, у русского - как “непроверенный”.

Отличие национального *менталитета* от национальной *психологии* заключается, по нашему мнению, в следующем: менталитет связан преимущественно с логической, концептуальной, когнитивной деятельностью сознания, а национальная психология - с эмоционально-психическим складом этноса. Как то, так и другое проявляется в стандартном поведении членов этноса в типовых ситуациях.

Что же касается национального характера, то он, видимо, может быть определен как психология и менталитет народа, вместе взятые. Национальный характер обнаруживается в национальном *поведении*. Национальное поведение народа в самых разных аспектах, таким образом - это проявление менталитета и национальной психологии в поведении народа в стандартных ситуациях. Естественно, поведение всегда опосредованно как логической, так и эмоциональной сферой человека, так что такое разграничение в значительной степени условно, но во многих случаях оно оказывается необходимым.

О.Н.Чарыкова

МЕНТАЛИТЕТ И “ОБРАЗ МИРА”

Проблема отражения в языке представлений и знаний человека об окружающей действительности тесно связана с такими понятиями как национальная культура, национальная психология, национальное сознание, национальный характер, национальный менталитет, национальное мышление.

Национальная культура является частью, слагаемым общечеловеческой культуры, но имеет и свои отличительные черты, характеризуется самобытностью. Специфика национальной культуры обуславливается национальной действительностью, то есть природно-климатическими и конкретно-историческими условиями и факторами жизни народа.

Среди перечисленных выше понятий, как представляется, наиболее всеобъемлющим, обобщающим является понятие “национальная психология”. Ведь психическая деятельность включает в себя ощущения, восприятия, память, эмоции, мышление и др. Содержание термина “национальное сознание” является более узким. Хотя сознание - это главная форма психики человека, помимо него существуют и “неопознаваемые психические явления и процессы”, которые скрыты от самонаблюдения индивида. Сознание в философии и психологии понимается как высший уровень психической деятельности человека, как форма отражения реальности, представляющая субъективный образ объективного мира. Сознание включает в себя и рациональный, и чувственный параметры познания. Следовательно, мышление можно рассматривать лишь в качестве компонента сознания. Поэтому понятие “национальное сознание” шире понятия “национальное мышление”.

Национальный характер - это проявление национальной психологии в особенностях поведения и отношения людей к окружающей действительности.

Последнее время широкое распространение получил термин “национальный менталитет”, который трактуется как “характерный для личности или общественной группы способ мышления; склад ума; мировосприятие” / Н.Г.Комлев. Словарь новых иностранных слов. М.,1995, с.73/. Думается, что мировосприятие можно понимать как субъективный образ объективного мира, следовательно , иноязычный термин “менталитет” фактически соответствует отечественному “национальное сознание”.

Н.А.Мруць

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В настоящее время возрос интерес к изучению как национального, так и профессионального коммуникативного поведения. Вслед за И.А.Стерниным, мы рассматриваем менталитет как специфический способ восприятия и понимания действительности /см. : И.А.Стернин, тезисы в настоящем сборнике/. Коммуникативное поведение определяется национальным менталитетом и национальной психологией; то же можно сказать, видимо, и о профессиональном коммуникативном поведении - в его основе лежит профессиональный менталитет и профессиональная психология.

Предметом нашего исследования является коммуникативное поведение учителя, и в докладе мы бы хотели остановиться на проявлениях педагогического менталитета, влияющего на профессиональное коммуникативное поведение учителя. Вслед за И.А.Стерниным мы рассматриваем групповой менталитет как особенности восприятия и интерпретации действительности определенными группами людей. (Там же). Из опыта известно, что существует *учительское коммуникативное поведение* , на что указывают, к примеру, закрепившиеся в нашей практике определения: “типичный учитель”, “говорит как учитель”, “ведет себя как учитель”, “учительская интонация”, “учительский взгляд” и т.д. Во многом коммуникативное поведение учителя, его коммуникативная практика обусловлены фактором *учительского менталитета* - особыми профессиональными традициями интерпретации фактов действительности, профессиональными реакциями в стандартных ситуациях, особенностями профессионального восприятия, понимания и интерпретации действительности.

Проблема соотношения учительского менталитета и его коммуникативного поведения в настоящее время является неисследованной.

В этой сфере можно в первом приближении указать на следующие черты профессионального менталитета учителя, проявляющиеся в его коммуникативном поведении:

- автоматизированный идеал учителя (это проявляется в ответах учителя на различного рода анкеты, в которых учитель всегда себя прикрашивает/;
- бескомпромиссность моральных оценок, даваемых учителями;
- привычка разяснять окружающим нормы и правила поведения;
- настойчивость в доведении своих идей до собеседника;
- нежелание выслушивать замечания от младших по возрасту и служебному положению;
- представление об идеальных качествах педагога сквозь призму своей профессии (преподаваемого предмета) ;
- инстинктивная реализация роли воспитателя в ситуациях, не связанных с педагогическим общением.

Можно отметить, что большинство проявлений профессионального менталитета в коммуникативном поведении учителя затрагивает и его общение вне профессиональной сферы и , прежде всего, в семейном общении. Поэтому необходимо изучать особенности учительского менталитета, объяснять их учителям, проводить коммуникативные тренинги для учителей, что позволило бы уменьшить конфликтность в данной профессиональной группе.

Н.Н.Скрипникова

Соотношение «коммуникативного» и «когнитивного» в языке

Исключительная роль, которая принадлежит языку в интеллектуальном освоении, осмыслении мира человеком, обуславливает особое значение анализа языка в его тесной связи с мышлением и познанием.

В настоящее время изменилась парадигма исследований в науке о языке - в современных теоретических разработках все чаще обсуждаются такие вопросы, как связь языка и познания, языковых и когнитивных структур. Это связано прежде всего с желанием понять «картину мира» через язык, так как именно в языке человек отражает окружающую действительность и самого себя в ней. Человек - носитель языка рассматривается в современной науке как активный субъект познания, наделенный системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка. Интуиция носителя языка отражает его познавательный опыт. В качестве языковых выражений берутся осмысленные с интуитивной точки зрения сочетания языковых знаков, которые представляют определенное знание носителей языка о мире. Таким образом, единицы номинации и мыслительное их наполнение взаимно коррелируют.

В настоящее время общепризнанным является факт, что база знаний носителя языка не является статическим хранилищем информации, а представляет собой подвижную и изменяющуюся систему, в которую входят как языковые знания, так и внеязыковые, а также «общефоновые» знания о мире. Наличие большого числа работ в области когнитивных аспектов функционирования языка подтверждает особое значение проблемы структур представления знаний, которые используются в процессе языковой коммуникации. Так, значение слова реализуется только в речи; что же касается предметной соотнесенности слова, она возможна как через образование соответствующего представления в уме человека, так и через использование единицы в речи. Вопрос соотношения коммуникативных и когнитивных структур мышления и речи связан с процессом формирования, развития и функционирования языковой способности у личности, что эквивалентно процессу присвоения индивидом культуры общества посредством межличностного общения.

Национальная специфика языка в когнитивном аспекте Проблема языкового сознания

Н.Н.Болдырев

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ И СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Категоризация событий представляет собой неразрывное единство двух аспектов: статического и динамического. В своем динамическом аспекте (как процесс) категоризация есть мысленное соотнесение того или иного события с определенной категорией. Это предполагает наличие в сознании говорящих некоторых представлений о системе выделяемых категорий, т.е. категоризацию в ее статическом аспекте. Категоризация событий в сознании говорящих определяется регулярностью осмысления этих событий как действий, процессов, свойств, состояний, отношений и т.д. и, следовательно, имеет универсальный для говорящих на разных языках характер. Членение же данного категориально-смыслового континуума, границы категорий, а также способы их языковой репрезентации, равно как и языковые средства и механизмы оформления категориальной принадлежности отдельных элементов отражают национальную специфику конкретного языка.

Специфика английского языка проявляется в том, что исходная семантика глаголов часто не позволяет однозначно судить об их категориальной принадлежности, и поэтому значительная нагрузка в передаче категориальной информации ложится на высказывание, т.е. осуществляется преимущественно за счет синтаксиса и лишь отчасти - за счет морфологии. Отсюда большое число так называемых поликатегориальных глаголов, категориальная принадлежность которых уточняется только в процессе их использования (She read the play - The play reads better than it acts - She read herself to sleep - The sign read the name of the village и т.д.). Это определяет значительно большую универсальность языковых средств и наличие более широких возможностей их выбора для передачи разных значений. В русском языке, напротив, большая часть кате-

гориальной информации передается с помощью морфологии (Она прочла пьесу - Пьеса читается хорошо - Она дочиталась до того, что заснула - Название поселка на указателе читалось с трудом и т.д.).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что соотношение между статическим и динамическим аспектами категоризации (в данном случае в английском и русском языках) отражает определенную специфику национального сознания говорящих на этих языках, которая в английском языке проявляется в большей степени условности категориальных границ и значительном влиянии функционального фактора.

В.Б.Гольдберг

ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ И НЕВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ КОНЦЕПТЫ

В ЛЕКСИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

(На материале лексической микросистемы «ОТСУТСТВИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ КАУЗАЦИИ ИЗВНЕ» в русском языке)

фонда
80362

Исследование выполнено при поддержке Российского
фундаментальных исследований, проект № 97-06-

Предметом исследования является одна из иерархических группировок в ЛСГ «Жизнь - смерть». Объединяя лексические единицы в лексико-семантическую группировку, мы исходим из семного состава их семем. Элементами группировки являются вербализованные семемы. Мы рассматриваем семему как один из типов концепта.

Для построения модели ряда мы изучали вертикальные и горизонтальные семантические связи между элементами группировки. С этой целью семемы сравнивались по двум параметрам - по номенклатуре составляющих их сем и по содержанию сем. По номенклатуре сем выявлены случаи включения и пересечения семем, что позволяет говорить о гиперо-гипонимической и согипонимической связях между соответствующими элементами.

В конкретных группировках эти связи получают определенные *значимости*. Значимости выявляются по компонентам семемы: аспекту значения, семантическому признаку и его семным конкретизаторам, которые при углубленном анализе становятся семантическими признаками и получают новые семные конкретизаторы. На этом основании значимости образуют иерархию. На высшей ступени находятся следующие основные значимости: родо-видовая и обобщающе-уточнительная для гиперо-гипонимической связи и видо-видовая - для согипонимической связи.

Семемы элементов, покрывающие участок семантического пространства, и семантические связи между ними составляют микросистему. Описанная модель микросистемы носит статический характер.

Модель, отражающая поведение данной микросистемы в процессах восприятия и порождения речи, носит динамический характер. Элементами динамической модели являются вербализованные и невербализованные семемы. Сказанное можно проиллюстрировать примером: ... помимо опасности погибнуть ... от ножа приятеля ... пиратов в дальних странах косили цинга и голод. (КП)

На входе в систему имеются вербализованные концепты. Их активное состояние, обусловленное восприятием, распространяется по связям, вес которых повышается. Концепт Погибнуть распространяет активацию по гиперо-гипонимическим связям к своим гипонимам. Последующая активация на входе вербализованного концепта Нож также может распространяться по многим связям. Однако распространение активации, направленное от концептов Погибнуть и Нож, взаимно ограничивается. Повышается вес связи, направленной к одному из гипонимов - к концепту Быть зарезанным, и понижается вес остальных связей. Этот концепт (семема) имеет невербализованный, кодированный статус. В приведенном примере также кодируется семема единицы «быть убитым».

В речи большинство единиц лишь «подразумеваются», т.е. выступают в виде невербализованных, кодированных семем.

Русская и английская лексико-семантические системы проявляют сходство в способности кодировать семемы элементов системы.

Г. П. Стуколова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Концепт как единица информационной структуры, выделяемый из сложной системы связанных между собой концептов, то есть из концептосферы языка, является идеальным образованием. Наряду со словом, одной из форм вербализации концепта является синтаксическая конструкция (словосочетание, предложение), которая представляет собой знак, референтом которого служит ситуация, события реальной/ирреальной действительности (или часть события, ситуации). Через анализ семантической структуры синтаксической конструкции (ее означаемого) достигается «доступ к сфере идеального в языке», то есть «улавливается» концепт.

Фразеологизированные синтаксические конструкции (конструкции с утраченной синтаксической мотивированностью и членимостью), как и свободные синтаксические построения, обслуживая в качестве осмысленного высказывания акт речевого общения, характеризуются законченностью словесного выражения, включаются с учетом ситуации общения в определенный контекст и соотносят свое содержание с действительностью, являясь средством формирования и выражения мысли.

Однако семантическая структура фразеологизированных синтаксических конструкций оказывается иной, более сложной, нежели семантическая структура свободных образований, так как при фразеологизации конструкция, хотя и сохраняет свою форму, но получает при этом новое синтаксическое значение и новое назначение. Так, одни из конструкций, обладая вторичным, переносным, номинативным значением являются средством передачи в наиболее динамичной и выразительной форме более емкой и сложной по структуре мысли, полной разнообразных оттенков и нюансов; другие же конструкции, не обладая в достаточной степени номинативным значением, являются средством передачи эмоции, оценки говорящего, его реакции на происходящее.

К примеру, фразеологизированные словосочетания типа *смотря где, смотря кому, смотря как* обладают значением, которое трудно передать свободной конструкцией: *альтернатива, выбор* названных местоименным словом лиц, предметов, обстоятельств. В основе целостного значения фразеологизированные предложения типа *Я тебе не сноха, чтобы на меня кричать лежит не понятие, а целый силлогизм, эмоция гневного возражения, особая побудительная модальность*. Фразеологизированные предложения типа *Ох уж эти помощники!* содержат отрицательную или ироническую оценку.

Думается, что можно говорить о концептах-сценариях и концептах-мыслительных образах, которые стоят за фразеологизированными синтаксическими конструкциями.

Г.В.Быкова

ЛАКУНЫ И КОНЦЕПТЫ

Сопоставляя факты разных языков, нетрудно убедиться, что нередко лексическая единица одного языка не находит словарного эквивалента в другом языке. Теория и практика перевода, а также методика обучения иностранным языкам знает множество примеров, когда понятие, выраженное в одном языке, не имеет наименования в другом языке. Это - так называемые межъязыковые лакуны, явление, достаточно хорошо изученное.

Однако межъязыковой безэквивалентностью проблема лакунарности не исчерпывается. В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лагун, то есть пустых, незаполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут присутствовать. Например, в русском языке есть слово каток, но нет обозначения для полосы льда на асфальте, по которой зимой катаются дети; есть слово старшекласник, но нет узуальной единицы для обозначения учащихся младших классов; есть слово молодожены, но нет слова для обозначения супругов, уже имеющих стаж семейной жизни. Есть слова, обозначающие концепт (мыслительный образ) сообщение о негативных фактах (жалоба, донос), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах; представлен в лексической системе языка концепт заочно передаваемая негативная информация (сплетни, слухи), но не обозначен концепт заочно передаваемая положительная информация; есть часто употребляемое слово аванс - деньги (или другие ценности), выдаваемые вперед в счет заработка причитающихся кому-нибудь платежей. А как назвать (одним словом) деньги, которые выдаются сейчас на многих предприятиях не вперед (авансом), а с большим опозданием, деньги, давно заработанные, но задерживаемые? Пока это не заполненная лексической единицей брешь, т.е. внутриязыковая лагуна, наличие которой объяснимо нашей теперешней политической и экономической действительностью. О человеке, в совершенстве владеющем техникой своего искусства, своего дела, говорим виртуоз, но нет слова для наименования людей, еще не освоивших свою профессию, свое дело до конца. Аналогично, не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие концепты, как говорить в медленном темпе, говорить о важных вещах или проблемах, сказать к месту, своевременно, сообщать правдивую информацию, говорить умные вещи, выражать информацию прямо, без намеков и обиняков.

Даже беглый анализ "Словаря детской речи" убеждает в огромном количестве слов, форм, которыми дети заполняют внутриязыковые лакуны. Например: асфальтильщик (рабочий, занимающийся асфальтированием дорог), ансамблист (участник ансамбля), аттестант (занимающийся аттестацией), базарник (человек, торгующий на базаре), безглазый (лишенный глаз), безоконный (не имеющий окон), бескоробный (находящийся не в коробке), беспаный (живущий без отца), бесподвальный (не имеющий подвала), беспорядочница (женщина, допускающая беспорядок), бигудиться (завивать волосы на бигуди), бояхина (боязливое существо), броненосик (детеныш броненосца), бухарь (о том, кто падает, бухается), ведущить (быть ведущим), вертелка (валик колодца), включатель (прибор для включения света), глазастеть (тараща глаза, смотреть), грязнеть (становиться грязным), догодник (ребенок до года), заклопнуть (закрепить кнопками) и т.д.

Внутриязыковые лакуны характеризуются высокой степенью латентности, их очень трудно, а порой почти невозможно обнаружить. Методики выявления внутриязыковых лакун русского языка пока не разработано.

Основополагающим, на наш взгляд, может стать ретроспективный анализ по принципу отражения от современного состояния номинативной единицы в прошлое ее существования, когда между предметом или явлением, подлежащим обозначению, и языковой единицей существует этап осмысления этого предмета и формирования понятия о нем в ходе предметной и/или познавательной деятельности человека. Именно на этапе до лексического объективирования возможно существование концепта, рассматриваемого как результат мыслительных операций по установлению связей и отношений между предметами и явлениями действительности. Такой концепт с большой долей вероятности может быть выражен лакуной.

Шаманова М.В.

ЛАКУНЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ “ОБЩЕНИЕ” В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лексико-семантическое поле "Общение" - одно из самых больших лексико-семантических полей русского языка. Оно насчитывает 1479 слов и включает в себя языковые единицы таких частей речи как глагол, существительное, в меньшей степени - прилагательное и наречие. Вместе с тем, несмотря на то, что коммуникативная лексика русского языка столь богата и разнообразна, в этом поле можно выявить многочисленные лакуны.

Так, в русском языке есть тематическая подгруппа "говорить неправду", которая включает следующие языковые единицы: *лгать, врать, брехать, обманывать, натянуть нос, лить пули, заправлять арапа* и др. Однако нет ни слов, ни фразеологизмов для обозначения понятия "говорить правду". Также нет в русском языке языковых единиц для названия человека, который говорит правду (ср.: *лгун, брехун, брехло, обманщик, трепач* и др.).

В исследуемом лексико-семантическом поле выделяются подгруппы, которые включают в себя только фразеологизмы; при этом отсутствуют самостоятельные лексемы, выражающие данный смысл;

- 1) обращаться друг к другу на "вы": быть на "вы", переходить на "вы", называть /обращаться/ на "вы" (но ср.: тыкать, тыкание),
- 2) обращаться к темам, которые задевают кого-либо: наступать на /любимую/ мозоль кому-либо,
- 3) испытывать желание говорить: проситься на язык, приходиться на язык;
- 4) рассуждать на излюбленную тему: садиться на своего /любимого/ конька; оседлать своего /любимого/ конька, усесться на любимого конька;
- 5) вступить в беседу в соответствии с желаниями, настроениями, взглядами кого-либо: попадать в тон, попадать в /самую/ точку; попадать в струю.

В русской коммуникативной лексике есть подгруппы, в которых наблюдаются стилистические лакуны. Например, слова и фразеологизмы в тематической подгруппе "обращение с призывом" имеют книжную стилистическую окраску: клик, клич, воззвание, кликать клич, глас вопиющего в пустыне; при этом нет межстилевых лексем с этим значением.

В русском языке нет языковых единиц, обозначающих понятие "говорить красиво, деликатно, вежливо", а также положительно-оценочных лексем, обозначающих человека, говорящего красиво. Эти значения передают слова с неодобрительной оценкой: деликатничать, разливать, краснобайство, краснобай и т.д. То же самое можно сказать о речи с излишними подробностями (размазать, размусолить, распинаться, расписать, распространяться, рассусоливать).

В тематической подгруппе "затевать ссору" слова имеют разговорную и просторечную стилистическую окраску (задираться, придирается, прицепиться), а фразеологизм - книжную окраску (яблоке раздора), нейтральные языковые единицы в подгруппе отсутствуют.

Лакуны в лексико-семантической группе "общение" обнаруживаются и на уровне частеречной принадлежности языковых средств. Процесс общения может обозначаться как суще-

ствительными, так и глаголами (общаться - общение, разобщаться, разобщить - разобщение и т.д.). Но иногда образование существительных невозможно: орать - ор (ср. кричать - крик), якшаться, сказать, молоть, городить и т.д.

Таким образом, несмотря на большое количество лексических единиц, образующих лексико-семантическое поле "Общение" в русском языке, налицо многочисленные внутриязыковые лакуны в этой сфере языковой системы.

Н.М.Репринцева

ЛАКУНАРНОСТЬ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ДОРОГ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Концептосфера каждого языка своеобразна и "скроена" по национальному образцу. Концептосфера является отражением в сознании народа его материальной и духовной культуры, причем такое отражение осуществляется как непосредственно, так и опосредованно, через ряд ступеней, промежуточных концептов. Примером прямого отражения в концептосфере явлений действительности является языковая лакунарность и связанная с ней безэквивалентность тех или иных единиц в одном из сравниваемых языков/ первая свидетельствует об отсутствии концепта в национальной концептосфере, вторая - о наличии концепта/.

При сопоставлении наименований дорог в русском и французском языках феномен лакунарности выявился весьма отчетливо.

Безэквивалентными для французского языка являются 16 русских лексем:

бетонка - разг. бетонированное шоссе; грейдер - разг. грейдерная дорога; шлях - наезженная дорога, путь, тракт (на Украине и юге России); бездорожье - отсутствие или недостаток благоустроенных дорог, а также плохое состояние дорог; беспутица - прост. то же, что бездорожье; беспутье - обл. то же, что бездорожье; сухопутье - обл., разг. дорога (путь) по суше, сушей, а также сама суша, земля; первопуток - разг., малоупотр. первый зимний санный путь (первопутье); заулок - разг., прост. то же, что закоулок - глухой, узкий переулок; прогон - 1) дорога, обсаженная изгородью среди засеянных полей; 2) улица, по которой выгоняют скот на пастбище, на водопой; 3) боковая улица в деревне; конка - устар. городская железная дорога с конной тягой, существовавшая до появления трамвая; узкоколейка - разг. узкоколейная железная дорога; чугунка - прост., устар. то же, что чугунная дорога; путина - устар. путь-дорога; стезя - высок., устар. путь, дорога; стежка - обл., народно-поэт. тропинка, дорожка.

Безэквивалентными для русского языка являются 26 французских единиц:

conge-allee, f - боковая аллея; contre-voie, f - боковой, параллельный путь; rocade, f - параллельная или объездная дорога; promenade, f - место в городе, предназначенное для прогулок; cours, m - место общественное, широкое, протяженное, пригодное для прогулок; mail, m - аллея, место для гулянья, обсаженное деревьями; для игры в шары; macadam, m - 1) дорога, мощеная щебнем; 2) часть тротуара (дороги), где собираются уличные девицы; traversee, f - 4) место пересечения двух железнодорожных путей; embranchement, m - 5) место пересечения главного железнодорожного пути с железнодорожной веткой менее значимой (запасной железнодорожный путь, второстепенный); savee, f - лесная дорога в углублении; raidillon, m - крутая тропинка; крутой участок дороги; routin, m - лесная тропинка; piste, m - 4) непроходимая дорога в джунглях, горах, необитаемых местах; boyau, m - узкий проход; berme, m - узкий проход (дорога) между насыпью и каналом (рвом); berge, m - смежная дорога с берегом реки (канала); lacet, m (chemin en lacet) - петлистая дорога с поворотами, зигзагами, извилинами; ogniere, f - дорога с выбоинами, рытвинами; разбитая машинами; un chemin creux - дорога в низине, овраге; между двумя склонами; un chemin de la mare, du village - дорога, которая ведет к пруду, к деревне; un chemin forestier - лесная дорога; un chemin muletier - дорога для мулов; racours, m - 3) дорожка для игры в гольф; trace, m - дорога, проложенная тесаком в густом лесу (в джунглях), на Антильских островах; nationale, f (route nationale) - дорога с большим движением, которая содержится на средства государства; departementale, f - дорога, которая содержится на средства департамента.

Обобщая, отметим, что русские безэквивалентные названия характеризуют преимущественно многочисленные для русской действительности нестационарные или глухие дороги, в то время как французский язык обозначает безэквивалентными лексемами: а) сеть параллельных дорог (дорожек),

б) специальные места (дороги) для прогулок, в) тропинки, небольшие (неровные) дороги, г) дороги, содержащиеся на средства различных бюджетов. Вопрос о том, есть ли в русской и французской концептосферах соответствующие концепты или нет, требует дальнейшего исследования. Так называемые мотивированные лакуны отражают действительность непосредственно, в связи с чем можно утверждать, что соответствующих концептов в данном языке нет; с немотивированными лакунами дело обстоит сложнее, и вопрос о наличии или отсутствии соответствующих концептов в национальной концептосфере требует дополнительного исследования.

А.П.Бабушкин

КВАНТИТАТИВНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Способность исчислять окружающие предметы имеет столь же древние корни, как и способность категоризировать мир. Известно, что представители примитивных цивилизаций по своему членят действительность. Имея тесный контакт с природой, находясь в зависимости от многообразия предметной действительности, туземцы именуют, к примеру, десятки видов насекомых, растений, деревьев, птиц, тогда как европейцам зачастую известны лишь их родовые обозначения.

Для большинства людей, живущих в современном мире, числительные обладают всеобъемлющим, абстрагированным характером. Вместе с тем, числовой ряд, фигурирующий в квантитативных выражениях, во многом определяется той сферой действительности, в рамках которой проводится исчисление. Так, человек знает, что ему отпущено 70-80 лет жизни, вода кипит при температуре 100 градусов, а в барабанах нагана - 7 патронов. Эти знания формируют в сознании говорящих на том или ином языке определенные шкалярные оси, по позициям которых человек оценивает ту или иную "квантитативность" по принципу "много-мало", "высоко-низко", "достаточно-недостаточно" и т.п.: "Целую неделю стояли морозы под сорок", "Сорок пятого размера покупал он сапоги".

В пределах отдельных позиций соответствующей шкалы числовой индекс несет дополнительную социально значимую информацию. К примеру: "В жизни раз бывает восемнадцать лет!". Восемнадцать лет - не просто возраст человека, перешагнувшего семнадцатилетний рубеж, но еще не достигшего девятнадцатилетия. Восемнадцать лет - это возраст совершеннолетия, пора возмужания, расцвета, любви. "По п-п-пятьдесят восьмой пойдете! Обои!..." - кричал Сеня / В.Шукшин /. Пятьдесят восьмая статья - не просто порядковый номер статьи Уголовного Кодекса - люди, осужденные по этой статье, объявлялись врагами народа.

Таким образом, числовой индекс, приложимый к определенной сфере бытия, хранится в социальной памяти носителей языка и может служить предметом когнитивного анализа.

О.О.Борискина

КРИПТОКЛАССЫ В ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

/на материале лексем **огонь, пламя** в русском языке/

В основу предлагаемого описания языковой категоризации ОГНЯ положен тезис о взаимосвязи скрытой категориальной активности языковой единицы [Уорф] и семантико-синтаксической валентности слова [Морковкин].

Принадлежность языковой единицы к скрытой языковой категории - **криптоклассу** выявляется для имен существительных через специальную различительную процедуру, основанную на классифицирующей функции глагола и прилагательного [Жолковский, Апресян, Кретов]. Суть процедуры состоит в: 1) выявлении дистрибуции классифицируемых элементов (КЭ); 2) определении и ограничении набора синтаксических позиций, замещаемых КЭ; 3) изучении при-

знаковой семантики языковых единиц, выполняющих функцию классификатора КЭ; 4) интерпретации собственной сочетаемости классификаторов; 5) отнесении КЭ к тому или иному криптоклассу, выделенному на основании собственной сочетаемости классификатора.

Анализ системных и функциональных свойств лексической единицы *огонь* со значением 'зримый жар, пламя' и функционально тождественной ему лексеме *пламя* показал, что, заполняя позиции субъекта и объекта при глагольном классификаторе, а также определяемого в правом окружении адъективного классификатора, классифицируемые элементы обнаруживают свое членство в следующих криптоклассах имен существительных русского языка:

1. ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ: ...(в церкви народу много), огню **дышать** нечем (Замятин); огонь... **задышался**, ... больше не **рос** (Замятин); огонь **ожил** (Склярченко).

1.1. ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ: ...огонь **одолевал** дерево ...; огонь **заглядывал** в окно (Горький); **пляшет** над землей огонь зловещий (Словарь эпитетов).

1.2. ДИКИЕ ЗВЕРИ: ...с уверенным стремлением огня **пожрать** весь порядок (Горький). 2. ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ :

2.1. СТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ ...ветер **разбрасает** пламя по всему зеленому массиву (Иванов); огонь **стоял** над церковью (Бородин).

2.2. НЕСТАБИЛЬНОЙ ФОРМЫ ...прокопайте канавку, а то еще **потечет** огонь с той горки (Гроссман).

Подобный подход к классификации лексики естественного языка будет способствовать адекватному описанию грамматической сочетаемости, объяснение которой становится возможной благодаря изучению и выявлению криптоклассов.

Л.Н. Синельникова

МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММЕНТАРИЙ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Критерии стилистической дифференциации лексики в конце XX века становятся все более распыляемыми в условиях изменяющегося языкового сознания личности. Идет обновление языковой картины мира, меняется представление о норме. Языковым сознанием осваивается психолингвистический аспект нормы, предполагающий ее понимание, с одной стороны, как правил пользования языком для достижения определенных коммуникативных целей, а с другой - как совокупности общественных и личных оценок.

В лингвистике данное явление находит отражение в увеличении количества работ по описанию вариативности нормы в условиях неоднородного социума.

Толкования многих слов и характер стилистических помет во многих словарях советской эпохи отражают иную картину мира (ср. определение слова *аура* в "Словаре иностранных слов" 1980 и 1997г.г. - "особое состояние, предшествующее приступам эпилепсии, истерии, мигрени и др."). Появляющиеся в последнее время новые аспектные словари (заимствований, новых слов, жаргонизмов и нек.др.) представляют собой фактически лишь опыт первичной обработки нового языкового материала и грешат многочисленными смысловыми и стилистическими неточностями.

Нормативная обработка языкового материала может, на наш взгляд, идти через фреймовую подачу слова ("фреймовый конкорданс") - описание типовых когнитивных структур, фиксируемых в словоупотреблении определенного социума, коммуникативной сферы. В связи с этим большую ценность для лингвиста представляют метаязыковые суждения- комментарии, которыми пестрят современные дискурсы разных типов, как письменные, так и устные. Подобные метаязыковые комментарии отражают актуальное языковое сознание, и эти данные трудно переоценить. Приведем примеры.

"Сорос мыслит трезво и вкладывает туда, куда нужно. Я бы туда же вкладывал - в науку, в культуру, в изменение сознания детей, в , пардон за выражение, плюрализм"; "... правоохранительные органы вряд ли бросятся защищать того, кого обозвали банкиром"; "Слово "бандит", например, стремительно теряет отрицательную окраску"; "От сумм, подтвержденных приходными ордерами, темно в глазах у "важняков", как в обиходе величают следователей по особо важным делам"; "Затем МВД проводит пресловутую "зачистку" (слово-то какое!); "По-видимому, снова идет операция по "зачистке", как говорят наши генералы, то есть осуществляется тактика выжженной земли"; "на них, как говорят профессионалы, стали "вешать палочки", то есть требовать раскрытия преступления"; " как принято сейчас говорить , светиться на стиль-

ных тусовках”; “показательные проверки, называемые в народе шмоном”, “зловещее словечко - попса” и др.

Представляется, что через метаязыковой комментарий эксплицируются два вида языкового сознания: одно ориентировано на свойства строгой традиционной нормы, другое - на систему ценностей современного социума. Отсюда фигура извинения как прагматическая самокоррекция и как противостояние многочисленной референтной группе. Фигура извинения имеет специфическую модальность: так сейчас говорят; так, видимо, можно говорить; видимо, это модно и современно - так говорить, и я об этом знаю, но не вполне удовлетворен этим обстоятельством. Иначе говоря, в метаязыковом комментарии вербализуется этап приспособления индивида к современной языковой среде. Именно это обстоятельство делает метаязыковые комментарии ценным материалом для современной лексикографии.

Г.В.Каменская

ЭВФЕМИЗИРОВАННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ОПИСАНИИ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Около двух лет сообщения о военных действиях в Чечне являлись одной из центральных тем российских СМИ. Какова была роль языка в освещении военного конфликта? каким образом политические установки влияли на язык сообщений? В докладе предпринимается попытка ответить на этот вопрос на материале результатов мониторинга информационных и информационно-аналитических программ российских СМИ в период с декабря 1994 г. по июль 1996 г. Мониторингу были подвергнуты ведущие телерадиокомпании России - ОРТ, ВГТРК, НТВ, ”РАДИО России”, “Эхо Москвы”, “Маяк” и “РАДИО Свобода”.

Яркой чертой языка российских СМИ в характеристике и оценке чеченских событий можно считать эвфемизацию значительного числа выражаемых концептов. Сложной задачей для структур власти и органов СМИ оказалось именование сторон, участвующих в боевых действиях, само именование конфликта. Обилие эвфемизмов и тропов было использовано при освещении и интерпретации действий “регулярных войск” и “незаконных формирований”. Отмечается также широкое использование эвфемизмов для снятия эмоциональной оценки событий.

Е.И.Грищук

АБСТРАКТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Проблема понимания, обработки и хранения абстрактных концептов носителями языка представляет собой актуальную научную задачу. Эта проблема важна прежде всего в педагогическом плане: усвоение абстрактной лексики всегда представляет для учащихся большую трудность, и необходимо разработать методику формирования абстрактных понятий в сознании учащихся в процессе обучения. Однако до сих пор мы плохо представляем себе ту семантическую реальность, которая репрезентирует абстрактный концепт в сознании носителя языка.

Педагогическая практика, экспериментальные исследования показывают, что наши представления о структуре и содержании абстрактных концептов в сознании человека весьма далеки от реальности: те семантические компоненты, которые образуют значение абстрактного слова в сознании испытуемых, практически всегда оказываются значительно меньше “словарного” значения по объему, и очень часто к тому же содержат ложные, “неправильные” семантические компоненты. Весьма распространенным оказывается также такое явление: испытуемый при опросе утверждает, что он знает значение слова, но в результате эксперимента выясняется, что его представление о соответствующем концепте либо ложное, либо он подменяет значение анализируемого слова значением его паронима.

Результаты анализа значения иностранных слов показывают, что ложное понимание значения - весьма распространенное явление (О. Высочина. Проблемы понимания иностранных слов жителями Воронежа. / Культура общения и ее формирование. Воронеж, 1997, с.35-36/. Так, значение слова *картридж* многие подменяют в сознании значением слова *кар-*

тинг, значение слова *инкриминировать* - значением слова *кремировать*, значение слова *клиринг* - значением слова *клирос* и т.д.

Необходимо разработать экспериментальную методику определения реального значения слова в сознании носителя языка, которая позволила бы “замерять” степень приближения значения в сознании носителя языка к словарному у различных социальных, возрастных и половых групп, а также позволила бы отслеживать динамику формирования адекватного концепта в сознании учащегося на разных ступенях обучения.

Особый интерес в этом отношении представляет, по-видимому, морально-этическая и социально-политическая лексика, к примеру, такие слова, как интеллигентность, дружба, любовь, милосердие, честь, порядочность, терпимость, совесть, достоинство, благородство, правда - с одной стороны, и свобода, ответственность, независимость, демократия, прогресс, консерватизм, реакционер и др. - с другой.

О.

И.Быкова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Этнокультурная коннотация как один из релевантных признаков идиоглосс (Сорокин Ю.А.) лингво-культурной общности рассматривается нами как форма объективации в языке культурных концептов, имеющих у членов социума и позволяющих им осознавать принадлежность к этнической общности, отличной от других. Данный тип коннотации обладает статусом частично лексикализованной коннотации.

Этноконнотация находится в точке пересечения актуализируемых в языковом сознании языковых, энциклопедических и интеракционных знаний коммуниканта. С точки зрения механизма актуализации гетерогенных культурных концептов в этноконнотации следует различать: 1) этноконнотат, содержащий культурно маркированный признак уникальности денотата и ингерентные признаки: а) локальной соотнесенности – региолект и диалект, и б) временной соотнесенности;

2) этноэмотив, выступающий как субкомпонент этноконнотации и входящий в ее структуру.

Анализ этноконнотированной лексики в сфере ритуальной коммуникации, проведенный нами на материале сценариев немецких народных праздников, ритуалов и специальных комментирующих словарей показал, что этноэмотивы наиболее частотны в тематических группах “участники ритуальных действий”, “обозначение ритуалов” и “ритуальная еда”.

Описание количественных и качественных характеристик этноконнотатов и этноэмотивов, детерминированных идиоэтнической спецификой культурного пространства, представляет, на наш взгляд, одну из возможных методик исследования специфики отражения национального сознания в языке.

С. В. Ильясова

ИННОВАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В СОЗНАНИИ СОЦИУМА

Активные изменения в общественном сознании современной России порождают множество новых концептов, которые должны быть выражены в языке..

Общепризнанно, что языковые инновации в большинстве случаев характеризуют явления общественно-политического плана, т. к. именно в этой сфере происходят наиболее заметные концептуальные перемены. Интересно пронаблюдать, какую оценку новым концептам дают возникающие лексические единицы.

Следует отметить почти полное отсутствие в анализируемом материале нейтральных с экспрессивно - оценочной точки зрения слов. При этом даже немногие слова, будто бы и не окрашенные экспрессивно, в некоторых контекстах нередко все же приобретают коннотацию, как правило - отрицательную (*депутатствовать, одемократиться* и др.).

Большая часть инноваций, возникая на базе стилистически нейтрального языкового материала, сопровождается ярко выраженной стилистической окрашенностью, ср.: *обреферендить, опрезидентиться*. Если производящее слово уже было наделено коннотацией, инновация может развить противоположную ей, что зачастую является результатом десимволизации реалии или связанного с ней образа, ср.: *БАМ* → *набамиться*; *Стаханов* → *настаханить; перестахановить*. Инновации отражают развенчание идейных ценностей советской эпохи, ср.: “Раньше о кражах особо выдающихся сумм говорили: *спиионерили*. Чуть позже - *скоммуниздили*. После того как в недрах фонда поддержки зарубежных соотечественников “Россияне” пропали 5 миллиардов бюджетных денег, “Огонек” предлагает более свежий термин: *сроссиянили*” (Огонек. - 1997. - № 46). Усиление экспрессивности инновации создается как за счет корневого повтора, так и за счет повторного использования словообразовательной модели.

Еще одна черта современных журнально-газетных инноваций - образование их от имен собственных. Авторы коллективной монографии “Русский язык конца XX столетия” (М., 1996. - С. 99) считают этот процесс следствием усиления “личностного начала” в современном русском языке. В книге перечислено более 100 единиц указанного типа. Автор сообщения в личной картотеке имеет еще свыше 40 аналогичных наименований. Большая часть их несет отрицательную оценку, проявляемую в контексте, ср.: “У нас есть свой круг “ельциноидов” <...> и “гайдарастов” (АиФ. - 1996. - № 12).

Л. Б. Савенкова

КОНЦЕПТ “СУДЬБА” И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

По наблюдениям отечественных этнолингвистов (А. Н. Афанасьев, А. А. Потеня и др.), в русском национальном сознании *судьба* предстает как существующее независимо от воли человека предопределение свыше. Жизненный путь каждого намечен некими высшими силами (например, Богом) заранее, и его нельзя изменить. Единственное, что человек в силах сделать, - это узнать свою судьбу путем гадания (что, однако, осуждается как грех) или через посланников потустороннего мира. От назначенной судьбы зависит степень материального и духовного благополучия человека. Сам же он противостоять року не может, а попытка изменить судьбу, если и приносит положительный результат, то лишь на короткое время.

В русском пословичном фонде представление о судьбе, сформулированное в более чем четырехстах пятидесяти изречениях, в целом может быть сведено к следующим суждениям: судьба действительно существует (*Прежде веку не помрешь*); судьба предопределена свыше (*Кривую стрелу Бог прямит*); у каждого своя судьба (*Кому клин, кому блин, кому просто шиш*); никому неизвестна его судьба (*Думы за горами, а смерть за плечами*); судьбу нельзя изменить (*Сужено ряжено не объедешь в кузове*), поэтому нет смысла пытаться ее менять, можно лишь приспособиться к судьбе или смириться с ней (*Надобно жить, как набежит*); судьба человека чаще всего нелегка (*Сколько дней у Бога впереди, столько напастей*); судьба изменчива (*Родишься в палатах, а умираешь в яме*); тяжелая судьба может постигнуть любого (*Грех да беда на кого не живет?*); живущий хорошо должен быть готовым к беде или другим изменениям к худшему (*От сумы да от тюрьмы никто не отрекайся*); живущий плохо должен не терять надежды на изменение жизни к лучшему (*Будет и на нашей улице праздник*); в любой изначально нежеланной ситуации можно найти положительные моменты (*Где холодно, там не оводно*).

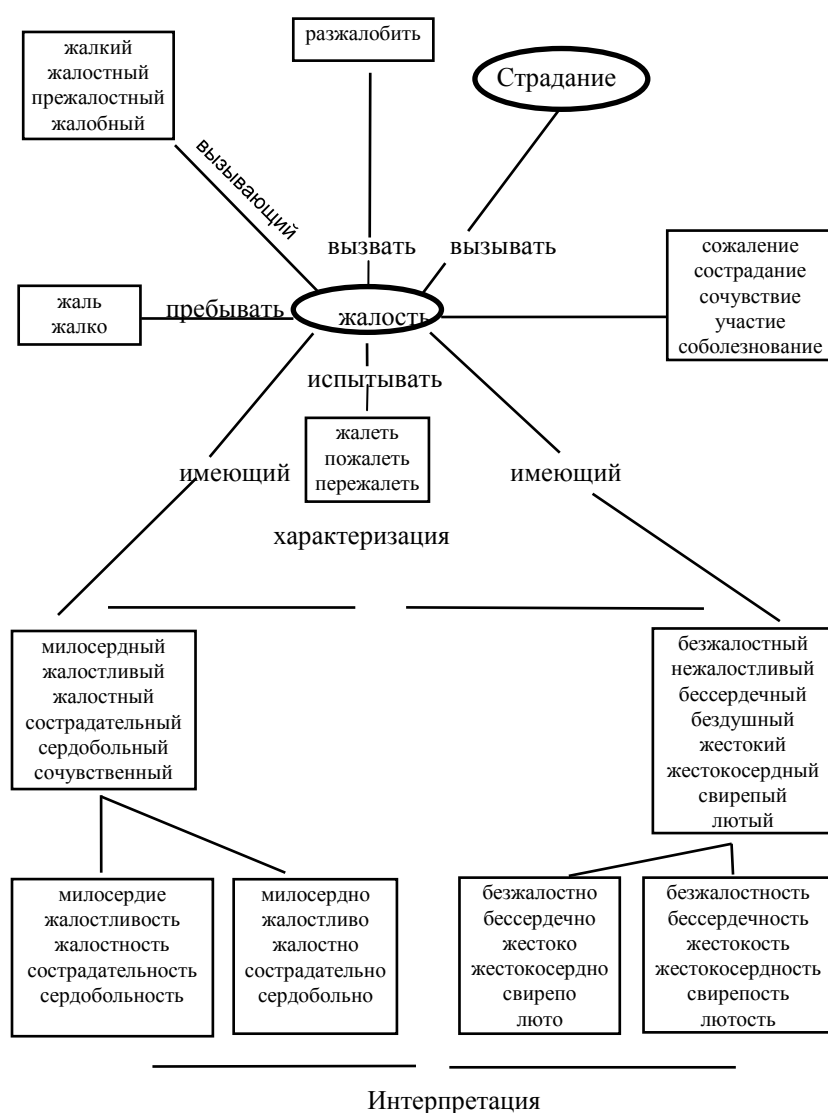
Незначительная часть пословиц предлагает попытаться изменить судьбу (*На ветер надеяться - без помолу быть*) и указывает, что человек может сам распоряжаться своей жизнью (*Поживешь счастливо, паши не лениво!*).

Мотив угадывания судьбы в пословицах почти не звучит. Признаки проявления судьбы (или ее предугадывания) выражаются не в пословицах, а в поверьях, ср.: *Встретил попа - нехорош выход; Волк дорогу перебежит - к счастью; Сыч на кровле кричит - не к добру* и мн. др.

В.И. Убий-

КОНЦЕПТ “ДУША” В КОНЦЕПТОСФЕРЕ “ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА”

Концепт "Душа" занимает особое место в русской культуре и характеризуется совершенно уникальной языковой структурой. Специфика этого концепта определяется тем, что область референции значения слова душа представляет собой "чужую неизведанную страну, из которой к нам поступают лишь косвенные известия, передаваемые через подверженные всевозможным иллюзиям функции сознания" (К. Юнг). Значение слова *душа* в современном русском языке вобрало в себя единый смысловой стержень концептуального поля, некогда представленного в русской культуре словами "личность, душа, ипостась, гений, ангел" (Ю.С. Степанов), и стало когнитивной доминантой функционально-семантической сферы "Внутренний мир человека". Функционально-семантическая сфера базируется на глобальном концепте (макроконцепте) и представляет собой разные аспекты его актуализации в процессе мыслеречевой деятельности. Так, например, актуализация такого аспекта души, как "реакция на последствия негативных событий для другого" осуществляется в концепте "Жалость", который интерпретируется в языке в следующей вербально-смысловой сети:

В рамках функционально-семантической сферы макроконцепт "Душа" обладает самыми протяжёнными "семантическими нитями", которые проникают во все 35 образующих её концептов.

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ВРЕМЕН ГОДА

С целью выявления национального своеобразия семантических пространств русского и немецкого языков нами был проведен сопоставительный анализ слов, обозначающих такие общечеловеческие понятия как времена года. Исследование проводилось на материале русской и немецкой художественной литературы XIX-XX веков.

Сопоставление микроструктур стало возможным благодаря семемному анализу семантем русских и немецких лексем весна – *Frühling*, лето – *Sommer*, осень – *Herbst*, зима – *Winter*, который обнаружил, что указанные семантемы содержат семемы Д1, Д2, К1 (в терминологии М.М. Копыленко, З.Д. Поповой).

Национальное своеобразие семантического пространства русского и немецкого языков состоит в том, что в концептосфере русского языка большое место занимает мифопоэтический концепт.

Семема К1 исследуемых лексем в русском языке – своеобразная национальная мифема, некое мифологическое существо, которое наделено разными способностями человека.

К примеру, в *весна* умеет пробуждаться, глядеть, умываться, одевать, идти, стучаться, прыгать, петь, звать, вести разговор, шептать, молчать, улыбаться, хохотать, праздновать, колдовать, царствовать, венчаться, убивать...

В сочетании с лексемой *лето* находим глаголы: дышать, уходить, приносить, уносить, бросать, сжигать, прилетать, проплывать, бушевать, обещать, собираться в путь, прощаться, умирать, погибать...

Осень может думать, смотреть, целовать, кричать, шуметь, смеяться, плакать, гулять, танцевать, колобродить, трогать, сдувать, снимать, чесать, срезать, построить, ткать, грустить, ласкаться, прощать, обманывать, скрывать, угрожать, хоронить...

Зима ходит, слышит, выглядывает, запрыгивает, трубит, пугает, грозит, злится, бесится, околдовывает, хлопчет, пляшет, падает, спит, красуется, стыдится, замечает, собирает, сыплет, растит, облагает мздой, сходит с ума...

Кроме того, времена года обладают в русской концептосфере человеческими качествами и могут быть представлены живыми образами, что является неотъемлемым достоянием живого русского языка.

В немецком же языке такого мифопоэтического концепта мы не наблюдаем, если не считать двух-трех индивидуальных авторских образов.

Л.И.ЗУБКОВА, Ю.Т.ЛИСТРОВА-

ПРАВДА

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА “БОГ” В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Целью исследования является представить имя *Бог* как имя концепта обыденного сознания и как ядро смыслового поля.

Афористический характер пословиц и поговорок значительно расширяет содержание концепта *Бог*, т.к. позволяет исследовать не только содержание наивного понятия, но и все множество коннотативных элементов имени, отражающих определенные культурно-обусловленные представления человека о Боге.

Анализ, проведенный на материале словарей пословиц русского и английского языков, позволяет сделать следующие выводы.

1. В обоих языках пословицы и поговорки отражают христианское представление человека о «создателе и управителе» вселенной. Однако мы отмечаем и небиблейское восприятие Бога, подчеркивающее активную позицию человека (например, *God helps them that help themselves* = На Бога надейся, а сам не плошай), и ироническое отношение к Богу (*The nearer the*

church, the farther from God – Чем к церкви ближе, тем от Бога дальше; До Бога высоко, до царя далеко).

2. Концепт *Бог* в русской и английской паремиологии включает дефиниционные и импlicative семантические признаки.

3. Дефиниционная часть семантики концепта *Бог* представлена в русской паремиологии большим количеством семантических признаков по сравнению с английской.

4. Значительная часть выделенных нами семантических признаков совпадает в обоих языках, что свидетельствует об общности мифологических представлений о Боге в обеих культурах.

5. В структуру концепта *Бог* в русской паремиологии входят следующие признаки, отсутствующие в английской: 1) «не перестающий любить даже тех, кто нагрешил» (не по грехам нашим Бог милостив); 2) «много терпевший и в этом являющийся примером для людей» (Бог терпел и нам велел); 3) «любящий тех, кто его любит» (Кто к Богу, тому и Бог); 4) «единственный, кого надо бояться» (Не бойся никого, кроме Бога одного); 5) «стоящий выше царя» (Бог – батя, государь – дядька); 6) «избирательный в своей любви» (Кто рано встает, тому Бог дает); 7) «не терпящий обмана» (Бог всякую неправду сыщет).

6. Лакунарными для русского языка являются следующие признаки концепта *Бог*, отмеченные в английской паремиологии: 1) «любящий сильных» (God is always on the side of the big battalions = Бог всегда на стороне сильных); 2) «воля народа – воля Бога (The voice of the people is the voice of God – Народ – глас божий); 3) «присутствие Бога – залог успеха» (God's in his heaven, all's right with the world – Бог на небе – все в мире нормально).

Таким образом, выявление и анализ лакунарных семантических признаков концепта *Бог* способствует раскрытию его национально-культурной специфики в русской и английской паремиологии.

À.Ī.İðèáùòüêĭ

БИБЛЕИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЗНАНИИ **/на материале использования библеизмов в языке газеты/**

Всякий язык проявляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его. В разные времена эта избирательность “срабатывает” по-разному.

Применительно к библеизмам “избирательность” проявляется, в частности, в частотности употребления языковых единиц, что представляет собой опосредованное влияние культуры. Наиболее употребительны в настоящее время: *десять заповедей, нести свой крест, конец света, хлеб насущный, манна небесная, козёл отпущения*. Увлечение частотности единиц подобной тематики объясняется кризисом во всех сферах российской общественной жизни, а также, по-видимому, тягой к непоколебимому, вечному, поиском опоры - истины в последней инстанции - Библии. Не всегда это происходит осознанно, тем более, что многие библеизмы как таковые давно не воспринимаются носителями языка. (Ср.: мерзость запустения, сидеть сложа руки, ни тепло ни холодно, будь человеком, капля в море).

Можно наблюдать непосредственное вторжение реалий, явлений современной жизни России в структуру библеизмов. Как правило, происходит замена одних слов другими: Не капиталом единым жив человек (ЛГ, № 1, 98); это смотрят на толпы беженцев, как на плоды своей “банной вечери” три современных герострата (СР 21.3.98 - о беловежских соглашениях). В последнем примере не только отражается особенность национального быта - “банная”, но и, отсылая нас к “тайной вечери”, наводится иное понимание слова “тайный” - применительно к данной ситуации - “без широкого общественного обсуждения, голосования”, что оценивается негативно.

Также мы можем наблюдать построение на основе библеизмов новых конструкций: Да мы скорее дождемся второго пришествия Христа (СР 26.2.98). Другой пример: А десантники-оренбуржцы опять *ждут чего-то с неба* (СР 21.2.98); Но при этом надо вкалывать - *с неба ничего не сыплется* (АиФ, № 44, 97) - на базе библеизма формируется фразеологизм, точный смысл которого можно вывести только зная о существовании “манны небесной”. Кроме того, ироническая окрашенность высказывания свидетельствует о современном отношении к библейскому сюжету: раньше можно было дожидаться помощи от Бога, а теперь надо действовать самому.

Происходит происходить образование новых “библейзмов”, хотя реалии, которые они обозначают, в Библии отсутствуют. Ср.: Ельцин, подписав эту *иудину грамоту*, предал всех (СР 19.3.98 - о беловежских соглашениях); Простой здравый смысл не берется объяснить происхождение последней *апокалиптической мины*, заложенной под Россию (ЛГ, № 6, 98 - о введенной в школьное обучение программе по “основам сексологии”). Таким образом, библейзмы вовлекаются в процесс создания метафор, характеризующих современную российскую действительность.

Подводя итог, скажем, что в изучаемый нами период (как показывает язык газет) происходит не только активное использование библейзмов, но и активное “приспосабливание” их к российской действительности, т.е. активное сплетение двух разных культур, двух разных времен, двух сознаний и мировоззрений.

А.Г.Лапотько

ТЕХНОМОРФНЫЕ ТРОПЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

В лингвистической литературе отмечается, что тропеические преобразования лексических единиц осуществляются по определенным принципам (Н.Д.Арутюнова) и что характер этих преобразований с течением времени изменяется (М.Л.Гаспаров).

Анализ тропеических единиц, служащих вспомогательным субъектом сравнения, с точки зрения их принадлежности к той или иной тематической группе показывает, что эти изменения отражают динамику внешнего мира и картины мира в сознании поэта, живущего в определенную эпоху. Так, в начале XX века, когда поэты обратились к изображению технических новшеств своего времени, уподобление этих новых реалий мира происходит по принципу антропо- и зооморфизма: “Стрекозами дыблются аэропланы” (П.Соловьева), “Полет - стада стальных стрекоз” (А.Блок).

В тридцатые и особенно - в шестидесятые-восьмидесятые годы начинают активно использоваться лексические единицы и сочетания слов, принадлежащие к тематической группе “Техника”. При этом человек и животные уподобляются техническим устройствам, механическим приспособлениям, а их действия - действию машин и механизмов: “Твой кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир”, “Коровы, пятясь, как аэротрапы...”, “Сирень пылает ацетиленом” (А.Вознесенский); “Свой вопрос выбросила, как антенну”, “Словно зонд из корабля” (К.Ваншенкин) и др.

В некоторых новых фразеологизмах мир человека также уподобляется миру техники: “черный ящик” (себе на уме), “вышел на орбиту” (сделал карьеру), “не суетись на взлетной полосе” (не путайся под ногами) и др.

Все сказанное свидетельствует о том, что в XX веке технические концепты стали частью концептосферы языковой личности.

Г.П.Джинджолия

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ТРОПЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА Б. ПАСТЕРНАКА

Тропы являются важнейшим средством формирования поэтической картины мира художника. Модель мира представляет собой определенную “сетку координат”, при посредничестве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира в своем сознании /А.Я.Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972/. Парадигма темпоральных тропов образуется именами семантического инварианта “время” и именами образов. Рассмотрим темпоральные тропы как фактор создания своеобразия поэтической картины мира в лирической поэзии Б.Пастернака.

В разные периоды творчества Б.Пастернака темпоральные тропы в его произведениях представлены неравномерно. Так, имена *день, ночь, заря, закат* активны во все периоды, в ран-

ний и средний периоды творчества предпочтение отдается именам *миг, мгновение, минута*, в поздний период - именам *будущее, столетие, эпоха, вечность, бессмертие*.

Ярко проявляется ассоциативный характер поэтического видения мира Б.Пастернаком. Понятие времени воспринимается им все время по-разному. Ранний период характеризуется созданием высоких ассоциаций, в средний и поздний период поэт тяготеет к ассоциациям, связанным с бытом.

Для поэтического образа мира Б.Пастернака характерны образы *время - человек, время - животное*. Это отражает взгляд поэта на мир как одушевленный, несущий в себе творческую динамику, в котором всегда присутствует живое творческое начало /И.И.Ковтунова/.

От образа время-человек отталкиваются частные образы: время-абстрактный человек (Я к персти дней припал), время -лирический герой (Но век в своей красе/Сильнее моего нитья/И хочет быть как я/, время -множество людей, включая лирического героя (миг как мы). Первая из этих линий проходит через все творчество поэта, в то время как две последние характерны преимущественно для позднего периода.

В темпоральных тропах, развивающих образную параллель время-животное, сквозными являются тропы время-артефакты, время-неодушевленный мир (Час скользит, как камешек; Струями вис рассвет). В средний и поздний периоды появляются образы время-кровь, время -растительный мир (И до крови кроил наш век-закройщик; На стебле, на стебле зимы).

Исследование “сетки координат”, основанной на темпоральных тропах, позволяет видеть характер восприятия мира поэтом, проследить эволюцию его поэтической картины мира.

О.В.Мякшева

КОНЦЕПТ “ОКНО” В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Картина пространства не сводима ни к какому физико-геометрическому образу. Художественное пространство еще более удалено от конкретного, физического, объективного. Оно представляет модель мира писателя, художника, выраженную на языке пространственных представлений. В художественном пространстве отражаются особенности национального менталитета, духовного образа народа.

Объектом нашего исследования является концепт, представленный в языке лексемой “окно”.

Проанализированные нами тексты относятся к разным стилям речи (художественный и публицистический) и к разным жанрам (рассказы А.Чехова, В.Белова, комедия Н.Гоголя “Ревизор”, очерки В.Пескова), но их объединяет общее устремление – показать духовный мир народа, его нравственный облик. В текстах концепт “Окно” приобретает различные смысловые наращивания.

Вспомним рассказ А.Чехова “Ванька”: только взглянув в окно из замкнутого пространства комнаты сапожника Алехина, Ванька Жуков вспоминает милую его сердцу деревню. Главный герой рассказа В.Белова “Мальчики” во время урока смотрит в окно, где свобода и где грохочут поезда, а у окна спиной к классу стоит его учительница, погруженная в воспоминания о погибшем муже. Заметно раздвигает пространственные пределы окно в пьесе Н.Гоголя “Ревизор”. Художественно-публицистические очерки В.Пескова, призывающие жить “по красоте, чистоте, правде, совести”, имеют общее название – “Окно в природу”.

Пространственные характеристики предметов (а в антропоцентрических текстах - человека по отношению к предметам) в принципе бесконечны, тем более показательно использование в художественных текстах данного концепта, преобразующегося в символическое значение “просвета, ведущего к свободе, духовному очищению”.

О.Н.Чарыкова

ОБРАЗ “РУССКОГО МИРА” В ЛИРИКЕ С.ЕСЕНИНА

Одним из важных параметров поэтического идиолекта является система тропов. Наиболее интересным и важным среди тропов представляется метафора, которая наиболее ярко отра-

жает поэтическое видение мира художником. Наименее изученным видом метафоры в художественном тексте является глагольная метафора.

Специфика глагольной метафоры в том, что глагол занимает центральное место в предложении; обладая при этом несколькими валентностями, он дает возможность для широкого метафорического варьирования в тексте, а, следовательно, высоким потенциалом как средство создания авторского поэтического образа мира.

Учет позиций метафоризирующих членов предложения позволяет выявить в художественном тексте структурные типы глагольной метафоры, а также сквозные образы в творчестве того или иного автора.

Анализ глагольной метафоры в лирике С.Есенина позволил выявить ряд сквозных образов в его поэтическом творчестве, которые могут быть названы *русским миром*. Эти образы связаны с восприятием поэтом действительности “с крестьянским уклоном” (по его собственным словам), а также с народно-поэтическими представлениями, лежащими в основе поэтической картины мира С.Есенина. Образ *русского мира* в поэтическом восприятии действительности С.Есениным представлен образами реалий крестьянского быта /конь, теленок, коромысло, серп и др./, с образами природы /клен, ива, рябина, береза, тополь/ и т.д.

Индивидуальная поэтическая картина мира, открывающаяся нам в творчестве С.Есенина, в своей основе опирается на славянскую мифологию, народно-поэтические представления о мире, а также представления, отражающие реалии русского крестьянского быта.

И.А.Морозова.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПОЭТА (на материале стихотворений И.А.Бунина)

Объективный мир во всём многообразии отражается в языке. Язык отражает и материальную, и духовную культуру его носителей: географию, климат, быт, историю, фольклор, мораль, систему ценностей, менталитет, особенности национального характера и многое другое. Писатель, поэт тоже отражает национальную действительность в своем творчестве, внося в это отражение свои собственные дополнения и изменения, определяемые его художественным мировосприятием.

Наглядной иллюстрацией отражения русской национальной действительности в языковом сознании поэта может служить поэтическое творчество И.А. Бунина.

Кратко, точно удастся этому поэту обрисовать особенности среднерусской полосы: ландшафт, климат, растительный и животный мир, создать образную картину русской действительности..

Ровное пространство в лирике И.А.Бунина представлено номинациями: *луг, дол, долина, поле, пашня, равнина, жнивье*. Доминирующей номинацией является *степь*.

Ровное пространство, покрытое древесной или кустарниковой растительностью, представлено такими словоупотреблениями: *осинник, березняк, роцца, бор, чаща, полесье, дубрава, глушь, сад*. Самое частотное - *лес*.

пересеченное пространство представлено наименованиями: *утес, овраг,, балка, лоцина, курган, косогор, гора, обрыв, скала* и др.

Для обозначения проездных путей используются следующие словоупотребления: *дорога, большак, шлях, путь (проселочный путь), просека, межа*.

Растительный мир представлен большим количеством наименований деревьев, кустарников, трав, цветов, культурных растений и т.д.: *тополь, клен, береза, ель, сосна, черемуха, лиственница, орешник, ракета, лозина; бурьян, ковыль, повилка-трава, мурава, клевер, полынь, донник, отава,, осока, куга, васильки, ландыш и др.; гречиха, ржи, овсы, лен, ячмень, тыква, бахча* и др.

Мир живых существ и связанных с ним реалий представлен в бунинской лирике весьма разнообразно: *волк, соболь, куница, горностай, олень и др.; иволга, журавль, дрозд, грач, кукушка, жаворонок, орел, перепел, кобчик, сова,, снегирь, скворец, ворон, стриж, щегол, голубь, чайка: змея, жук, шмель, мотылек; петух, цыплята, лошадь, конь, собака, пес* и др. Доминирует наименование птиц (18 видовых названий).

Состояние природной среды, воплощенное в лирике Бунина, типично для России: *угрюмая зима, метель, вьюга, вопли бури, морозная мгла, туман молочно-синий, вечер сиз и хмур* и т.д.

Легко узнаваемы у поэта русские селения, постройки. Для этого используется следующие номинации: *село, деревня, селенье, усадьба, хутор, поселок, изба, сторожка, конура, караулка, часовенка, усадьба, пристройка, сарай, хлев, гумно, кровля, крыльцо, застройка, рехи* и т.д.

Обозначения бытовых реалий представлены следующими номинациями: *печь (печка), труба, зола; лавка, лежанка, колыбель, икона, лампадка; криница, журавль, ведро, шахта; холстина, плаха, юбка, подштанники, сюртучок и др.; подвода, колокольчик, соха, плетка; топор, валец, вешки; рог, самострел* и т.д.

Встречаются в бунинской поэзии наименования и описания праздников, отмечаемых на Руси: "Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы", "Петров день", "Канун Купалы" и др.

В лирике И.А.Бунина находит отражение русский фольклор. Легенды, предания, притчи, сказания, лирические песни, "страдания", прибаутки и присказки, преобразованные, становятся стихами: "Два голоса", "Мачеха", "Отрава", "Невеста", "Святогор", "Святогор и Илья", "Князь Всеслав", "Аленушка", "Баба-яга", "Мне вечер, младой..." и др.

Отражением русской национальной действительности являются единичные употребления в лирике Бунина собственных имен существительных: Сибирь, Днепр, Москва, Невский, Плющиха и др.

Общее представление о родине воплощено И.А.Буниным словосочетаниями: *край родной, моя отчизна, поля мои родные, отеческий край, степная и безлюдная страна* и др.

Использование тех или иных наименований реалий и явлений действительности отражает индивидуальное видение действительности художника слова, особенности его поэтической интерпретации мира. Представляет интерес сопоставление художественных миров различных русских поэтов - наверняка будет доминировать разная лексика, выявятся различные тематические группы, что позволит составить представление о индивидуальном поэтическом восприятии России этими поэтами.

Национальное сознание и национальное коммуникативное поведение

Л.В. Цурикова

КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ НОРМЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема связи языка и национального характера решается современной лингвистикой таким образом, что сведения о национальном сознании оказываются результатом лингвистического анализа, а не его исходной предпосылкой: свойства национального характера выявляются путем изучения национально-специфического в соответствующих языках.

Изучение культурно детерминированных норм речевого поведения и причин коммуникативных неудач и конфликтов, возникающих при общении носителей разных языковых культур, когда они говорят на языке друг друга без видимых лексических и грамматических ошибок, позволяет выявить национально-специфические представления носителей этих языковых культур о коммуникативно значимых социальных факторах, включенных в национальную картину мира и обуславливающих появление в этих языках конвенциональных и институализированных форм выражения.

Сопоставление особенностей норм речевого поведения и правил вежливости при выражении побуждения, предположения, аксиологической оценки, извинения, благодарности и т.д. в англо-саксонской и русской языковых культурах позволяет выявить существенные различия в

выборе речевых стратегий носителями этих культур. Эти различия связаны с различными, а иногда и противоположными оценками социопрагматических переменных, релевантных для осуществления указанных речевых действий. Использование коммуникативных стратегий родного языка русскоязычными и англоязычными коммуникантами при общении на языке друг друга приводит к коммуникативным неудачам и межкультурным конфликтам и способствует формированию ЛОЖНЫХ культурных стереотипов в отношении целых наций.

Отсутствие лексических и грамматических ошибок в случае коммуникативных неудач при межкультурном общении свидетельствует о наличии прагматических ошибок, связанных либо с неверной интерпретацией конвенционального или институализированного значения используемых языковых форм, либо с неправильной оценкой коммуникативной ситуации и норм поведения в ней, принятых в данном обществе. И в том, и в другом случае результатом является неверное коммуникативное поведение и неадекватное использование языка.

В докладе на большом количестве примеров анализируются прагмалингвистические и социопрагматические ошибки носителей русской и английской речевых культур при общении на языке друг друга, отражающие национальную обусловленность языкового поведения и особенности языковой социализации.

Таранцей Ю.В.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТАКТА В ОБЩЕНИИ

Исследование ситуаций установления контакта на материале русской, английской и американской художественной литературы позволяет сделать вывод, что коммуникативное поведение разных народов имеет существенные национальные особенности /в частности, при установлении контакта/. Сравним средства установления контакта в английском, русском и американском коммуникативном поведении.

1. Вербальные средства. Американское общение обладает ограниченным набором средств установления контакта, которые часто сводятся к формуле "±обращение ±приветствие"; английское общение имеет более широкий диапазон, однако, формулы с обращением и приветствием и здесь доминируют; в русском же общении мало устойчивых формул средств установления контакта, т.к. средством установления контакта может служить практически любая фраза, с которой адресант обращается к адресату. В русском коммуникативном поведении обращение используется как знак особого расположения к собеседнику или для установления дистанции между собеседниками.

В английском и американском общении "совет" как средство установления контакта неэффективен, ведет к уклонению от контакта; в русском он служит эффективным контактным средством.

Средство "выражение радости от встречи" в английском и американском общении используется широко, но как обязательный этикетный элемент, в русском же общении только тогда, когда встреча действительно приятна.

В английском и американском коммуникативном поведении широко распространен комплимент, в русском же коммуникативном поведении он используется редко и не является эффективным средством установления контакта.

Для английского и американского коммуникативного поведения характерен большой набор контактоустанавливающих фраз, вопросов.

Только для американского общения характерно "узнавание собеседника" как средство установления контакта. Только для английского общения характерно использование безоценочного и безэмоционального обращения "dear". Только для русского общения характерны такие средства установления контакта как "выражение скучания по собеседнику", "предложение еды/питья".

2. Невербальные средства. В английском коммуникативном поведении используются как средства установления контакта улыбка и контактоустанавливающий взгляд, жесты как средство установления контакта мало употребимы; рукопожатия, поцелуи и другие физические контакты возможны только между родственниками или хорошо знакомыми людьми. В американском общении набор невербальных средств установления контакта больше, обязательным эле-

ментом является улыбка. В русском общении невербальные средства используются очень широко, физические контакты /прикосновения, поцелуи и др./ возможны и между незнакомыми людьми.

В английском и американском коммуникативном поведении средством установления контакта является фиксация взгляда на собеседнике в течение некоторого времени, в русском общении это ведет к уклонению от контакта.

В английском и русском общении эффективными средствами являются действия с предметами /"просьба закурить" - средство установления контакта только в русском коммуникативном поведении/.

Только для русского общения характерно как средство установления контакта "преграждение пути", захват за руку или под руку.

В результате исследования мы можем сделать вывод, что английское и русское коммуникативное поведение практически противопоставлены друг другу, а американское коммуникативное поведение занимает срединное положение между русским и английским коммуникативным поведением.

Шилихина К.М.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МОДИФИКАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СОБЕСЕДНИКА В РУССКОМ ОБЩЕНИИ

Ситуация модификации поведения собеседника является весьма распространенной в российской коммуникативной культуре. Особенностью этой ситуации является ее "горизонтальность" в отличие от "вертикальности" таких стандартных ситуаций, как, например, "в магазине" или "у врача".

Для описания данной коммуникативной ситуации важны следующие социальные характеристики участников общения: соотношение их социальных статусов, выполняемые ими в момент общения социальные роли, а также сфера общения.

В российской коммуникативной культуре наблюдается большое разнообразие языковых средств, которые в речи могут выполнять модифицирующую функцию. В зависимости от соотношения социо-прагматических компонентов ситуации общения, говорящий может управлять поведением собеседника с помощью директивных либо недирективных речевых актов.

Наиболее распространенными синтаксическими конструкциями, которые используются для оформления побудительной интенции, являются высказывания, содержащие глагол в повелительном наклонении, а также вопросительные конструкции. Первые являются языковыми конвенциями, т.е. побудительная интенция является частью их семантики. Вторые относятся к речевым конвенциям, т.е. они стабильно опознаются адресатами как побуждения к действию благодаря высокой частотности их использования в речи.

Особенностью ситуации модификации поведения собеседника в российской коммуникативной культуре является существование речевого акта замечания. Эти высказывания адресуются представителям определенной группы коммуникантов, а именно, детям в различных ситуациях общения (семья, школа, общественные места) и характеризуются "гибридностью" коммуникативной цели: говорящий одновременно выражает свое недовольство поведением адресата и модифицирует его поведение.

М.А.Стрельникова

СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АМЕРИКАНЦАХ И ОБУЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОМУ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Любопытство по отношению к американцам стало одной из традиций интеллектуальной жизни Центральной Европы. Обучаясь в университетах США, выезжая на работу или в туристи-

Студенты проявили большой интерес к предложенным им анкетам. Разнообразие ответов и многообразии выделенных ими характеристик, при наличии определенного числа инвариантных, позволило составить детальное описание стереотипа типичного американца в сознании российской молодежи. Характерно, что большинство студентов дали положительно-оценочную характеристику объекту описания, и лишь незначительный процент анкетированных представили американца в неприглядном виде.

Результаты проведенного анализа будут использованы при подготовке пособий по обучению межкультурному общению русских и американцев.

Н.И.Базарская

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ АМЕРИКАНЦЕВ

Падение “железного занавеса” дало возможность россиянам не в кино, а в реальной жизни познакомиться с представителями других культур, своими глазами увидеть западный образ жизни. Оказалось, что в жизни всё не совсем так, как мы себе представляли, и только сейчас мы начинаем приходить к объективному, взвешенному взгляду на западный мир и его людей.

Россия и Америка – два абсолютно разных мира, две разных культуры, две различных системы ценностей. Опыт постоянного общения с американцами на протяжении 8 лет дает мне возможность говорить о том, что реальный образ молодого американца существенно отличается от сложившихся в нашем сознании стереотипов.

Самостоятельность, положительная самооценка, уверенность в себе и своих силах, деловитость, гибкость в отношениях с людьми и миром в целом, а также отношение ко всему, что с тобой происходит в жизни как к естественному ходу вещей – главные качества, над которыми американец работает на протяжении всей своей жизни. Пресловутая “закомплексованность”, недооценка себя, своих способностей, свойственная нам, русским, совершенно чужда большинству американцев. Свои комплексы, если они есть, американец тщательно скрывает, никогда в ней не признаётся и постоянно с ней борется.

Средства языка, используемые американцами в речи, являются объективным доказательством высокой самооценки американцев и их уверенности в себе. Использование конструкций пассивного залога совершенно не свойственно американцам даже в деловой речи и при написании деловых бумаг, являясь для них, по-видимому, проявлением неуверенности в своих силах и отсутствием четкой позиции. По этой же причине они крайне редко используют и конструкции сослагательного наклонения.

Американец всячески избегает признания собственной некомпетентности: там, где русский не задумываясь скажет: “Этого я не знаю”, американец выразится по-другому: “Я узнаю и Вам скажу”.

Деловитость американцев далеко не всегда тождественна их организованности. “Be busy” – “будь занят” – девиз жизни любого американца с юных лет. Органайзер, карманный календарь с подробным расписанием дел на каждый день – неизбежный атрибут повседневности любого американца. Но в своем многообразии дел он вовсе не обязательно расставит их по степени важности, скорее наоборот: в суете многих дел он обязательно что-то забудет, куда-то опоздает, что-то начнет и не закончит. Хорошо организованный американец – редкость, и американцы сами осознают этот свой недостаток.

По собственному свидетельству американцев, во многом их жизнь рассчитана на внешний эффект: их деловитость у всех на виду, а то, что половина дел начата, но не закончена – об этом знают только они сами. Знают, но не скажут об этом никому!

Н.И.Марченко,

О.В.Марченко

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ В ПЕРИОД ПРАЗДНИКА HALLOWEEN

Каждый год 31 октября американцы отмечают праздник Halloween. Этот праздник уходит корнями в кельтскому празднику в честь бога смерти и римскому - в честь богини садов. Основные цвета праздника - черный и оранжевый - символизируют смерть и урожай, которые представлены в празднике разнообразной нечистью (веселой и страшной), а также плодами труда земледельцев - яблоками, тыквами, пирогами из тыквы, орехами, кукурузой и т.д.

Активную роль в праздновании играют дети. Ряженные дети переходят из одного дома в другой и предлагают жителям традиционный для этого дня выбор - trick or treat ("розыгрыш или угощение"). В случае отказа в угощении дети могут подшутить над хозяином дома - разрисовать мылом окна, оставить надписи на дверях, перевернуть мусорные контейнеры, вставить булавку в дверной звонок, разбрызгать крем для бритья на машину и т.д. Если праздник приходится на школьный день, дети могут прийти в школу с костюмами для праздника, и несколько последних уроков превращаются в парад привидений, ведьм и прочей нечисти. Традиционными являются костюмы ведьмы Дороти из "Волшебника страны Оз", кога с коробкой из-под корма для кошек, которую можно использовать для сбора угощений, цыганки-гадалки с картами, божьей коровки, оборотня, снеговика.

Существуют правила поведения для детей в праздничный день: ходить по домам только в группах ряженных и никогда - по одному, никогда не входить внутрь незнакомого дома, младшие дети должны ходить вместе со старшими.

После праздничного обеда принято посмотреть фильм ужасов или всей семьей почитать страшную историю. Принято также играть в особые для этого праздника игры: доставать зубами яблоки из миски с водой, рисовать портрет ведьмы (по очереди, загибая предыдущее изображение), искать сокровища, спрятанные в страшной и темной комнате, распутывать нить-паутину, чтобы найти страшный приз и т.д.

Для встречи ряженных готовят угощения - леденцы, фрукты, пакетики чипсов или попкорна, мелкие монеты, цветные карандаши, книжки, стикеры с символикой Halloween. Домашнюю выпечку принято дарить в пакетах, на которых указаны имя и адрес.

И.А.Стернин

АМЕРИКАНСКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ

Коммуникативные табу являются яркой чертой национального коммуникативного поведения. Именно соблюдение речевых и тематических табу в первую демонстрирует адаптацию иностранца к национальным традициям коммуникативного поведения страны изучаемого языка. Нарушение табу может привести к недоразумениям, обидам и даже серьезным конфликтам. В связи с этим изучение коммуникативных национальных табу является важнейшей задачей описания любого национального коммуникативного поведения. Систематических исследований коммуникативных табу для современных европейских языков еще не проводилось.

Исследование коммуникативных табу в американском общении показывает, что важной чертой американского общения является фактическая табуированность обсуждения политических и религиозных проблем в личном общении /к примеру, на вечеринке, за столом и т. д./. Не обсуждают за столом вопросы, связанные с деньгами и сексом /правда, последняя тема сейчас стала сравнительно менее табуированной, чем раньше/. Нельзя говорить о своих сексуальных проблемах, упоминать сексуальные темы в присутствии детей. Закрытыми являются темы психических заболеваний, гомосексуализма, лесбиянства.

В "приличном обществе" табуирована критика профессиональных навыков конкурентов /зубной врач не может сказать пациенту, что предшествующий врач что-то сделал пациенту плохо или непрофессионально/.

Табуирован вопрос о личном доходе, о размере заработной платы, о нынешнем финансовом состоянии человека - такие вопросы считаются крайне неприличными, бестактными, вторгающимися в личную жизнь собеседника. Часто даже члены американской семьи не знают точно, кто сколько получает/ например, жена знает, сколько получает муж, а его мать - нет/.

Аналогично табуирован вопрос о доходах фирмы, адресованный кому-либо из работников фирмы - такой вопрос имеет право задать только налоговый инспектор.

В общении с незнакомым или малознакомым собеседником не принято спрашивать о деталях личной жизни собеседника/ о семейном положении, к примеру, размере семьи, количестве детей/, о болезнях, которыми человек болел или болеет.

Считается неприличным обсуждать в общении доходы третьих лиц, хотя это табу в реальном общении американцев сплошь и рядом нарушается.

Нельзя делать замечания незнакомым людям, касающиеся их поведения. Не принято комментировать внешний вид друг друга, не делают друг другу замечаний по этому поводу. Не принято говорить незнакомому человеку /особенно мужчине/, что у него тот или иной не порядок в одежде.

Не принято возражать гостям, и тем более спорить с ними. Если возникает атмосфера несогласия, то обычно вежливо констатируется расхождение во взглядах и разговор переводится на другую тему.

Неприлично отказаться от еды в чьем-либо доме, необходимо хотя бы немного попробовать. Ссылка на проблемы желудка, соблюдение диеты и т.д. не считаются допустимыми в таких случаях. Табуировано обсуждение стоимости предложенной еды и стоимости принесенных подарков.

Женщины могут беседовать друг с другом в ванной комнате, а у мужчин это не принято. Не существует особых тем, табуированных в общении с иностранцами /если они не табуированы внутри американского общества/.

Женщины не могут ругаться в присутствии мужчин, хотя мужчинам это допускается. Если стоит очередь, нельзя без очереди обращаться за справкой или с вопросом к продавцу; не принято просить незнакомых помочь вам с тяжелым багажом. Не принято просить о личном одолжении коллег, если они не ваши лучшие друзья, допустимо просить о профессиональной помощи - например, прочитать и критически оценить вашу статью.

С попутчиками достаточно часто разговаривают, но нельзя просить их присмотреть за вашими вещами, принести кофе и т.д. Нельзя перебивать разговаривающих людей вопросом, если вы никого из них не знаете. Не принято вообще прерывать вопросом или просьбой беседу людей.

Дьякова М.Ф., Еремина Л.А., Мруць

Н.А.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

КАМЕРУНСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Общими особенностями камерунского коммуникативного поведения можно назвать следующие: подчеркнутая вежливость в общении, высокий уровень бытовой вежливости, законопослушание, основанное на строгости законов и традиции их соблюдать, уважительное отношение к иной точке зрения, пониженный уровень громкости речи.

Рассматривая поведение камерунцев в стандартных коммуникативных ситуациях, можно отметить следующие особенности.

При встрече улыбка у камерунцев не обязательна, можно поприветствовать друг друга и с серьезным выражением лица. Если встречаются мужчины, то возможно рукопожатие. Мужчины при встрече могут взять друг друга за локти, лучезапястные суставы, кисти рук, могут обнять друг друга. При встрече мужчины и женщины эти жесты недопустимы. Женщина никогда не может подать руку мужчине. Надо отметить, что в данной коммуникативной ситуации такие же требования предъявляются и к детям. Даже пятилетний мальчик в данной ситуации воспринимается как взрослый мужчина. Этикет не позволяет при встрече (да и вообще) мужчине и женщине целоваться на улице, при детях. Если встречаются люди разного возраста, то младший должен приветствовать старшего, он здоровается первым, добавляя к приветствию обращение “господин” (“госпожа”). Старший, *если захочет*, может подать руку, младший же по возрасту не имеет права подавать руку первым.

В Камеруне допустимым является обращение с вопросом к незнакомым людям на улице, спрашивать можно обо всем. При этом вопрос следует начинать с обращений “господин”, “госпожа”, возможны также обращения “молодой человек”, “девушка”. Недопустимыми с точки зрения этикета обращения к незнакомым людям “дедушка”, “бабушка”, так как это ассоциируется в сознании носителей языка с понятиями “старейшина”, “старший в роду”.

При разговоре ровесников допустимо смотреть в глаза друг другу. Если же есть различия в возрасте, то младшему нельзя смотреть в глаза старшему. Кроме того, при разговоре должна соблюдаться определенная дистанция. Чем больше дистанция, тем более уважительное отношение демонстрируется к собеседнику. В разговоре со старшим, уважаемым человеком эта дистанция может достигать 1 метра.

На отношение к собеседнику указывает и громкость голоса: чем тише говорит собеседник, тем большее уважение он демонстрирует. В Камеруне вообще принято говорить тихо, чтобы не мешать окружающим, поэтому ни в транспорте, ни на улице люди не превышают голоса.

При встрече горожане обычно не задают вопросов о жизни, о семье - это не принято. Такие вопросы можно задавать только близким друзьям или родственникам. На севере же Камеруна, в сельских районах вопросы о жизни, о семье, о детях люди могут задавать друг другу столько раз, сколько встречаются за день. Отвечать в таких ситуациях на вопросы нужно очень подробно.

В городских районах приглашение в гости должно быть обязательно письменным. В деревне можно приходить в гости без приглашения. Опаздывать в гости можно. Если, например, в приглашении на молодежную вечеринку указано время 20.00, то это означает, что прийти нужно не ранее 22.00 часов. В домашней обстановке женщина может находиться за столом с мужчинами. Разговор за столом может вестись обо всем, но тихо, не превышая голоса. При несогласии с мнением собеседника нужно уйти от разговора, но нельзя обидеть собеседника.

В Камеруне не принято говорить “нет” собеседнику, чтобы не обидеть его. Если в разговоре собеседники не перебивают друг друга, дают возможность высказать свои мысли, то это является демонстрацией уважительного отношения. Любая попытка перебить собеседника демонстрирует неуважительное отношение к нему.

Существенные различия между культурами наблюдаются в символике цветов и подарков. Так, например, в Камеруне белый цвет обозначает счастье, женщина вдова должна носить одежду синего цвета. Черный цвет одежды символизирует потерю близкого родственника.

В качестве подарков чаще используются продукты питания. Это символизирует достаток (“если у человека есть еда - у него есть все”). Самым лучшим подарком считается живая свинья.

Кроме того, на свадьбу можно подарить искусственные цветы (так как это дешевле), на остальные праздники дарить цветы не принято, это нетрадиционный подарок. При рождении ребенка можно дарить одежду, мясо, любые продукты.

Е.Б.Чернышова

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Коммуникативное поведение кавказских народов отличается от русского коммуникативного поведения в ряде существенных аспектов, одним из которых является общение детей и с детьми.

Большое значение для коммуникативного поведения кавказца имеет его ориентация на родовой клан или тейп. Общение внутри тейпов и между тейпами подчиняется строгим правилам, причем обнаруживаются заметные особенности коммуникации между сильными /богатыми/ и слабыми /бедными/ тейпами.

Так, дети сильного и слабого тейпов демонстрируют в общении несходные коммуникативные традиции. Так, мальчики из более сильного тейпа при обращении к младшему из слабого тейпа обычно используют обращение “Эй!”, неприменимое в общении с равным или младшим в своем или сильном тейпе.

Мальчик не должен никому жаловаться на боль, но при этом он должен быть эмоциональным и внимательным к матери, которая в старости по традиции остается жить в семье сына.

Мальчики и девочки общаются и играют отдельно. Это связано с традиционным представлением о распределении мужских и женских обязанностей в доме: мужчине отводится роль “внешней стены” дома, а женщине - роль “внутренней стены”. Поэтому мальчики чаще играют друг с другом и образуют группы общения вне дома, за аулом, а девочки преимущественно общаются и играют друг с другом в доме.

Интересна тематика общения взрослых, связанная с детьми. Важное место в общении кавказцев традиционно занимает проблема здоровья детей. Новость о заболевшем ребенке не-

медленно распространяется по тейпу, и даже самые дальние родственники проявляют сочувствие к ребенку, постоянно спрашивают о его здоровье, обсуждают его здоровье, пытаются помочь родителям ребенка.

Взрослые никогда не говорят о своих детях плохо, не подвергают их публичной критике. Наоборот, любые достоинства собственных детей принято безмерно преувеличивать - как в общении с ними самими, так и в разговорах с другими взрослыми. О дочери неизменно говорят: "Красавица", "Царица", о сыне - "Мужчина", "Воин", "Хозяин", "Повелитель". Стремление выделить своего ребенка из остальных проявляется и в традициях кавказского имянаречения - распространены необычные имена, подчеркивающие исключительность ребенка: Ричард, Роберт, Эдуард, Лиана, Кристинэ, Изольда, Изабелла.

Лемяскина Н.А.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОЖИДАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РЕБЕНКА

Для формирования адекватного коммуникативного поведения ребенка важно знать и удовлетворять его коммуникативные ожидания.

Проводимое нами экспериментальное исследование показывает, что ребенок хочет получить от взрослого похвалу, одобрение - возможно, поэтому наиболее частые речевые игры младшего школьника в общении со взрослым - "хорошо я сделал?", "а у меня...", "а я ...", "я знаю", "я лучше чем..." ("а у меня есть собака Веста", "у меня четыре ящика машинок", "я лучше рисую, чем он"). Ребенок хочет реализовать себя, показать себя взрослому с положительной стороны, заслужить положительную оценку.

Но ожидания ребенка далеко не всегда удовлетворяются окружающими.

В понимании взрослого младший школьник - это послушный ребенок, он неукоснительно должен следовать предписаниям, полученным от взрослых. Исследования показывают, что наиболее часто используемые речевые игры взрослых с детьми "ты обязан", "так нельзя", "старайся", "надо делать все отлично". Отношения между взрослым и ребенком складывается как отношения "командир-подчиненный". Если же ребенок не выполняет предписаний взрослого - следует наказание ("если не сделал..., то не...", "ты - плохой"). И взрослый не понимает, что младший школьник воспринимает эти слова буквально, он изо всех сил старается соответствовать ожиданиям взрослого, а если это не получается, у него складывается отрицательная оценка себя. В результате у детей существует постоянный страх перед наказанием (дома, в школе) и чувство незащищенности.

В силу таких сложившихся отношений "взрослый - младший школьник" у ребенка формируется определенная стратегия поведения с окружающими. Он выбирает, копируя, стратегию поведения и речь взрослых ("осел", "отстань", "убью", "зафингалю"), начинает проявлять несдержанность, редко употреблять вежливые слова. Как показывает экспериментальное исследование, теоретически младший школьник знает многие нормы, которые сообщает ему взрослый. Например, ему известно довольно большое количество стандартных формул речевого этикета, он знает, для чего они нужны ("чтобы человеку было приятно", "чтобы было хорошее настроение", "чтобы общаться"), но не употребляет их в общении с окружающими, хотя хочет их слышать в свой адрес. Это объясняется тем, что вербальная форма, используемая взрослыми для обучения детей этим нормам, не оказывает на ребенка необходимого влияния, поскольку гораздо более сильно действует желание подражать реальному коммуникативному поведению взрослых, которое далеко от идеала.

И все - таки, несмотря на довольно сложные отношения взрослых с детьми, как показывает исследование, младшим школьникам свойственны чувство открытости, доброжелательности, непосредственности, радостного мироощущения и мировосприятия. Младший школьник любит мечтать о будущем ("кем я буду, когда вырасту", "хочу, чтобы все злые люди исчезли", "хочу иметь много друзей"). Взрослые отмечают, что любят своих детей за "доброту и ласку", "способность быстро забывать обиду", "любовь и заботу о близких людях", "понимание", "желание помочь другим", "юмор". Ребенок ждет от окружающих такого же отношения к себе. Он любит общаться с "молодым", "веселым", "красивым" взрослым, "интересным рассказчиком". Ему нравится, когда взрослый в общении с ним "улыбается", "задает вопросы о них и их делах", и "не делает много замечаний". И если ребенка не поддерживать, то постепенно авторитарный

стиль отношения взрослых к нему станет доминирующим и в отношениях ребенка к окружающим его людям.

Таким образом, взрослым необходимо знать коммуникативное поведение ребенка и учитывать его в общении с детьми. И не только и не столько заставлять ребенка соответствовать их ожиданиям, а стараться, чтобы их общение соответствовало ожиданиям детей. Тогда есть возможность сформировать личность свободную, творческую, с положительной самооценкой и радостным мировосприятием.

Н.М.Вахтель

О НЕКОТОРЫХ ЧИСТО РУССКИХ МОДЕЛЯХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Многообразие моделей, выражающих один и тот же речевой акт, и наоборот - возможность выражения одной моделью нескольких разных речевых актов - явление, распространенное во всех языках, но русский язык в этом отношении обладает особенно широкими возможностями. При этом оказалось возможным выделить ряд специфических особенностей некоторых моделей русских речевых актов, а также выявить некоторые речевые акты, избегаемые носителями русского языка.

Так, русские не любят экплицировать коммуникативное задание. Этим, на наш взгляд, объясняется сравнительно редкое использование перформативов в русском коммуникативном поведении, ср.:

* -Я протестую; вы мне продали просроченные консервы. Возможно, это связано с разветвленной системой падежа в русском языке, где падеж берет на себя выражение того, о чем идет речь, например: - Чай? -Семгу?

В русском общении редко выражается языковыми средствами готовность выполнить каузируемое действие /например, в ответной реплике: -Сию минуту! Сейчас!/.

В речевом акте совета русские не любят использовать модальные предикаты *мочь, хотеть*, что сделало бы речевой акт косвенным, предпочтение отдается прямому речевому акту совета.

С другой стороны, русские любят использовать прием коммуникативного дублирования при упрашивании, просьбе и отказе, например: - Пойди сходи, купи, принеси хлеба; - Не, не, не, не, не... и др.

В ответной реплике на запрос информации о совершении/несовершении действия (например, "Ты идешь на работу?") русские предпочитают использовать модели *Да, иду /Нет, не иду*, вместо, казалось бы, более логичных *Да/Нет*.

В речевом акте угрозы русские предпочитают использовать Я-высказывания вместо упоминания о возможном возмездии, например: - Я тебе поболтаю! Я тебе дам!

В ситуации проводов гостей при прощании русские любят использовать каузативные глаголы: -Заходите! Звоните! Пишите! Данный тип русского коммуникативного поведения в ситуации прощания вызывает зачастую неадекватную реакцию иностранцев: вместо предполагаемого русским речевым этикетом "Спасибо!", они говорят: "С большим удовольствием!" или спрашивают: "Когда?", "Зачем?".

Высокую частотность в русском общении имеют безглагольные модели и усеченные конструкции типа: - Вот я тебе... /при угрозе/, -Никакого телевизора /при запрете/.

При уговаривании и упрашивании русским часто используются модели с частицей *ну*: - Ну куда же ты? Ну, я не понимаю! Ну хочешь, я все сделаю?

В речевом акте замечания на фоне повышенного раздражения русские часто используют притяжательные местоимения: - Да уברי же ты свои тапочки!.

С.В.Меликян

РЕЧЕВОЙ АКТ МОЛЧАНИЯ В РУССКОМ ОБЩЕНИИ

Молчание по своей структуре и семантике представляет собой речевой акт. В различных лингвокультурных общностях молчание используется по-разному.

Молчание как альтернатива слову интерпретируется в русской коммуникативной культуре различным образом. Прослеживается традиция высокой оценки молчания в произведениях русского фольклора: Слово - серебро, молчание- золото; Кто молчит, тот двух научит; Кстати помолчать- что большое слово сказать; Доброе молчание чем не ответ ? и др. Этот факт отражает потребность в молчании на фоне традиционно высокой коммуникативной активности русского человека.

“Молчание - знак согласия” - одна из самых известных русских поговорок. В связи с этим в русском сознании существует стереотип, что молчание выполняет функцию выражения согласия, то есть замещает слово «да». Но наш анализ показал, что молчание в русском общении - это не согласие, а скорее разногласие. Доказательством этому может служить то, что наиболее часто в русском общении встречается такая функция молчания как дисконтактная (нежелание по каким-либо причинам поддерживать контакт с собеседником).

В молчании, как и в любом другом речевом акте, участвуют говорящий и слушающий. Их молчание неодинаково и выполняет разные функции.

Молчание адресата, кроме уже названной дисконтактной (1), наиболее часто в русской коммуникативной практике выполняет следующие функции:

2. Эмотивно - оценочная. Это демонстрация негативного эмоционального отношения к сказанному.

3. Медитативная. Во время такого акта молчания собеседник собирается с мыслями, обдумывает ответ.

4. Терминационная. Такое молчание сигнализирует об окончании разговора на данную тему.

5. Функция выражения недоверия. Это демонстрация сомнения в искренности слов собеседника.

Молчание говорящего выполняет больше функций, некоторые из которых частично схожи, а другие отличаются от предыдущих:

1. Медитативная. Говорящий смолкает, желая собраться с мыслями, обдумать следующую реплику.

2. Риторическая. Таким молчанием говорящий желает подчеркнуть важность, значение уже сказанного (риторическая анафорическая) или привлечь внимание к последующим словам (риторическая катафорическая).

3. Терминационная. Такое молчание - это сигнал окончания разговора на данную тему и перехода к другой теме.

4. Выжидательная. Говорящий смолкает в ожидании реакции или поступка собеседника.

5. Эмотивная. Это нежелание или неспособность говорить в силу эмоционального напряжения.

6. Атрактивная. Молчанием говорящий желает привлечь, активизировать внимание собеседника или аудитории.

Очень важно, что сами носители языка правильно понимают смысл возникшего молчания. Это позволяет сделать вывод о том, что эти функции акта молчания системны, они заложены в сознании говорящих.

М. Е. Новичихина

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Экспериментальное исследование современной коммерческой номинации позволяет выявить в целом ряде случаев ее яркую национальную специфику.

Так, национальная специфика коммерческих наименований проявилась в реализации литературно-мифологической тематики (“Слон и Моська”, “Колобок”, “Красная Шапочка”, “12 стульев”, “Золотой теленок” и др.)

Национальная специфика обнаруживается в “исторических” наименованиях типа “Постоялый двор”, “Трактир”; названиях-именах (“Наташа”, “Ирина”, “Гоша”, “Татьяна”, “Мария”); национально-территориальной тематике наименований (“Дон”, “Воронеж”, “Земляне” (продукция Землянского района), “Курский”, “Черноземочка”).

Коммерческими наименованиями становятся и слова, не имеющие эквивалентов в ряде иностранных языков: “Чарка”, “У самовара”.

Широко используются наименования, отразившие менталитет русского человека: “Отчий край”, “Стимул”, “Русская тройка”, “Сделай сам”.

В современной коммерческой номинации получили распространение уменьшительно-ласкательные наименования - типично русское явление: “Домовенок”, “Башмачок”, “Беконка”.

Вместе с тем, значительная часть коммерческих наименований носит интернациональный характер. Анализ же национальной специфики позволяет выявить диалектику национального и универсального в коммерческой номинации.

В.П.Бородачев

ИНТИМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Интимизация в рекламном дискурсе -эффективный способ сближения с адресатом как в ситуациях непосредственного общения рекламного агента с клиентом, так и в ситуации опосредованного общения (реклама через средства массовой коммуникации).

Интимизация -важнейший и неизменно эффективный прием речевого воздействия. Это прием реализуется в современной русской рекламе различными способами.

1. Юмор. “Если вы хотите избавиться от тараканов, загоните их под шкаф ... и отпилите у шкафа ножки” (реклама средства для борьбы с тараканами).

2. Парадокс. “ - Что будет, если тебя застукают при исполнении шпионских обязанностей? -В трудовом соглашении записано, что я должен покончить с собой. -”Что, у тебя есть яд? -Не волнуйся. У меня есть более надежный способ: достаточно пять раз подряд посмотреть рекламу”.

3. Воспоминание . “- Вы помните это? Be-ba-bu-la-la, she’s my baby... У-у! Обожаю музыку “Ностальжи!” Мой отец прав : этот просто высший класс. ... “Ностальжи” -мелодии, рождающие воспоминания”.

4. Олицетворение рекламных объектов. “У меня появился друг. Высокий, красивый, настоящий швед! Он такой умница!” (реклама холодильника “Электролюкс”)

5. Заигрывание с адресатом. Например, имитация рассказа малыша: “Меня зовут Антон. А это моя мама. Она замечательная. Вы знаете, я иногда бываю мокрый. Смотрите, какой славный диван! Угадайте, что я сейчас делаю? А мама ничего не скажет! Mam, давай откроем секрет!” (реклама подгузников “Либеро”).

6. Жаргонные и просторечные языковые средства. “Ё-моё, шо ж я сделал?” (Реклама “Твикс”).

7. Эротика. Примером могут служить рекламные объявления, плакаты, клипы с изображением полубоженных женщин и даже в больше степени - содержащие намек на обнажение.

Список средств интимизации рекламного дискурса перечисленными выше не исчерпывается, мы привели лишь наиболее заметные и употребительные в русской рекламе 90-ых г.г. Интимизация вовлекает реципиента в рекламный сюжет и направляет деятельность реципиента в сфере потребностей, актуализованных рекламным дискурсом.

И.В.Фомина

АЛКОГОЛЬ И ОБЩЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Роль алкоголя в общении того или иного народа различается весьма существенно от культуры к культуре. В американской культуре алкоголь в процессе общения не занимает центрального места, а скорее является лишь фоном для общения. Потребление алкоголя, тем не менее, является частью культуры американцев. Предложение выпить редко выступает как повод для завязывания контакта, как в русском общении. В процессе группового или межличностного общения американцы по традиции пьют алкогольные напитки, но не используют их в качестве причины или повода для вступления в общение.

В связи с тем, что в США в последнее время проходит большое количество антиалко-

гольных компаний и активно проводится компания по пропаганде здорового образа жизни, алкогольные напитки можно распивать только в строго отведенных для этого местах или дома. Нести приобретенные алкогольные напитки следует только таким образом, чтобы бутылок не было видно / в сумках, пакетах, завернутыми/.

В то же время бутылка вина является традиционным и общепринятым подарком, когда идут в гости. В гостях вино вначале разливает хозяин гостям, а затем каждый может угостить своего собеседника (чаще угощает мужчина). Вино считается светским напитком. Для шампанского нужен значительный повод. На молодежных вечеринках большой популярностью пользуется пиво. Только пиво можно пить из горлышка. Особого разделения на мужские и женские напитки не отмечается (может быть, в связи со стремлением женщин к равноправию). Что же касается крепких напитков, то их, как правило, разбавляют.

Тосты не обязательны, можно наливать себе вино самому и пить без тоста. Закуска не обязательна, но крепкие напитки, как правило, закусывают. Алкогольные напитки, как правило, пьют перед едой или во время еды, чтобы придать трапезе особый тон.

Если даже дети сидят за столом вместе со взрослыми, то им вина не наливают, потребление ими алкогольных напитков практически исключено, так как, согласно законодательству США, потребление алкоголя разрешено только с 21 года.

Дистанция между подвыпившими людьми, безусловно, сокращается. Общение становится более тесным, разговоры становятся более разнообразными и активными. При этом общей или традиционной темы для разговоров за столом нет. Общая застольная беседа не является традицией. Беседу ведут то с одним, то с другим собеседником, разбиваясь на вечеринке на пары и группы, пьют тоже группами, а не все вместе. Тамады, как правило, нет. Каждый предоставлен самому себе и развлекается, как может. Это, вероятно, является одним из проявлений индивидуализма, характерного для англоязычных народов.

Ю.В.Слепченкова

РУССКОЕ ЭТИКЕТНОЕ ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Под этикетным письмом понимается частное письмо стандартного содержания, отправление которого в определенных ситуациях жизни русского общества 19-го века считалось обязательным для лиц, принадлежащих к образованным слоям русского общества. Неотправление такого письма рассматривалось как серьезное нарушение этикета, правил хорошего тона.

К числу таких писем могут быть отнесены: поздравительные письма /с праздниками, именинами, днем рождения/; письма-извещения /о смерти, болезни/; пригласительные записки; извинительные письма; сочувствующие письма; письма-ответы.

Каждый из названных видов писем обладал определенной спецификой, причем иногда весьма существенной - необходимо было строго соблюдать правила написания и сроки отправления соответствующего письма, иначе этикетная функция письма была бы не выполнена.

Поздравительные письма по случаю какого-либо приятного события в жизни адресата должны были быть отправлены немедленно после того, как пишущим было получено известие об этом. Поздравления с Новым годом в адрес родных посылались заранее, чтобы они обязательно успели к сроку. Хорошим тоном считалось послать письмо так, чтобы оно было получено непосредственно в день праздника. Подобные письма в адрес друзей и знакомых можно было посылать более "либерально", важно было, чтобы письмо было получено в течение первой недели нового года.

Извещение о смерти или болезни должно было быть отправлено немедленно по получении известия. Нельзя посылать такого типа письма близким родственникам - это означало бы означало нанести им глубокое оскорбление, поставив под сомнение тот факт, что они в курсе дел своих родственников.

Пригласительные письма было принято посылать даже тем лицам, которым предварительно уже было сделано устное приглашение на то или иное мероприятие. Письменное приглашение, таким образом, в русском эпистолярном этикете прошлого века не заменяло, а дополняло устное, являлось выражением дополнительного уважения к приглашаемому.

Извинительные письма были приняты в том случае, если человек не смог прийти на событие, на которое он был приглашен. Этикет требовал послать извинительное письмо и тогда, когда человек пришел на мероприятие, на которое он был приглашен, но опоздал. Так, если человек опоздал на венчание в церковь, но успел на саму свадьбу, он должен был все равно при-слать пригласившим его извинительное письмо. Извинительное письмо должно было быть от-правлено в течение недели.

Сочувственные письма - по поводу болезни, смерти, неприятного события в жизни - должны были посылаться немедленно после получения известия об этом событии.

Важным требованием этикета ответного письма было отправление ответа не позже чем в недельный срок после получения письма.

Важнейшим требованием этикета было соблюдение установленной формы обращения по статусу адресата.

К малознакомому лицу, а также к равному себе принято было обращаться: Милостивый государь! Милостивая государыня!

Если адресат обладал титулом графского или княжеского достоинства, то принято было обращаться: Ваша светлость, Ваше сиятельство с дальнейшим указанием имени и отчества адре-сата (Ваша светлость, Николай Сергеевич!)

Если пишущий был равным адресату по титулу, то принято было обращаться: Мило-стивый государь, князь /граф/ Николай Сергеевич!

Особые обращения приняты были для священнослужителей:

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь - к митрополиту и архиепи-скопам;

Ваше Преосвященство - к епископам;

Ваше Высокопреподобие - к архимандриту;

Ваше Преподобие - к монаху;

Ваше Высокоблагословение - к протоиерею;

Ваше Благословение - к священнику.

Гражданские и военные чины подразделялись на 14 разрядов, и существовали строгие правила обращения к чинам каждого ранга:

Ваше Высокопревосходительство - к чинам 1 и 2 классов;

Ваше Превосходительство - к чинам 3 и 4 классов;

Ваше Высокоблагородие - к чинам 5 класса;

Выше Высокоблагородие - к чинам 6, 7 и 8 классов;

Ваше Благородие - к остальным чинам (9 - 14 классы).

Обращения к Государю определял закон: Августейший Монарх! Всемилолюбивейший Государь! Ваше Императорское Величество!

Существовали также этикетные требования к оформлению писем. Всякая корреспонденция должна была вестись на белой бумаге форматом в лист, пол-листа, четверть листа. Раз-ноцветная бумага с виньетками и украшения допускалась только в переписке между близкими и родными людьми. Поздравительные письма допускалось писать только на одной стороне листа. Существовал особый формат для пригласительных записок и ответных извинительных писем.

Конверты должны были обязательно соответствовать ширине бумаги. Допускалось складывать любое письмо только в 2 раза. Дополнительные перегибы бумаги не допускались.

Можно констатировать, что эпистолярный этикет составлял важную часть культуры общения в русском обществе девятнадцатого века.

Контрастное описание русского языка

Е.Г.Сомова.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЗВУКОСИМВОЛИЗМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Звукосимволизм как синэстетическая связь звучания и значения присущ рецепции носи-теля любого языка. И в этом смысле это явление универсальное. Однако в стихотворном тексте,

как правило, на первый план выступает то национальное и специфическое, что может приводить к неадекватной оценке одного и того же произведения представителями разных языковых групп.

Экспериментальное тестирование русских, английских и немецких информантов, проведенное в отношении четырех русских стихотворений (А.С. Пушкин "Стрекотуня - белобока", Н. Асеев "Над морем", В. Хлебников "Времяши - камыши" и "Портрет") подтверждает гипотезу о национальной специфике восприятия звуко-символизма в поэтическом тексте.

Наиболее сильное различие наблюдалось в оценках аудиторов при описании звуковой стороны стихотворения В. Хлебникова "Портрет", хотя и русскими, и иностранцами особо выделена текстовая доминанта "Э". Ее звуко-символическая характеристика определяла фонетическое значение всего текста. Как представляется, неадекватное восприятие звуковой символики текстов неродного языка происходило вследствие искажения фонемного распознавания у иностранцев. В поэтическом тексте звфония, т.е. уровень стиховой организации, отражающий качественную сторону звуковой формы поэтического текста, оперирует не звуками, а фонемами. Если реципиент воспринимает текст на иностранном языке, в действии неизменно вступает механизм фонетической и графической интерференции, приводящей к тому, что сходным фонемам чужого языка иностранец приписывает дифференциальные признаки, а, следовательно, и связанную с ними характеристику звуковой символики фонем родного языка.

При определении звуковой стороны стихотворения В. Хлебникова "Времяши - камыши" русские читатели определили ее признаком сложный. Представители немецкой и английской групп оценили звучание того же произведения как простое. Предварительно проведенный фоно-семантический анализ показал, что символика стиха определялась скорее признаком простой, чем сложный. Очевидно, на оценку русских информантов повлияло содержание произведения, затрагивающего тему вечности, а также тезаурусное представление русских о Хлебникове как поэте непросто для восприятия.

В поэтическом коде каждого языка в зависимости от характера дифференциальных признаков фонологической системы за теми или иными графемами закрепляется более или менее определенный объем информации, что позволяет использовать их звуко-символические свойства в той или иной функции, причем, эти функции в поэзии разных языков неодинаковы. Дополнительная информация несмыслового характера, которая передается звуковой стороной поэтического текста, нередко не может быть воспринята иностранным читателем, не знакомым с техникой русского поэтического творчества и русской звукоизобразительной системой, что приводит к неадекватной рецепции не только звучания, но и всего образно-художественного содержания произведения.

Е.В. Лукьянчикова.

К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРИЗНАКА ЗАВЕРШЕННОСТИ (на материале русской и немецкой речи)

Факт наличия трудностей при усвоении немецкого признака завершенности в аудитории с родным языком русским явился одной из причин, которые обусловили наше обращение к сопоставительному исследованию данного явления в двух неблизкородственных языках: русском и немецком.

Имеющиеся в контрастивной фонологии данные о несовпадении дифференциальных признаков терминальности (см. работы Е.А.Брызгуновой для русского языка и Е.Штока, Г.Майнхольда для немецкого языка) были подвергнуты в нашем исследовании проверке. В качестве экспериментального материала нашего исследования выступили звучащие тексты различных фонетических стилей: информационного и спонтанного. Рассмотрение способов выражения терминальности в неподготовленной речи проводилось на базе монологических высказываний детей и взрослых: тем самым была предпринята попытка установления признаков терминальности в детской языковой системе, а также в языковой системе взрослых носителей сопоставляемых языков. С точки зрения фонологического подхода ведущим методом нашего исследования явился перцептивный анализ экспериментального материала. В роли аудиторов выступили носители русского/немецкого языков студенты - слависты ВГУ (9 человек) и студенты -

германисты Боннского университета (9 человек). Полученные результаты были проверены также с помощью акустико - инструментального анализа.

Предварительные результаты нашего исследования позволяют говорить о подчиненности фонетических признаков терминальности семантическим, а также о наличии различий при выражении терминальности в русском и немецком языках, обусловленных как фонетическим стилем, так и эмоциональным состоянием говорящего. В ходе выполнения работы нами были выявлены национально-специфические различия в восприятии эмоциональной окраски звучащих текстов носителями русского и немецкого языков.

Н.В.Барышев

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СЕМЫ В РУССКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Национальная специфика семантики отчетливо проявляется у значительной части наименований средств передвижения в русском языке при сопоставлении с аналогичными единицами в английском языке.

Так, проведенный текстовый анализ употребления русских наименований средств передвижения в художественной литературе семидесятых-восьмидесятых годов показал, что можно выделить такие безэквивалентные культурно-обусловленные семы в значениях русских лексем: автомобиль, машина - дефицитность; трудность приобретения; дефицитность запасных частей, признак роскоши; поезд, самолет - дефицитность билетов; такси - трудно нанять; трактор - дефицитность запасных частей; невозможность приобретения в личную собственность; трамвай, автобус - нерегулярность движения, переполненность; грузовик - невозможность приобретения в личную собственность; метро - место чтения и нек. др.

Примерами семантических компонентов, отражающих современные реальности российской национальной действительности девяностых годов, являются следующие:

иномарка - дорогостоящая, признак роскоши, высокое качество; иномарка, лимузин, “Мерседес” - престижность; “Запорожец”, “Москвич” - дешевизна, непрестижность и др.

Характерно, что все приведенные выше в качестве примеров семантические компоненты относятся к разряду периферийных сем, хотя и обладают разной яркостью и разным статусом в структуре значения. Можно сделать вывод о том, что применительно к исследуемой группе лексики именно периферийная часть семантики слова является той сферой, которая непосредственно выражает национально-культурные особенности языковой семантики.

И.В. Фомина

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СИНОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Национальная специфика семантики лексических единиц проявляется при сравнении единиц разных языков. В данном исследовании национальная специфика рассматривается на материале супермногочленных синонимических рядов основных частей речи (глаголов, существительных, прилагательных) русского и английского языков.

Понятие супермногочленного синонимического ряда базируется на понятии об оперативной памяти, согласно которому супермногочленным можно назвать синонимический ряд, если количество компонентов в нем превышает 9.

При изучении словарных источников нами было выявлено заметное преобладание таких рядов в русском языке: 66 против 44 – в английском. При классификации супермногочленных синонимических рядов по смысловым группам установлено, что наибольшее разнообразие смысловых групп супермногочленных синонимических рядов в русском языке (17) отмечается у глаголов по сравнению с прилагательными (7) и существительными (6), тогда как в английском языке количество смысловых групп у исследуемых частей речи отличается незначительно

– 9, 8 и 11 соответственно. При этом и в русском, и в английском языках наиболее широко представлена смысловая группа “Речь”.

В английском языке смысловая группа “чувства, ощущения и впечатления” представлена супермногочленными синонимическими рядами всех основных частей речи, в то время как в русском языке данная смысловая группа представлена только глаголами. У глаголов же в русском языке выделяются по количеству рядов и числу компонентов в них такие смысловые группы, как “Принятие пищи и напитков” и “Состояние/ положение”, тогда как в английском языке для супермногочленной синонимической номинации такие группы нехарактерны.

Таким образом, анализ случаев супермногочленной синонимической номинации в русском и английском языках показывает, что носители исследуемых языков только в достаточно редких случаях подробно дифференцируют одни и те же понятия и категории /исключение представляет смысловая сфера “Речь”/. Смысловая дифференциация понятий и реалий при помощи многочленных синонимических рядов, по-видимому, отражает как некоторые национальные когнитивные закономерности, так и коммуникативные потребности того или иного народа /подробно дифференцируется то, что становится предметом дифференцированного, всестороннего общественного обсуждения/. Важно также учитывать частотность употребления отдельных единиц, входящих в тот или иной синонимический ряд, что позволит уточнить картину реальной значимости тех или иных синонимических дифференциаций для реального словоупотребления народа.

О.М.Воеводская

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

“СВЕТ - ТЬМА” В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Основной задачей проводимого исследования является построение лексико-грамматических полей СВЕТ-ТЬМА в русском языке и LIGHT-DARK в английском с целью выявления моментов сходства и различия в семантических и словообразовательных процессах в двух неблизкородственных языках.

Структуры обоих полей оказались во многом сходными. Так, их ядра образовали лексемы, обозначающие наличие/отсутствие света (свет, тьма..., light, dark...), но в английском языке в ядро также вошли производные лексемы, называющие свет по его источнику (sun-light, lamp-light, fire-light...) или по времени суток, когда свет наличествует (daylight). Общими секторами полей стали: “каузировать быть свет” (светить..., to lighten...), “начинать/прекращать быть свету” (светать, темнеть..., to light (up), to out...), “имеющий/не имеющий свет” (светлый, темный..., light, dark...), “цветовые характеристики степени светлости” (белый, черный..., white, black...), “каузировать объект быть/не быть светлым” (освещать, затемнять, затенять..., to light(en), to darken, to darkle, to shadow...), в английском языке в этом секторе выделяется подсектор “...с указанием инструмента” (to lamp, to torch, to beacon...), “время бытия/небытия света” (рассвет, темнота..., dawn, twilight, darkness...), “формы светоиспускания” (свечение, сияние..., shine, twinkling, gleam...) и другие.

Однако ЛГП СВЕТ-ТЬМА оказалось объемнее ЛГП LIGHT-DARK по количеству составивших его элементов (что объясняется, очевидно, гораздо большими словообразовательными возможностями русского языка), а также по количеству секторов, не отмеченных в ЛГП LIGHT-DARK (например, “помещения, характеризующиеся наличием/отсутствием света” (светелка, темница...), время суток, характеризующееся наличием/отсутствием света” (засветло, впотьмах...) и другие.

М.В.Воронцова

РУССКАЯ РЫНОЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ?

Российская экономика за последнее десятилетие претерпела огромные изменения, пройдя путь от советской экономики планирования через реформы к рыночной экономике. Изменение логико-понятийного аппарата экономической науки повлекло за собой изменения в лингвистической сфере. Острая потребность в новых средствах выражения, необходимость отражения понятий рыночной экономики сказалась на вовлечении в обиход множества внешних заимствований (особенно из английского языка) и на активизации процесса создания неологизмов.

Русская рыночная терминология имеет сложные отношения с англоязычной, оказавшей и оказывающей значительное влияние на ее формирование. Вместе с тем, представляет интерес тот факт, что русская лексическая система активно осваивает иноязычные заимствования в сфере рыночной терминологии, “встраивает” иноязычные лексемы в собственную парадигматику, словообразование, фонетику. Иноязычные заимствования морфологически адаптируются к системе русского языка: annuity- аннуитет, venturous- венчурный, charter - чртерный, forward - форвардный, tramp- трамповое судоходство) и др.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание и на то, что русская лексическая система активно использует свои собственные ресурсы для формирования новой области словаря - рыночной лексики.

Активно используется метафорическое развитие значений исконных русских слов. Активно используется для этих целей лексика тематической группы “медицина”. Ср.: паралич, хирургия, донор, реанимация, санация, летальный исход, кровеносная система, рассосать (тромб), лечить, обескровливать, оздоровление бюджета, рыночный шок.

Кроме однословных метафор, встречаются и развернутые метафоры. Так, экономика представляется в виде живого организма, подверженного болезням и поддающегося лечению. Как ключевая метафора (экономика - живой организм), так и весь набор частных метафор, обусловленных этим основным уподоблением, создают целое метафорическое семантическое поле, перенесенное в область экономики: *образовавшийся в экономике тромб платежей невозможно рассосать*

Некоторые термины, являющиеся антонимами в медицинской терминосистеме, при употреблении в экономическом контексте актуализируют выражение противоположности, присутствующее их семантике. Например, слова “хирургия” и “терапия” являются названиями двух противопоставляемых методов лечения, эти термины остаются антонимической парой и в экономическом контексте, например: “государственная терапия” (неоперативные меры) и “рыночная хирургия” (оперативные меры).

Активно используется также метафоризация лексики тематической группы “Жидкость”: вымывание региональных банков, денежные потоки, размывание контрольного пакета акций, приток валюты, отток средств, отмывание денег, откатать деньги в казну, валюты плавают, плавающие процентные ставки, перелив капитала, капитал потек в Европу, совместное плавание национальных валют, разводнение акционерного капитала и др.

Необходимо отметить также существование русских синонимов к многим заимствованным иноязычным терминам / хотя пока еще, если при выборе наименования существует альтернатива, обычно предпочтение отдается иноязычным терминам/; расширение создания неологизмов за счет словообразовательных средств русского языка; - переосмысление и обновление значений исконно русских слов, возвращаемых из пассивного запаса языка; активное вхождение специальных экономических терминов в разговорную речь; изменение коннотации некоторых экономических терминов, ранее уже существовавших в русском языке. Нельзя отрицать, что многие из этих процессов происходят более или менее под влиянием иноязычных экономических терминосистем, и прежде всего - английской. Тем не менее, можно отметить ослабление тенденции к “зеркальному” отражению иноязычных терминосистем.

Англоязычная терминология сыграла роль “запуска” в формировании русской рыночной терминологии, системная же организация русской лексики в области рыночных отношений, ее полевая организация, внутрисистемные процессы, пути пополнения имеют национальный характер.

Э.Д.Хаустова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ОВОЩЕЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

При описании семантем русских и английских названий овощей были замечены значительные различия в их метафорических значениях.

Такие названия английских овощей, как spinach (шпинат), lettuce (латук), cabbage (капуста) используются для обозначения денег. Например: Put your lettuce on the table; then we'll talk. (Положи деньги на стол, а потом поговорим). \ I don't make enough cabbage to go on a trip like that (У меня нет достаточного количества денег, чтобы продолжать подобное путешествие). Лексемы bean (фасоль), pepper (перец) используются для обозначения малого количества денег. Например, выражение peppercorn rent обозначает очень малое количество денег, выплачиваемое за ренту; not have a bean - иметь мало денег: I haven't a bean, so I can't pay you.

Лексемы vegetable (овощ), bean (фасоль) в составе сложных слов и фразеосочетаний широко используются для названия наркотиков, состояния наркотического или алкогольного опьянения, людей, употребляющих наркотики. Например, juice and beans - название наркотика; vegged out - ослабленный наркотиками или алкоголем; beaned up - напичканный наркотиками; beanhead (бобовая голова) - человек, употребляющий наркотики; bean trip (бобовое путешествие) - состояние эйфории, вызванное употреблением наркотиков или алкоголя.

Названия овощей в английском языке широко используются для отрицательной оценки человека. Так, лексема beanpole употребляется для названия очень худого человека; лексема cabbagehead (кочан капусты) - для глупого человека; лексема beanhead - для неуклюжего человека; лексема vegetable - для сумасшедшего человека, а также для человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения; фразеосочетание couch potato - для ленивого человека, предпочитающего смотреть телевизор, вместо того чтобы вести активную деятельность. В русском языке можно отметить использование названий овощей для обозначения частей тела. Так, лексемы дыня, репа, кочан капусты используются для названия головы; нос сравнивается с картошкой. Некоторые лексемы используются для описания человека: *горе луковое* - о незадачливом человеке; *свежий как огурчик* - хорошо выглядящем человеке и т.д.

И.В. Назарова

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (в сопоставлении с французскими)

В системе фразеологии любого языка устойчивые сравнения занимают **ВАЖНОЕ** место по богатству заключенной в них национально-культурной информации.

Предметом нашего наблюдения стали устойчивые сравнения (УС) русского и французского языков, в которых используются образы животных. Примеры для исследования мы взяли из русских и французских фразеологических словарей, а также из стихотворных текстов русских поэтов середины XX века.

Изучая УС русского и французского языков, мы обнаружили, что образы животных используются для **НОМИНАЦИИ** в следующих тематических полях и лексико-семантических группах:

- * поле характеристик внешних качеств человека;
- * поле характеристик внутренних качеств и психологического состояния человека;
- * поле характеристик физиологического состояния человека;
- * поле характеристик позы и телодвижений человека;
- * поле характеристик профессиональных качеств и деятельности человека;
- * поле характеристик рече-мыслительной деятельности и интеллектуально-волевого состояния человека;
- * группа УС, в которых действия и повадки животных используются для характеристики людей.

Внутри этих сфер наблюдаются значительные различия в наборе **ИМЕН** животных, **ИСПОЛЬЗУЕМЫХ** в УС русского и французского языков. Так, например, для русского языка набор используемых образов оказался следующим: волк, заяц, медведь, конь, собака, кошка, мышь, петух, курица, муха и др. Для французского языка характерным оказался такой набор образов: осел, козел, вол, бык, утка, перепел, карп, угорь, устрица, муравей и др.

Для характеристики внутреннего состояния человека в русском языке используются такие УС: *злой как волк, трусливый как заяц, надуться как мышь на крупу*; а во французском следующие: *mechant comme un ane rouge (злой как рыжий осел), indifferent comme une carpe (равнодушный как карп), chaud comme une saie (горяч как перепел)*. Для характеристики поз и телодвижений человека русский язык использует УС типа: *вертеться как белка в колесе* или *бежать как угорелая кошка*; французы и здесь используют УС с характерными для них животными: *echapper comme une anguille (выскользнуть как угорь)* или *marcher comme un canard (ходить как утка)*.

Таким образом, устойчивые сравнения с использованием образов животных заключают в себе богатую национально-культурную информацию об особенностях восприятия народом окружающего его мира.

Л.А.Колосова **КОНЦЕПТ “СОВЕСТЬ” В КОНЦЕПТОСФЕРАХ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ**

Нами был проведен анализ семантемы “совесть” в русском и французском языках. Материалом исследования была современная французская и русская художественная проза, а также философские и энциклопедические словари.

Семянный анализ показал, что семема Д1 “совесть” - это сознание морально-этических норм, определяющих поведение индивида и накладывающее на индивида ответственность перед обществом и Богом. Коннотативная семема “совесть” превращает морально-этические устои в аллегория, например: “все держится на совести”, “известить совесть на Руси”, либо в мифическое существо внутри человека, которое грызет, шевелится, судит, болит: “угрызения совести”, “суд собственной совести”, “больная совесть”. Нередко лексема “совесть” приобретает яркую эмоционально-экспрессивную окраску, вследствие чего слово, не утрачивая первичного значения “сознание морально-этических принципов”, выражает честность (“по совести”), безупречность (“на совесть”) или отрицание их (“ни стыда, ни совести”).

Во французском языке лексема conscience является единым знаком для “совести” и “сознания” (в физическом понимании, ср. “потерять сознание”- лишиться чувств). Лексема conscience с Д2 выражает сознание морально-этических норм, наделяющее способностью судить о своих поступках; душа, внутренний психический мир человека; совокупность всех его чувств и мыслей; осознание самого себя: *desabillage de conscience, avoir une conscience large, elastique, mettre de conscience dans son travail, calmer sa conscience*. Существуют сочетания с conscience, обозначающие честность, порядочность (*en conscience, avoir de la conscience*).

А.В.Медведева

Символика сочетаний с лексемами *cup* и *чаша/чашка* в русской и английской концептосферах

Символическое значение как специфический тип значения слова является недостаточно изученным в современном языкознании. Выясняя природу символического значения, мы проанализировали различные устойчивые выражения с определенной лексемой - номинацией широко распространенной бытовой реалии. В данном сообщении мы остановимся на русских лексемах *чаша/чашка* и английской лексеме *cup*, предварительно заметив, что в русской традиции именно лексема *чаша* явилась источником развитой сети образно-символических значений, несмотря на то, что лексема *чашка* в современном языке более употребима. В различных сочетаниях они приобретают новые, ситуативно обусловленные значения, во многом сходные в обоих языках. Различия заключаются, в основном, в том, что в английском языке *cup* как емкость для жидкости определяется по форме, в то время как в русском языке *чаша/чашка* - по выполняемым ей функциям.

Представляется очевидным, что английская лексема *cup* и русская лексема *чаша* входят в состав фразеосочетаний по своей основной семеме Д1. Например, *a loving cup (любовная чаша)* в русском языке имеет эквивалентное выражение *круговая чаша (на пирах)*; а специфиче-

скую английскую поговорку *between the cup and the lip a morsel may slip* можно перевести на русский язык лишь описательно - *многое может случиться, пока поднесешь чашку к губам*. Вероятно, ситуации застолья в английской и русской культурах имели некий символический смысл, а отдельные предметы, например, *cup/чаша* как фрагменты ситуации вошли в концептосферу обоих языков. Традиция пускать чашу с вином по кругу собравшихся за одним столом понимается как символ открытости, соборности, своеобразного акта приобщения.

Лексемы *cup* и *чаша* также входят в состав фразеосочетаний по своему второму значению Д2. Эта группа представлена выражениями, обозначающими действия, производимые с чашей. Например, *kiss the cup* (*поцеловать чашу*) имеет аналогичное выражение в русском языке - *пригубить чашу*. В английском национальном сознании полная чаша является символом достатка, счастья: *a full cup must be carried steadily* (*полную чашу нужно нести осторожно*), что можно сопоставить с русским устойчивым выражением *счастье нужно беречь*. Примечательно, что переполненная чаша как знак крайности получила в английской культуре два противоположных толкования: *one's cup filled* - 1) *чья-то чаша терпения переполнилась*; 2) *чья-то счастье безмерно*. Этот образ отразили устойчивые сочетания русского и английского языков: *make the cup run over* - *переполнить чашу терпения*; *The last drop makes the cup run over* - *последняя капля переполняет чашу*.

Содержание чаши раскрывает понятие, символом которого она является в английском и русском образном сознании: *a bitter cup* - *горькая чаша*; *let this cup pass from me* - *пусть минует меня чаша сия*. В данных выражениях чаша является символом рока, трагически неизбежного конца, что, по всей видимости, восходит к древнему обряду казни, когда приговоренный должен был выпить чашу с ядом. Отсюда происходит выражение *drink the cup to the dregs* - *испить чашу до дна, испить смертную чашу*.

Таким образом, в английской культуре ситуация чаепития, а в русской национальной традиции ситуация застолья породили широкий спектр выражений, которые впоследствии приобрели символический смысл. Следовательно, символическое значение не выводится непосредственно из свойств самого предмета, а возникает в процессе его использования в определенной национальной среде как символа какого-либо действия или состояния.

È.À.Øèàèíà

ОПЫТ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

/в русском, английском и испанском языках/

Предметом настоящего исследования является национальная специфика семантики имен существительных русского языка. Цель исследования - выявление национальной специфики значений русских существительных в сопоставлении их с возможными переводами на английский и испанский языки. Материалом исследования послужила лексика, представленная в учебнике для обучения иностранцев на начальном этапе "Практический курс русского языка" (авторы Л.С.Журавлева и др.) и подлежащая как активному усвоению, так и входящая в пассивный словарный запас начинающих. На этапе лексикографической обработки материала были проанализированы значения 564 отдельных русских лексем и 12 фразеологических единиц.

Все русские лексемы были разбиты на 17 тематических групп. В тематическую группу "Предметы" вошло 38 русских, 42 английских и 45 испанских лексем, обозначающих предметы быта, музыкальные и другие инструменты, предметы мебели, посуды, одежды, учебные принадлежности и т.п.

В данной тематической группе были проанализированы значения 38 русских, 42 английских и 45 испанских лексем. Из них 2 полностью безэквивалентны в английском и испанском языках, 21 английская и 26 испанских лексем являются эквивалентами русских лексем в анализируемых значениях. Остальные русские лексемы имеют 2 или более векторных соответствия в английском и испанском языках.

Примерами векторных соответствий являются: Лексема *бритва* - инструмент для бритья различного устройства - имеет в английском языке 2 векторных соответствия: *razor* - инструмент для бритья с острым лезвием и *shaver* - электрическая бритва и 4 соответствия в ис-

панском языке: *navaja de afeitar* - опасная бритва в виде ножа, *maquinilla de afeitar* - механическое приспособление для бритья, машинка, *afeitadora electrica* - электрическая бритва и *Jillet* - безопасная бритва, получившая свое название по названию известной фирмы-производителя безопасных лезвий, произносимое по-английски и относящееся к разговорному стилю. В связи с этим весьма трудно адекватно передать значение слова *бритва* в контексте «Когда сын поступил в институт, папа подарил ему бритву «Спутник», не зная традиции русских дарить молодым людям в знак признания их «взрослости» электрическую бритву, которая несколько лет назад в условиях тотального дефицита была ценным подарком.

Лексема *ручка* - инструмент для письма различного устройства - имеет в английском языке эквивалент *pen* и *ball-point*, являющееся неологизмом и не зафиксированное в словарях. В испанском языке данная лексема имеет 4 векторных соответствия, обозначающих этот предмет в зависимости от его устройства: *pluma* - ручка перьевая, *pluma estilografica* - авторучка, заправляемая чернилами, *boligrafo* - шариковая ручка и *rotulador* - капиллярная ручка или фло-мастер.

Таким образом, в испанском языке невозможно передать родовое значение слова *ручка*, а в русском языке дифференцировать без участия прилагательного инструмент для письма в зависимости от его устройства.

Лексема *стол* - предмет мебели, состоящий из широкой горизонтальной доски, на четырех ножках, для еды, для письменных занятий - передается двумя лексемами английского языка *table* - обеденный стол и *desk* - письменный стол и лексемами *mesa* и *escritorio* в испанском языке соответственно.

Был определен индекс национальной специфики, отражающий соотношение количества лексических единиц с национальной спецификой к общему количеству проанализированных лексических единиц. Русско-английских индекс национальной специфики составил 0.5, а русско-испанский приблизительно 0.33, что позволяет говорить о большей близости значений испанских лексем русским в данной тематической группе.

Н.А.Попова, В.М.Топорова

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ ЧЕРЕЗ ИХ СИМПТОМЫ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Симптоматическое «портретирование» эмоций во фразеологической системе языка осуществляется на двух уровнях: на уровне описания внешнего проявления эмоционального состояния (например, описание кинем лица) и на уровне описания физиологических прообразов эмоций (описание внутренних ощущений человека). Во фразеологическом выражении реальное физическое ощущение, сопровождающее то или иное эмоциональное состояние человека, может актуализироваться как путем прямого его называния, так и посредством его метафорического представления.

Структурно-семантический анализ русских и немецких ФС выявляет общность актуализируемых физиологических реакций организма. В обоих языках наблюдаются фразеологические выражения, репрезентирующие эмоциональное состояние страха на основе актуализации признаков «оцепенение» (быть не в состоянии пошевелить пальцем; den Daumen nicht regen können); «холод» (кровь стынет в жилах; es wird jmdm. das Blut kalt in den Adern). В обоих языках актуализируется ощущение «переполненности» эмоциями организма \тела\ (сыт по горло; die Nase voll haben; die Galle läuft jmdm.

über); актуализируется ситуация «прорыва эмоций наружу, вовне» (быть вне себя от ярости, гнева; sich das Herz aus dem Leibe argern); и ситуация «сжатия» (сердце сжалось от страха; die Angst klemmt jmdm. die Brust). Отрицательно коннотировано ощущение «тяжести» и «падения вниз» (сердце упало; как камень на сердце; es liegt wie ein Alp auf der Brust); положительно коннотировано ощущение «легкости» и состояния «полета, взлета, подъема вверх» (сердце подпрыгнуло от радости; jmdm. ging das Herz auf; крылья за спиной выросли; Flugel bekommen).

Актуализация слуховых и обонятельных ощущений при выражении эмоций нетипична как для русской, так и для немецкой фразеологии.

Специфика рассматриваемых фразеологизмов наблюдается в характере метафорической представленности образа-ощущения в двух языках. Так, в немецком языке при описании чувства страха используется выражение *das Herz fiel (rutschte) jmdm. in die Nosen*, в то время как

в русском принято говорить «душа ушла в пятки». Русскому выражению «выйти из себя» соответствует в немецком выражение с компонентом «кожа» (aus der Haut fahren).

З.Е.Фомина

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ “НАСЕКОМОЕ” В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

ФЕ с лексическим компонентом "насекомое" / или с так называемым "инзектонимом" - от lat. insectum - насекомое/ занимают важное место в лексико-фразеологической системе немецкого и русского языков. Общая численность лексем, обозначающих насекомых, используемых в немецких и русских ФЕ, составляет 36 единиц. К наиболее *фразеоактивным* лексическим компонентам с обозначением насекомых в немецком языке относятся: *Motte (моль)*, *Fliege (муха)*, *Biene (пчела)* и др. В русском языке наиболее приоритетными с точки зрения фразеоактивности являются следующие лексемы: *муха*, *бабочка*, *саранча*, *жук*, *оса* и др. Национально-культурная специфика немецких инзектонимов, входящих в состав соответствующих ФЕ в качестве ключевых компонентов, проявляется в том, что они в сравнении с русскими словами - инзектонимами концептуально более дифференцированы. Ср.: *божья коровка - Marienkäfer*, (букв.: *Маршин жук (жук Марии)*); *der Siebenpunkt (семиточка)*; светлячок - *Leuchtkäfer, Johanniskäfer, Glühwürmchen*; сверчок - *Heimchen, Hausgrille* и др.

Немецкие и русские ФЕ с одним и тем же лексическим компонентом дифференцируются между собой по наличию/отсутствию тождественных, частично-тождественных и безэквивалентных типов. Так, например, целый ряд немецких ФЕ с компонентом "*Biene*" (*пчела*) в русской фразеологии не имеет адекватных соответствий. Ср: *duffe Biene* - употребляется в значении "красотка"; *Der Bien muß* - букв.: "пчела должен", т.е. "делать что-то через "не могу", *Biene* - малышка, детка (о девушке) и др.

В целях адекватного перевода немецких ФЕ с компонентом "инзектоним" на русский язык широко используется *метод описания /толкования* их семантического содержания (ср.: *Die Flöhe husten (niesen) hören* (букв. слышать, как *блохи кашляют/чихают*) - в русском варианте: всё видеть и слышать) и *метод подбора русских ФЕ с другими образами*, соотносящимися не с миром насекомых, а с другими сферами, в частности: а) с *антросферой*, б) со сферой *абстрактных понятий* (*jemand hat Motten im Kopf* /букв. кто-либо имеет *моль* в голове/ - у кого-либо *причуды* в голове); в) с *фауной*; г) с *народными праздниками, обычаями*; д) со сферой *питания* и др.

Фразеологический корпус немецких ФЕ с компонентом "насекомое" по своему лексико-семантическому составу более гетерогенен в сравнении с русским и в квантитативном плане более многочислен. В корпусе немецких ФЕ с компонентом "насекомое" содержится относительно большое количество фразеологизмов, семантическая мотивированность которых в русском языке выражена имплицитно. Национально-релевантным признаком русских "ФЕ - инзектонимов" является тот факт, что в их основе лежит *сравнительная конструкция* с компонентом "как" (ср.: *налетели как саранча, порхает как бабочка* и мн. др.). Группа немецких ФЕ данного типа относительно ограничена.

А.Б.Болхоева

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛСП “ГОСТЕПРИИМСТВО” В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русский народ известен своим гостеприимством, и явление гостеприимства находит отражение в лексико-фразеологической системе русского языка. В связи с этим представляет большой интерес исследование поля «Гостеприимство» в русском языке.

Исследование поля, проведенное на материале частотного словаря, показало, что это поле достаточно обширное (только наиболее частотная часть его, вошедшая в Частотный словарь русского языка, насчитывает 388 лексем). При этом реальная частотность членов поля

весьма различна; кроме того, многие лексемы данного поля многозначны, и значение, принадлежащее к полю «Гостеприимство» оказывается в них не основным; есть также многочисленные случаи, когда сема «гостеприимство» в лексеме оказывается не ядерной. С этими факторами связаны особенности структуры поля «Гостеприимство» в русском языке. Необходимо исследование и описание структуры данного поля по зонному принципу.

В ядро поля, несомненно, попадает только одно слово - гость, которое является центром ядра. Несмотря на низкую частотность лексемы «гостеприимство» - 11, представляется возможным включить ее в ядро, так как это частотное, нейтральное, однозначное, абстрактное по семантике слово входит в своем значении в структуру значения большинства лексических единиц данного поля. Другая, не менее существенная, лексема поля - «хозяин» - попадает лишь в ближнюю периферию. Хотя эта лексема и является частотным словом, но в поле «гостеприимство» входит лишь одно из значений этого слова, причем не главное, а главное - «имущественное» - к данному полю не относится. Дальняя и крайняя периферии насыщены большим количеством лексем, часть из которых однозначна, но малочастотна, а другая часть - частотная лексика, у которой в поле «гостеприимство» актуализируются не ядерные семы или не главные значения.

Еще одной особенностью структуры поля «Гостеприимство» в русском языке является наличие в поле объемной парцеллы «стол», что, несомненно, отражает важность застолья в гостеприимстве русского народа.

В поле «гостеприимство» выделяется также такая парцелла как «атмосфера гостеприимства». Наше исследование показало, что эта парцелла включает в себя наибольшее количество лексем (98). Можно предположить, что специфика русского гостеприимства в наибольшей степени связана с особой атмосферой, возникающей при приеме гостей.

А.Д.Мальцев

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ “ДЕНЬГИ” В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лексическое поле “деньги” представляет собой участок лексико-семантической системы русского языка, тесно связанный с национальной культурой, национальным характером и поведением народа, его национальным менталитетом. В самом составе лексического поля, в количестве и характере номинаций, в оценочности лексики, относящейся к денежной теме, в развитости синонимии и родовидовых отношений внутри отдельных семантических разрядов и во многом другом проявляется опосредованное национальной культурой и менталитетом отношение народа к деньгам, способам их приобретения, сохранения и использования и др. Сопоставительные исследования в этой сфере дают исключительно интересный материал.

В русском языке лексическое поле “деньги” включает более 500 единиц пяти частей речи; ядром поля являются имя и глагол. Поле подразделяется на 33 основные тематические группы. Наиболее многочисленными группами являются: наименования способов использования денег (израсходовать, потратить, прожить, раскошиться, расходовать, оплачивать, инвестировать и др., всего более 100 единиц); наименования способов приобретения денег (более 90 единиц), причем данная группа четко распадается на две подгруппы: наименования законных способов приобретения денег (43 единицы -заработать, наторговать, подрабатывать, занимать, одалживать, финансироваться и др.) и др. и наименования способов незаконных или сомнительных, осуждаемых в моральном отношении способов приобретения денег (спереть, наварить, урвать, нашибать, вымогать, спекулировать, расхищение, взяточничество, хапать, поживиться, всего 50 единиц); наименования видов денежных доходов (гонорар, заработок, зарплата, приданое, кормовые, пенсия, ссуда, командировочные и др., всего 47 единиц); наименования денежных сумм (двадцатка, кусок, пятерик, сотка, чирик, лимон, десятка и др., всего 40 единиц); наименования финансовых понятий (учет, ставка, сумма, оборот, рассрочка, номинал, баланс и др., всего 37 единиц наименования лиц по их отношению к способу зарабатывания денег (торгаш, меняла, подрядчик, спекулянт, шулер, тунаец, взяточник, пенсионер и др., всего 31 единица).

Национальная специфика лексического поля “деньги” исследована на материале тематической группы “Наименования лиц по их отношению к способу зарабатывания денег” (31 единица).

Анализ показал, что 55% слов данной группы в русском языке имеют точные лексические эквиваленты в английском языке и являются. При этом они являются относительно часто употребляемыми: проститутка – prostitute; подрядчик – contractor; меняла – money-changer; продавец – salesman; продавщица – saleswoman; ростовщик – usurer; спекулянт – profiteer; акционер – shareholder; торговец – trader; взяточник – bribe-taker; пенсионер – pensioner; пенсионерка – pensioner; продажный – corrupt; подкупленный – bribed.

Национальная специфика стилистического компонента значения выявлена в 48% слов: торгаш (груб.) – tradesman (нейтр.); дармоед (разгов.) – scrounger (груб.); страховщик (разгов.) – insurer (офиц.-дел.); гангстер (книжн.) – gangster (межст.); казнокрад (разг.) – embezzler (офиц.-дел.); стяжатель (книжн.) – person on the make (разг.); туineaдец (межст.) – sponger (разг.); продавец (межст.) – vendor (офиц.-дел.); продавщица (межст.) – vendor (офиц.-дел.); ростовщик (книжн.) – money-lender (разг.); спекулянт (разг.) – speculator (межст.); продажный (межст.) – bent (разгов.-жаргон.); подкупленный (межст.) – bought (разгов.); продажный (межст.) – venal (офиц.-дел.); расхититель (книжн.) – plunderer (разгов.).

Перечисленные единицы рассматриваемой группы в русском языке имеют неполные соответствия в английском языке. При этом большинство из них является малопотребительными.

Национальная специфика денотативных и эмоционально-оценочных сем выявлена в 45% слов: хапуга – scrounger; шулер – cheat; дармоед – sponger; дармоед – scrounger; торгующий – trader; казнокрад – embezzler; туineaдец – sponger; продавец – shop-assistant; продавец – seller; продавщица – shop-assistant; продавщица – seller; акционер – stockholder; продажный – mercenary; расхититель – plunderer.

Английские соответствия перечисленных русских слов е должны быть признаны неполными и требуют при использовании их в процессе перевода переводческой компенсации. Большинство из них малопотребительны.

В рассмотренной группе обнаружена одна безэквивалентная единица : иждивенец .

В целом можно утверждать, что русские лексические единицы, имеющие в английском языке эквиваленты, оказываются, как правило, более частотными и входят в ядро лексического поля. Единицы, имеющие неполные соответствия , являются менее частотными и сосредоточены в периферийных зонах поля.

Е.А. Коше-

лева

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛСП “РАБОТА” В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лескико-семантическое поле “Работа” в русском языке обладает значительной спецификой по сравнению с одноименным английским полем. Основные структурные различия заключаются в следующем.

1. Особенности строения ядра. Слово "работа", центр ядра ЛСП "работа" в русском языке, является наиболее абстрактным и стилистически нейтральным. Центром ядра одноименного поля в английском языке является оппозиция двух лексем: Work - Job.

2. Особенности распределения лексических единиц по зонам периферии. В русском языке практически отсутствует ближняя периферия поля, в то время как в английском языке есть развитая ближняя периферия (10 единиц). Кроме того, в зоне дальней периферии в русском языке нет разветвленной стилистической градации, в то время как в английском языке имеются лексемы с очень близкой семантикой, относящиеся к разным функциональным стилям английского языка.

3. Особенности функционирования элементов поля в английском языке.

При значительно большем, по сравнению с русским языком, количестве слов со сходной семантикой, относящихся к одной и той же зоне периферии, в английском языке сильно ограничено их фактическое употребление.

Для английского поля характерно влияние высокого полисемантизма и идиоматичности английского языка, что обуславливает более высокую степень связанности элементов поля контекстом на функционировании элементов данного поля в составе словосочетаний и предложений.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЯТНЫХ ОЩУЩЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

(на материале прилагательных с общим компонентом «приятный»).

Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь одним и тем же, постигается различным способом в разных языках. В языковой картине мира находят отражение не только реалии, окружающие человека в его жизни, но и результаты его мыслительной и психической деятельности. Исследование семантики лексических единиц ориентировано на выявление общих и специфических черт в языковой картине мира.

Предметом исследования послужили качественные английские прилагательные, обозначающие приятные ощущения, чувства, испытываемые человеком в результате воздействия объекта действительности на человека.

Полевой метод описания языка позволяет выделить из континуума лексические единицы с общим компонентом «приятный», систематизировать их по характеру отражения приятного и представить в виде поля в зависимости от близости / дальности расположения от ядра.

Методом компонентного анализа были выявлены родо-видовые семантические признаки, по которым анализируемые лексические единицы объединяются в лексико-семантические группы, располагаясь в поле в зависимости от степени общности признака ближе / дальше ядра поля: «приятный, доставляющий удовольствие», «доставляющий удовольствие, удовлетворение», «доставляющий удовольствие, радость видеть, делать», «приятный, в общении», «обладающий очарованием, обаянием», «вызывающий симпатию / расположение», «вызывающий чувство восторга, восхищения», «вызывающий чувство радости, веселья, счастья, хорошее настроение», «вызывающий чувство привязанности», «приятный, очень приятный из-за хорошего качества».

Контрастивный анализ лексико-семантических полей двух неродственных языков позволил выявить национальное своеобразие их структуры, лексического наполнения, семантического содержания.

Анализ функционирования данных единиц в речи позволяет говорить об их национально-специфических сочетаемостных предпочтениях, что весьма важно при изучении английского и русского языков как иностранных, а также выявить в семантике прилагательного семантические компоненты, несущие информацию о том, почему это приятно: *обаятельный человек* - «с милой внешностью, приятными манерами, нравится, легко общаться»; *a charming person* - «привлекательный, с хорошими манерами», *an engaging person* - «интересный, веселый и этим нравится людям».

О.Ю.Авдеевна, Р.И.Джураев

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАКА “ПОЛ” В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Русский и узбекский языки существенно различаются по выражению семантического признака “пол”.

В терминах родства, отражающих строгую организацию узбекской семьи, можно наблюдать различие лиц по трем признакам: по их роли и положению в семейной иерархии, некоторые термины - по возрасту, и обязательно - по полу. Так, для старшего брата, младшего брата, старшей сестры, младшей сестры существуют отдельные обозначения: *ака*, *опа*, *сингел*. Обратим внимание на то, что это не словообразовательные варианты, а аффиксально разные слова. Русские лексемы *братишка*, *сестренка* семантически не идентичны узбекским *ука*, *сингел*. В русских словах коннотация преобладает над номинативностью, в узбекских – наоборот. Известно, что в русском языке термины родства нередко используются для обращения к неродственникам. При этом слова *дядя*, *тетя*, *мать*, *отец*, *брат* при обращении к незнакомому человеку, в отличие от слов *мужчина*, *женщина* выделяют половой

признак в последнюю очередь; главная их функция носит эмоционально-оценочный характер - выразить или вызвать расположение. В узбекском языке слова *ака, ука* в постпозиции к имени (*Рустам-ака, Гульнора-она*) - это норма речевого этикета по отношению к любому лицу, даже незначительно старшему по возрасту. Половой признак выражается в таком случае через имя.

Исследование названий животных в русском языке показало, что пол отдельных особей обозначается весьма непоследовательно. Такие слова, как *куница, мышь, сорока, норка* и др. не имеют пары, соотношенной с ними по полу. Небольшая часть названий животных образуют производные типа *медведица, ежиха, волчиха*, номинативно вторичные и не основные при обозначении вида. В русских сказках героями выступают лиса, медведь, волк, сорока, еж в роли того пола, который соответствует роду непроизводного существительного. В узбекском фольклоре животные не различаются по полу, если не названо имя или термин родства.

Можно констатировать, что лексическое обозначение конкретного семантического признака "пол" при номинации живых существ в обоих языках в целом подвержено случайности.

Г.Я.Селезнева

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА

В центре языковой картины мира любого народа стоит человек, его действия, состояния, качества. Однако интерпретация этих характеристик в каждом языке своя. Это своеобразие связано с особенностями национального характера и национальной психологии.

Какой человек считается красивым у русских, на что в его внешнем виде они обращают внимание? Как проявляется национальный характер в языковом описании внешности? На эти вопросы можно ответить, проанализировав русские фразеологические единицы (ФЕ), характеризующие внешность человека. Они описывают рост, возраст, лицо, одежду, общий вид тела. Например, *от горшка два вершка, на склоне лет, лицо как маков цвет, с иголки, живые мошцы*.

Русские ценят крепкое, плотное телосложение (*в теле, косая сажень в плечах*), румяное лицо (*кровь с молоком*). Бледность, худоба не украшают человека. Это признаки физической слабости, болезненности, возможно, близости смерти (*спасть с тела, кожа да кости, в чем душа держится, бледен как смерть, ни кровинки в лице*). Отрицательно оцениваются крайности: слишком высокий или маленький рост (*верста коломенская, ростом не вышел*), излишняя полнота (*растряпать жир*). При этом русские стараются за внешностью увидеть суть (*Мал золотник, да дорог*).

Интересен взгляд русских на возраст человека. Судя по фразеологизмам, слишком молодых оценивают невысоко, т.к. они несамостоятельны, неопытны. При этом возникает образ младенца: *в пеленках, молоко на губах не обсохло, под стол пешком ходить*. Прекрасен возраст полной физической зрелости (*в соку, во цвете лет, в расцвете сил*). Есть ФЕ, показывающие красоту пожилого, но бодрого и сильного человека: *вторая молодость, бабье лето*. Старость чаще всего описывается иронически: *песок сыплется, сморчок сморчком, пень трухлявый, старая перечница, старая карга*. И хотя отмечается, что старость дает опыт (*Старый конь борозды не портит*), нет в русском языке ФЕ, прославляющих мудрость и величие старости, как принято, например, на Востоке. Видимо, русские находятся в русле европейской культурной традиции.

Вызывает удивление и поэтому отражается в языке полное сходство между людьми: *на одно лицо, рост в рост, как на подбор, один к одному, как две капли воды*.

Любят русские новую аккуратную одежду (*одет с иголки, при полном параде*), но щегольство вызывает насмешку (*разодет в пух и прах*). Смеются и над неаккуратностью, неумением носить вещи (*сидит как на корове седло*).

Существенные свойства внешности человека выделены и названы в языке давно. Новых ФЕ немного, т.к. внешность человека практически не меняется. Традиционной остается и ее оценка: худой и низкорослый человек не одобряется: *тощая, как селедка, селедка\глиста в корсете, глиста в скафандре, метр с кепкой, метр двадцать на коньках*. Эти варианты - средства повышения экспрессивности при сохранении общего фразеологического значения. С этой же целью традиционные ФЕ трансформируются. Например: *зарубите это на своих молодых краси-*

вых носак. Здесь наблюдается предельная конкретизация компонента, лексическое значение которого растворилось в целостной семантике ФЕ. Дополнительные компоненты делают образ более конкретным.

Появляются ФЕ, где лексемы "рост", "лицо" используются в своих вторичных денотативных семемах: *экономический рост, лицо кавказской национальности*. Кстати, указания на национальную принадлежность человека во фразеологии до сих пор не было. Это примета нашего времени. Раньше для русских этот признак не был важным. Отмечает фразеология и социальное расслоение наших дней. Так, ФЕ "*новые русские*" характеризует человека не только со стороны его имущественного положения, но и по внешнему виду (длинное пальто, яркий пиджак). ФЕ "*встреча без галстуков*" называет неофициальную встречу, отталкиваясь от описания одежды.

ФЕ этой группы позволяют представить себе их создателя - русский народ - как народ ироничный, наблюдательный, способный удивляться необычному. Русские ищут предмет для сравнения внешности в мире природы, хорошо им знакомой деревенской, а позднее и городской жизни. Творческий характер русского человека проявляется и в игре словами, рифме, широком использовании тропов (многие ФЕ этой группы построены на гиперболе, литоте, перифразе, метафоре и метонимии).

Во внешности же человека русские ценили и ценят гармонию, крепость и здоровье.

Р.В. Зиброва

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Изменения в языке современной российской публицистики весьма существенны. Остановимся на новых тенденциях в газетных заголовках.

Важной особенностью современного русского газетного заголовка в условиях свободы слова - активная игра со словом. Специфика жанра, скоротечность информационной жизни многих газетных статей, конкуренция между многочисленными "новыми" и "старыми" газетами, борьба за читателя и другие причины вызывают к жизни интересные лингвистические явления.

Следует отметить прежде всего стремление средств массовой коммуникации к созданию эмоционального шока с использованием целого ряда различных приемов. В заголовках это достигается следующими способами:

1. Замена одной буквы в слове или в словосочетании, входящим в состав известного всем носителям языка с общей пресуппозиции лозунга. "Тело Ленина бессмертно".

2. Замена целого слова в известном высказывании, цитате, наименовании и т.д. "Хроника пикирующего Боинга", "Поэт в России больше чем тенденция", "Время собирать букеты", "Кириенки, вперед!".

3. Аппеляция к пресуппозиции читателя, знающего известное изречение, от которого в заголовке используется только ключевое слово. "Призрак Ильича объявился в Симбирске." В данном случае использование просторечного глагола "объявился" намеренно "снижает" стилистическую окраску высказывания.

4. Замена лексем при сохранении узнаваемой структуры известной цитаты: "Стулья - утром, а счастье - вечером". "Командировать парадом будет Ицо" (Ицо Стоичков - болгарский футболист), "Стоичков и Пенев - близнецы-братья!"

5. Точное цитирование известной фразы, но отнесение ее к другому денотату: "Вокзал для двоих", "Заграница нам поможет" (речь идет о соседнем колхозе).

Аль Рубаси Валид Али

Нуман

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

/на материале ядра лексического поля/

Лексико-семантическое поле "Наименования лиц" в русском языке представляет собой обширную группу единиц, объединенных семантическими отношениями в единое поле. Это лексическое поле, в которое входят лексемы как в прямом /строитель, начальник, студент, мужчина/, так и в переносном значении /зверь, лиса/, а также фразеологические единицы, обо-

значающие лиц /типа мастер золотые руки, верста коломенская и др./ . Таким образом, данную лексическую группировку можно рассматривать как лексико-фразеологическое поле.

На данном этапе исследования рассмотрим лексическое ядро лексико-фразеологического поля “Наименования лиц”, выделенное по Частотному словарю русского языка. Анализ частотного ядра поля позволяет определить основу его структуры и характер наполняемости подгрупп.

Всего в частотном словаре представлено около 600 единиц данного поля. По количеству входящих в ту или иную семантическую подгруппу лексем выделяются несколько подгрупп. Большой по объему является подгруппа “наименования лиц по должности и званию” /академик, профессор, , бригадир, заведующий, завуч, доцент, профгруппорг и др./ . Обращает на себя внимание большое количество наименований военных по званию и должности, причем преобладают высшие воинские звания и должности - адмирал, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генералиссимус, главнокомандующий, полковник. Это связано, по-видимому, с большой ролью темы армии и войны в русской художественной литературе и публицистике, по материалам которых составлялся словарь.

Большое число лексем входят также в такие подгруппы как “наименования лиц по профессии” , “наименования лиц по роду деятельности”. В последней подгруппе выделяется большая группа слов, обозначающих спортсменов /бегун, легкоатлет, гроссмейстер, гребец, гимнаст и мн. др., а также значительное число наименований лиц творческих профессии /писатель, художник, маринист, портретист, актер, актриса, артист, балерина и др., что отражает значительную роль спорта в жизни России 70-ых г.г.,

а также заметное место, занимаемое искусством в жизни народа, внимание средств массовой информации к спорту и искусству.

В группах “характеристика лиц по моральных качествам” преобладают негативные характеристики, как и в группе “характеристика лиц по поведению”. В подгруппе “характеристика лиц по трудовым навыкам” количество лексем с одобрительной и неодобрительной оценкой примерно равно, что отражает актуальность темы труда в публицистике 70-х годов. Невелики оказались группы “характеристика лиц по политическим и религиозным воззрениям”, “по физическим качествам”, “по возрасту”, “по социальному статусу”, что свидетельствует о коммуникативной неактуальности этих понятий в 70-е годы.

Таким образом, анализ частотного ядра лексического поля “наименования лиц” показывает, что можно сделать определенные выводы о коммуникативной релевантности тех или иных групп лексем в период функционирования русского языка, отраженный в частотном словаре. Коммуникативная релевантность лексем, в свою очередь, отражает определенные закономерности общественного, политического функционирования общества.

Т.Ю.Ярвая

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

/на материале творчества И.Бунина/

И.А.Бунин - писатель-реалист, и именование персонажей в его произведениях отражает речевую практику его эпохи.

Некоторые из имен его персонажей несут вполне определенную социальную окраску. Так, Аким, Авдотья, Лукерья ассоциируются с крестьянским происхождением их носителей, Лидия, Аркадий, Арсений - с именами помещиков, Нифонт, Исаакий - монашеские имена, Олимпиада - купеческое. И.Бунин использует и некоторые редкие имена, что также ощущается читателем: Вукол, Борисоглеб, Поликарпия - эти имена были редкими уже в начале 19-го века.

Бунинские антропонимы характеризуются также большой вариантностью, что является характерной чертой русской антропонимической практики: Павел, Паша, Пашка, Павлик. И.Бунин использует все виды наименований людей, характерные для русской традиции: имя + фамилия (Гришка Махонин), имя + отчество (Глафира Яковлевна), имя+ отчество + фамилия (Алексей Михайлович Малютин).

В произведениях И.Бунина действуют не только русские персонажи, но и персонажи других стран и народов. Их имена содержат информацию об их географическом происхождении: Тарас, Одарка - выходцы с юга России, с Украины, Снегар, Велга, Ирвальд - северные

народы, Адам, Казимир - из Польши, Сизи - из Франции, Отто - из Германии, Джузеппе, Кармела - из Италии, Атабек, Дарий, Махмат -из Аравии, Персии и т.д.

В целом, в творчестве И.Бунина употребление имен собственных осуществляется в полном соответствии с русской антропонимической традицией, отражая социальную дифференциацию русского имени, разнообразие форм обращения и многочисленность уменьшительно-ласкательных форм.

С.В.Булавина

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В современном русском языке сравнительно небольшую группу составляют фразеологизмы, уходящие своими корнями в дохристианскую эпоху. Они связаны с языческими верованиями славян (семь пятниц на неделе, пустить красного петуха и др.). Основная же часть фразеологизмов обязана своим появлением в русском языке христианству и отражает христианские концепты.

Большую группу фразеологизмов составляют библеизмы, выражающие общехристианские концепты (манна небесная, ноев ковчег и др.). В составе русского языка многие из них приобрели переносные значения и утратили библейский смысл, что показала в своей диссертационной работе “Библеизмы в современном русском языке” С.Оноприенко (Воронеж, 1997). Отдельные фразеологизмы исследуемого типа обладают яркой национально-культурной спецификой, так как обозначают реалии русской культуры, отсутствующие в культуре других народов (Андреевский флаг, орден Андрея Первозванного).

Различается сфера использования русских фольклоризмов религиозного происхождения: одни из них широко используются в общенародном языке, в том числе и в обиходной речи (бог его знает, ей богу, у черта на куличиках), другие употребляются в основном в религиозно-проповедническом стиле (Успенский пост, сырокапустная неделя, Христа славить и др.).

Л.Ю.Заварзина

Национально-культурное своеобразие русских пословиц и поговорок, включающих кулинарную лексику

Пословицы и поговорки – это краткие народные изречения афористического характера. Они имеют одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план.

Русские пословицы и поговорки являются энциклопедией жизни и быта русского народа. Пословицы и поговорки, содержащие кулинарную лексику, не являются исключением.

С одной стороны, они отражают национальную кухню русских, то есть характеризуют блюда и продукты. *Хлеб да каша – еда наша (мать наша, пища наша, жизнь наша). Не наша еда лимоны, есть их иному.* Названия продуктов и блюд здесь выступают в прямом значении.

Пословицы:

- 1) констатируют свойства людей и явлений: *Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной.*
- 2) дают оценку: *Горек обед без хлеба.*
- 3) предписывают образ действия: *Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай.*

С другой стороны, через характеристику национальных блюд и продуктов передается традиционный образ жизни русского человека, национальный характер.

Хлеб, например, является не только главным продуктом русских, но его образ выступает и в обобщенном виде, символизируя достаток, изобилие и прочее: *Дом как чаша полная – хлеб-соль со стола не сходит* (т.е. постоянное наличие пищи в доме).

Другие продукты и блюда также отражают мировосприятие русских: *Седьмая вода на киселе* (дальнее родство), *За семь верст киселя хлебать* (предпринимать пустое, бесполезное дело), *Не человек, а кисель* (человек с мягким, уступчивым характером).

В пословицах и поговорках представлены продукты и блюда, как известные современному русскому человеку (щи, каша, пироги, блины, квас), так и забытые – шанежки, сбитень, сусло и др..

Сгруппируем пословицы и поговорки, содержащие кулинарную лексику, тематически, чтобы показать, как пища становится мерилем человеческих отношений и чувств, как через образ пищи выражается национальный характер русского человека:

- 1) безделье: *Молитвой квашни не замесишь. Языком щей не свариишь.*
- 2) беда: *Лучше пить воду в радости, чем мед в кручине. Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою.*
- 3) воля-неволя: *Хлебал бы молоко, да рыло коротко. Ел бы сметану, да в корове нет талану.*
- 4) все хорошо к месту: *К пиву едется, а к слову молвится. Соль до супу хороша – песнь до веселья.*
- 5) недостаток необходимого, неимение лучшего: *Нет мяса и рыбы, так и грибы подойдут. В степи и жук мясо.*
- 6) бедность: *Дома одни кости: хоть ешь, хоть глужи, хоть в запас положи. Горе наше – ржаная каша, а поел бы и такой, да нет никакой.*

Пословицы и поговорки, включающие кулинарную лексику, таким образом, демонстрируют яркое национально-культурное своеобразие.

Л.П.Земскова

РУССКИЕ ОСЛОЖНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КАУЗАЛЬНЫМИ СИТУАНТАМИ И ИХ АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

В научном стиле русского языка наиболее распространенным способом увеличения семантической емкости высказывания является каузативное осложнение предложения, при котором в исходную модель вводятся каузальные ситуанты – предложно-падежные формы с предлогами *в результате, благодаря, вследствие, в силу, в связи с, для, в целях, с целью, без, при, несмотря на, вопреки, в противовес, в противоположность, при условии, в случае* и др.

Выделяются два типа каузального значения – и соответственно два типа конструкций – конструкции обусловленности и обоснования. Различие между двумя типами ситуантов, обусловленное принадлежностью их стержневых слов к различным семантическим полям и лексико-семантическим группам, проявляется в объеме заключенного в них содержания, в частности в соотношении эксплицитной и имплицитной информации – как смысловой, так и грамматической.

Каузальная семантика русских осложненных предложений находит соответствие в английских предложениях с предлогами и союзами *as a result of, thanks to, due to, owing to, for, in spite of, despite, notwithstanding, provided that, on condition that, contrary to, if, because*, а также может передаваться и другими средствами.

Наши наблюдения позволяют отметить определенную корреляцию между каузальными конструкциями двух языков, а также (что представляется актуальным для практики преподавания) выявить принципиальные различия в структурно-семантической организации высказывания. Так, например, английское каузальное предложение явно тяготеет к большей эксплицитности грамматической информации в виде использования специфических отглагольных стержневых компонентов (герундий), предпочтении конструкций с союзами даже при наличии соответствующих предложных конструкций

и т. п.

Е.С.Чаленко

НОВЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛО-

ЖЕНИЯ

Вопрос о показателях связи - один из центральных в синтаксисе сложного предложения. Составление наиболее полного списка скреп, принципы их классификации, исследование природы скрепы - это грани самостоятельной научной проблемы, актуальной для многих языковых систем с аналитическими показателями синтаксической связи.

На примере двух неблизкородственных языков, русского и немецкого, можно проследить общие тенденции развития системы средств связи. Ее ядро образуют "классические" союзы и союзные слова, но фонд скреп пополняется. Наиболее распространенный способ - это взаимодействие союзов и частиц. Подобные сочетания передают дополнительные оттенки отношений между событиями, выраженными частями сложного предложения. Так, по мнению Т.А.Колосовой, возникли русские двухместные скрепы "даже если", "даже когда", "когда уж", "если уж" и под. Таким же образом, по нашему мнению, появились узувальные немецкие скрепы "kaum dass", "nur dass", "so dass", "auch wenn", "erst wenn". Однако при общности способа образования русских и немецких двухместных скреп наблюдается различие в их стилистической принадлежности. Если русские скрепы характерны для разговорной речи, то немецкие более типичны для текстов научного стиля.

На примере сочетания "erst wenn" можно проследить путь образования подобных средств связи. Ограничительная частица "erst" употребляется, как правило, перед наречиями, числительными, глаголами, реже - существительными. В сочетании с временным союзом "wenn" она приобретает ограничительно-временной характер, передавая соответствующие отношения между событиями.

Выявление наиболее продуктивных частиц немецкого и русского языков, других частей речи, способных преобразовываться в скрепы, - вот своеобразная программа дальнейших исследований.

Е.В.Корнева

ВОЗВРАТНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (на материале русского и немецкого языков).

Проведенное нами исследование показало правомерность выделения в системе языка особой семантической категории возвратности. Семантическая категория возвратности выражает определенное отношение между субъектом и объектом действия, предполагая воздействие человека на самого себя, свое тело и свою духовно-мыслительную сферу (свои чувства, мысли).

Возвратные местоимения себя (-ся) и sich многозначны и многофункциональны. Семемный анализ этих лексем по Д/К (использовался метод семемного анализа по Д/К, предложенный М.М.Копыленко и З.Д.Поповой) позволил определить значения, входящие в категорию возвратности: денотативные семемы *человек как целое*, *кореферент имени субъекта* (помнить себя), *тел'* (поставить около себя), *душа* (лелеять в себе неприязнь к кому-л.), *человек как хозяин помещения* (ходить у себя по двору), *узкая группа людей, в которую входит субъект'* (Между собой они называли его "секретным").

В русском и немецком языках обнаруживаются тенденции к грамматизации возвратных местоимений. В русском языке как проявление этого процесса можно рассматривать тенденцию к утрате самостоятельного лексического значения постфиксом -ся и приобретение им грамматического значения (пассив) или полную десемантизацию (казаться). В немецком языке результатом того же процесса является образование глаголов с несвободным sich (sich freuen) и Reflexivatantim (sich umsehen). Наличие в значении глагола с постфиксом -ся или в сочетании с несвободным sich сем 'человек', 'тело', 'душа', 'свой' свидетельствует о принадлежности этих форм семантической категории возвратности.

Значения, входящие в категорию возвратности, обнаруживаются и у разных языковых средств - лексических, морфологических, синтаксических. Их взаимодействие позволяет построить функционально-семантическое поле возвратности как иерархическую структуру.

Сопоставление ФСП возвратности в русском и немецком языках выявило национальную специфику данного ФСП, проявляющуюся в различной степени грамматизации категориальных средств выражения возвратности, а также в характере взаимодействия с другими функ-

ционально-семантическими полями (персональности, активности/пассивности, possessивности, взаимности).

Доклады

А.А.Ауеиää

ΑΙΟΘΕΒΣÛÊÎÀΒ ÆÀÊΟΙΔΗÎÑÏ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Межъязыковая лакунарность изучается не первое десятилетие. В этой сфере имеется неплохо разработанный терминологический аппарат, разработаны приемы и методы исследования, существует несколько достаточно развернутых классификаций межъязыковых (интеръязыковых) лакун.

Однако межъязыковой безэквивалентностью проблема лакунарности не исчерпывается. Выделяют два основных типа лакун - межъязыковые лакуны (отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом), которым посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов, и внутриязыковые (интраязыковые) лакуны (отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы (1, с. 1). В сфере внутриязыковых лакун еще далеко не все ясно.

Наиболее важным вопросом на данном этапе исследования является разработка методики выявления внутриязыковых лакун - пустот, "белых пятен" на семантической карте языка, как назвал их Ю.С.Степанов (2, с. 120).

Одним из источников сведений о внутриязыковой лакунарности является анализ словообразовательных рядов, в которых легко обнаруживаются лексемы, допускаемые системой словообразования, но не допускаемые языковой традицией.: "В русском языке при наличии глагола *следовать* и при полной возможности образовать существительное от этого глагола со значением "тот, кто следует" с суффиксом *-чик* - такого существительного нет, а могло бы быть *слежчик* (ср. *наводчик*, прост. *сколотчик* ящиков)" (3, с. 90). О возможностях системы пишет и Л.В.Щерба, говоря об эксперименте в языкознании: такие слова как *писальщик*, *читальщик*, *ковырляльщик* никогда не входили и не входят еще в словарь, но могут быть всегда сделаны и правильно поняты (4).

В данной статье предпринята попытка выявления внутриязыковых лакун в лексико-семантическом поле "Человек" (на материале существительных мужского рода со значением "производитель действия"). Как известно, эти существительные в большинстве своем - производные слова, образованные на базе глагола и выражающие значение лица по действию, которое названо в производящей основе (например, *агит-ирова-ть* - *агит-атор*; *победи-ть* - *победитель*; *брызг(а-ть)* - *брызг-ун*). При образовании существительных со значением "производитель действия" используется большое количество суффиксов, наиболее продуктивные из которых: *-тель*, *-чик/-(-ль)щик*, *-(н)-ик*, *-ец*, *-л-(а)*, *-ун*, *-атор*, *-ок*, *-ер*, *-ор*. Непродуктивные суффиксы: *-ар*, *-с*, *-тух*, *-аш*, *-ент*, *-ч*, *-иц*, *-ант* и др.

Основным источником отбора глаголов, на основе которых образуются интересующие нас существительные посредством продуктивных суффиксов *-тель*, *-чик/-(-ль)щик*, *-л-(а)*, *-ун* послужил "Частотный словарь русского языка" под ред. Л.Н.Засориной. Кроме того, анализ отглагольных существительных проверялся посредством "Словообразовательного словаря русского языка" А.Н.Тихонова и "Толкового словаря живаго великорусскаго языка" Владимира Даля.

Всего нами проанализировано более 1000 глаголов, от которых образованы реально или могут быть образованы потенциально существительные мужского рода с указанным значением.

"Частотный словарь русского языка", взятый нами за основу, предназначен для определения границ активного и пассивного словарного состава, что в свою очередь требует дифференцированного подхода к устной и письменной речи, возрастным, профессиональным и образовательным категориям носителей языка.

Основное назначение словаря - дать достаточно полные сведения о современной лексике с учетом жанровой ее дифференциации. Исходя из наличия основных функциональных сфер речи, для данного словаря были определены четыре группы текстов-источников: художественная проза, драматургия, научные и публицистические, газетные и журнальные тексты.

Нас интересовала та часть словника, в которую входят слова с высокой и средней частотой появления независимо от типа текста и "пустые" (с точки зрения номинативных потенциалов) единицы в пределах обозначенного нами лексико-семантического поля "Человек". При этом мы расположили однокорневые лексемы с учетом убывания их общей частоты употребления (цифра в круглых скобках). Данные о частоте употребления слов в каждом из четырех видов текстов опущены. Знак минус (-) в таких же скобках означает, что данное отглагольное существительное в "Частотном словаре" не зафиксировано и входит в пассивный словарь. Оно извлечено, как правило, из "Обратного словаря русского языка" или из "Словообразовательного словаря русского языка" А.Н.Тихонова. Знак # обозначает лакуну.

В анализируемом лексико-семантическом поле "Человек" мы выделили четыре тематические группы наименований лица по действию. В данной статье представлен анализ первых двух групп.

I группа. Отглагольные существительные, обозначающие лицо, производящее действие, связанное с профессиональной (трудовой) деятельностью:

готовить (86) - #; изготовить (36) - изготови-тель (1), изготов-щик (-); торговать (50) - торгов-ец (10), торг-аш (4); воспитывать (40) - воспита-тель (6); продавать (38) - продав-ец (7); корреспондировать (-) - корреспонд-ент (160); варить (23) - вар-щик (-), вари-льщик (-); доить (2) - дои-льщик (-), дой-ар (-); иллюстрировать (10) - иллюстр-атор (-); копать (10) - копа-тель (-), копа-льщик (-), копа-ч (-); косить (3) - кос-ец (1), кос-арь (2); возить (39) - воз-чик (2); гладить (29) - глади-льщик (-); стирать - #; редактировать (4) - редакт-ор (30); чистить (918) - чисти-льщик (1); рисовать (20) - рисова-льщик (-); гравировать (1) - гравиров-щик (-), гравирова-льщик (-), гравер (-); мыть (34) - мой-щик (2); клеить (2) - клеи-льщик (-); пасти (11) - пас-тух (6); садить - сади-л(а) (-); бурить (4) - бури-льщик (-); точить (16) - точи-льщик (1); дирижировать (2) - дириж-ер (5); жонглировать (1) - жонгл-ер (2); режиссировать (-) - режисс-ер (21); грузить - груз-чик (16); воздвигать - #.

Таким образом, в данной группе проанализировано 29 частотных глаголов (со средней частотой употребления). От подавляющего большинства их (26) носителями языка образованы существительные мужского рода, обозначающие наименование лица по действию, требующему профессионального мастерства. При этом использовались продуктивные суффиксы: -тель (3); -щик (-льщик) (15); -ец (3); -льщик (-ник) (1); -ар (2); -атор (1); -ор (1); -ер (4); -ч(1); -аш 1).

Наиболее частотными в данной группе являются отглагольные существительные **корреспондент** (общая частота 160, частота употребления в газетно-журнальных текстах - 95, в драматургии - 6, в научных и публицистических - 57, в художественной прозе - 2); **редактор** (общая частота - 30); **режиссер** (общая частота - 21); **грузчик** (общая частота - 16); **торговец** (общая частота - 10). Заметим, что частота употребления глаголов, от которых образованы анализируемые существительные, в несколько раз выше, чем у мотивированных ими существительных. Например, у слова *готовить* общая частота - 86, *торговать* - 50, *воспитывать* - 40 и т.д.

Трудно объяснить, почему от часто употребляемого глагола, например, **рисовать** образовано только одно существительное - наименование лица по действию - **рисовальщик**, которое находится сейчас за пределами активного словаря современных носителей языка (художник - общая частота употребления 149), а редким по частотности **гравировать** (1) мотивированы **гравировщик**, **гравер**, **гравировальщик**, не зафиксированные "Частотным словарем". То же самое наблюдается и глаголом **копать** (10) - **копатель** (-), **копальщик** (-), **копач** (-), которые явно относятся к пассивному словарному запасу. От других (трех в данной группе) глаголов вообще не образованы отглагольные существительные. Это и есть лакуны с точки зрения современного носителя языка. Мы назвали их *синхроническими потенциальными лакунами*.

Взять, например, высокочастотный глагол с широкой семантикой **готовить**. Во всех указанных словарях не зафиксировано образованное от него существительное со значением лица - производителя действия. Однако в словаре В.Даля находим **готовщик** (заготовщик, поставщик, подрядчик), а также **готовцы**, **готовикъ**, **готовчикъ** (м.), **готовуша** (ж.) - человек бодрый, быстрый, немешкотный, готовый и поспевающий всегда к сроку. Во всех современных толковых, а также частотном и словообразовательном словарях нет существительного от часто употребляемого глагола **стирать**, т.е. налицо "белое пятно", пробел, семантическая пустота (лакуна); у В.Даля находим **стиральщикъ -щица**, **валяльщик**. Видимо, ушел в далекое прошлое тяжелый малопроизводительный труд 'тех, кто стирает вручную', их заменили автоматические машины, слово, обозначающее наименование лица от глагола **стирать**, стало редко употребляться, а потом и совсем "выпало" из лексикона и словарей современных носителей языка (во всех указанных словарях не зафиксировано). Та же участь постигла существительное по действию, обозначенному глаголом широкой семантики **воздвигать**. Однако у В.Даля находим

воздвигатель (м.) -**тельница** (ж.) или **воздвижникъ** (м.) -**ница** (ж.) - воздвигающий, воздвигший что-либо . Во всех трех случаях обнаруженные пробелы являются внутриязыковыми диахроническими лакунами. В целом же анализируемая группа данных отглагольных существительных характеризуется высокой наполняемостью, т.к. в процессе коммуникации всегда осознавалась и ощущается сейчас острая необходимость в наименованиях по профессиональному (трудовому) признаку.

II группа. **Существительные, обозначающие лицо, производящее умственное или речевое действие:**

агитировать (9) - агит-атор (18); **аргументировать** - #; **болтать** (23) - болт-ун (-); **говорить** (2573) - говор-ун (1); **думать** (1074) - #; **вникать** (14) - #; **воображать** (17) - вообража-л(а) (2); **врать** (79) - вр-ун (1), вр-аль (-), вр-уша (-); **знать** (2102) - знат-ок (19); **благодарить** - #; **писать** (578) - писа-тель (271), пис-ец (3), пис-арь (5), пис-чик (1), писа-к-(а) (-); **решить** (399) - реши-тель (-); **читать** (418) - чита-тель (192), чит-чик (-), чит-арь (-), чт-ец (5), чита-льщик (-); **зубрить** (6) - зубри-л-(а) (1); **лгать** (28) - лг-ун (6), лж-ец (-); **беседовать** (56) - бесед-чик (-); **излагать** (19) - #; **изучать** (95) - #; **учить** (117) - учи-тель (99); **сочинять** (51) - сочини-тель (4); **соображать** (21) - #; **исследовать** (21) - исследова-тель (38).

От 21 глагола, вошедшего в данную лексико-семантическую группу, образовано отглагольных существительных с помощью суффиксов -атор (1); -ун (4); -тель (6); -чик(-щик) (4); -л(а) (3); -ец (2); -ч (1); -арь (2).

Большинство глаголов, обозначающих речевую, умственную деятельность, высокочастотны. Семантических пустот (лакун) здесь в два раза больше, чем в предыдущей группе. Это относится в первую очередь к глаголам с широкой (неконкретной) семантикой: **аргументировать, вникать, изучать, излагать** и др.

В словаре В.Даля не обнаружены существительные, мотивированные глаголами **аргументировать, благодарить, вникать**. Это глубокие внутриязыковые системные лакуны: могло бы быть или когда-нибудь будет: **аргументатель, аргументатор, аргументчик...; благодаритель, благодарщик, благодарец, благодарун, благодарила...; вникатель, вникальщик, вникалец, вникатор...**

Ни одним из указанных современных словарей не зафиксировано существительное, обозначающее лицо и мотивированное глаголом **думать**. У В.Даля находим **думщикъ** (м.) - **щица** (ж.), **думала** об. упорно или шутч. кто глупо умничаешь . Современными носителями языка концепт '**тот, кто думает**', мотивированным существительным от **думать** однословно не обозначен, т.е. выражен внутриязыковой диахронической лакуной. Сюда же следует отнести зафиксированное в словаре Даля **излагатель** (м.) -**ница** (ж) - **излагающий что-либо, объяснитель, толкователь** или **писатель** и выражаемое современными коммуникантами на уровне синтаксической объективации; **изуча(и)тель -ница - изучающий, изучивший что-либо от изучивать** или **изучать** у Даля и лакунарное сейчас 'тот, кто изучает что-либо или кого-либо'. По данным обследованных словарей, 'тот, кто излагает что-либо' - лакуна, у Даля **излагатель** (м.) -**ница** (ж.) - излагающий что-либо ; то же самое можно сказать и о наименовании лица от глагола **соображать**: концепт 'тот, кто соображает' современными носителями языка не номинирован и не кодифицирован указанными регламентирующими изданиями, в словаре В.И.Даля находим: **соображатель, соображательница** - соображающий что-либо . Таким образом, на основании полученной оппозиции: концепт, выраженный на уровне синтагматизации (в словарях - пробел, пустота) - концепт, обозначенный В.И.Далем на уровне лексикализации как однословная номинация, позволяет обнаружить внутриязыковые диахронические лакуны.

Указанные оппозиции отглагольных существительных, обозначающих лицо, производящее умственное или иное речевое действие, можно наглядно представить следующим образом:

ЛЕКСЕМА	XX век (по данным словарей)	XIX век (по данным словарей)
аргументировать	#	#
вникать	#	#
излагать	#	излагатель
изучать	#	изучатель
соображать	#	соображатель, сообразитель
благодарить	#	#

думать	#	думщик, думала
--------	---	----------------

Анализ этой тематической группы на предмет лакунарности наглядно показывает, что в системе языка латентно реально существуют так называемые пустые клетки, ниши, которые мы назвали системными (потенциальными) лакунами, и слабые звенья, которые наиболее подвергнуты изменениям, т.е. могут заполняться по правилам данной системы. В нашем случае глубокими системными, или потенциальными, лакунами являются существительные, созданные способом суффиксации или на базе глаголов **аргументировать, вникать, благодарить**. Это синхронические лакуны, т.е. их исследование и описание производилось с точки зрения современного состояния языка.

Отглагольные существительные **излагатель, изучатель, соображатель, сообразитель, думщик, думала**, взятые из словаря В.И.Даля и почему-то отвергнутые, "забытые" современными носителями языка, обнаруживают пустоты, бреши в исследуемом семантическом пространстве. Такие лакуны мы назвали диахроническими, т.к. "естественный язык - не конечная величина, - констатирует В.А.Звегинцев, - в количественном отношении он не имеет определенных границ. В нем постоянно возникают (и, конечно, отмирают) не только отдельные слова, но и их сочетания, имеющие смысловую цельность" (Сс. 194).

Процесс обновления языка, с одной стороны, и необходимость сохранять относительное равновесие элементов в системе, с другой, составляют основное противоречие, антиномию, выступающую движущей силой развития языка. Результатом этого внутреннего языкового движения является появление семантических пустот в языке, "белых пятен" (лакун) - вследствие исчезновения из памяти поколений отдельных номинаций. Например, **лоны** - лужи, **волот** - гигант, великан, **запа** - надежда, **вежа** - шатер, **коц** - плащ и др. Можно ли их признать фактом современной лексической системы? "Безусловно, нет, если иметь в виду, что одним из основных признаков слова как единицы языка является его семантическая валентность и воспроизводимость на уровне социальной значимости, - считает М.Н.Нестеров. - Приведенные же слова уже полностью вышли из употребления и в качестве номинативно-коммуникативного средства не используются. Они забыты" (6, с. 2).

Как видим, дело усложняется еще и тем, что само понятие лакунарности можно и нужно рассматривать как в синхронном (синхронические лакуны), так и диахронном аспектах (диахронические лакуны).

Рамки данной статьи не позволяют нам представить анализ третьей ("Существительные, обозначающие лицо, производящее действие - перемещение и положение в пространстве") и четвертой семантических групп лексико-семантического поля "Человек" ("Существительные, обозначающие лицо, производящее действие, называющее различные состояния"), в которой концепты 'тот, кто спит', 'тот, кто стонет', 'тот, кто сердится', 'тот, кто бодрствует' и др. представлены системными (потенциальными) лакунами.

1. Стернин И.А. Лексическая лакунарность и понятийная безэквивалентность. Воронеж, 1997.

24 с./в печати/

2. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965, 356 с.

3. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. - 272 с.

4. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.

//В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974, с. 24 - 39.

5. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1968. 254с.

6. Нестеров М.Н. Русская устаревшая и устаревающая лексика. Смоленск. Брянск. 1968. 88 с.

В.Б.Гольдберг

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ОРГАНИЗУЮЩИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ, В СТАТИКЕ И ДИ- НАМИКЕ

(на материале лексико-семантической группы «Жизнь - смерть человека» в русском языке)

Предметом исследования являются семантические парадигматические отношения, связывающие у обозначения прекращения и отсутствия биологического существования человека в русском языке.

Семантические отношения, организующие группировки, выявляются по соотношению структуры семем элементов. Структуры семем могут быть соотнесены по двум параметрам: 1) по номенклатуре сем в семемах элементов, 2) по содержанию общих и дифференциальных сем в семемах элементов.

По номенклатуре сем выявляются два возможных соотношения: полное или частичное совпадение номенклатуры сем. Частичное совпадение номенклатуры сем сводится к двум случаям: включению и пересечению. Включение лежит в основе гиперо-гипонимической связи; пересечение - в основе связи между согипонимами одного гиперонима. Эту связь мы обозначаем термином «согипонимическая связь». Гиперо-гипонимическая и согипонимическая связи создают иерархическую структуру.

Различие между отдельными типами соотношения семем необходимо закрепить терминологически. За любым соотношением элементов системы, выявляемым по формальным, содержательным или по формальным и содержательным признакам, мы закрепляем наиболее общий термин «отношение». За отношениями, определяемыми по номенклатуре сем в семеме (гиперо-гипонимическая, согипонимическая), мы закрепляем термин «связь».

Содержательные отношения значительно более многочисленны и выступают как значимости связей. Выявленные типы значимости образуют многоступенчатую иерархию. Для их терминологического разграничения мы предлагаем следующие обозначения:

- значимость первой ступени - «значимостная связь»,
- значимость второй ступени - «разновидность»,
- значимость третьей ступени - «субразновидность»,
- значимость четвертой ступени - «модификация» и т.д.

Включение и пересечение представляют отношения, лежащие, как мельчайшие «кирпичики», в основе структурных и содержательных отношений. Мы обозначаем их термином «связи-примитивы» (по аналогии с семантическими примитивами, лежащими в основе семантики единиц лексикона).

Перечисленные типы отношений составляют иерархию.

Гиперо-гипонимическая связь проявляется в двух значимостных связях - родо-видовой и обобщающе-уточнительной. Каждая из них имеет свои значимости.

Среди микросистем поля наибольшей четкостью связей отличается лексико-семантический ряд. В основе ряда лежит семантический признак, выделяемый в ядерных семмах всех элементов. Семантический признак четко конкретизируется семными конкретизаторами.

Рассмотрим в качестве примера лексико-семантический ряд «прекращение биологического существования в результате самоубийства». В качестве идентификатора ряда может выступать любое из фразеосочетаний, несущих архисему ряда 'намеренная каузация смерти со стороны субъекта': «совершить самоубийство», «покончить с собой» и т.д. Идентификатор конкретизируется следующими элементами: «застрелиться», «заколоться», «зарезаться», «повеситься», «отравиться», «утопиться», «сжечь себя»/ «совершить самосожжение», «выброситься».

В семемах элементов ряда выявляются дифференциальные семы, имеющие общий семантический признак «инструмент». Многоуровневый компонентный анализ элементов ряда выявляет на каждом уровне общий закрытый - для данного ряда - семантический признак и его семные конкретизаторы, многие из которых на следующем уровне становятся закрытыми (для данного ряда) семантическими признаками и конкретизируются новыми семными конкретизаторами. Выявлены следующие семантические признаки и семные конкретизаторы:

<u>семантический признак</u>	<u>семные конкретизаторы</u>
инструмент	1) механический 2) экологический
механический инструмент	1) оружие 2) орудие
экологический инструмент	1) стихия 2) не-стихия
оружие	1) огнестрельное 2) холодное
холодное оружие	1) острое 2) заостренное

- стихия
- 1) жидкая (водная) среда
 - 2) огонь
 - 3) земное притяжение

Семные конкретизаторы довольно четко членят участок семантического пространства, что позволяет интерпретировать это членение как видовое. Таким образом, в семемах элементов появляется системоприобретенная сема 'вид самоубийства'.

В основе системоприобретенной семы 'вид самоубийства' лежат семантический признак «инструмент» и его семные конкретизаторы. Во всех случаях признак «инструмент» сочетается с утилитарным аспектом значения, к которому относятся семы, указывающие на способ применения инструмента: 'удар', 'сдавливание', 'потребление в качестве пищи' и т.д.

По системоприобретенной семе 'вид самоубийства' все элементы ряда выявляют родо-видовую значимостную связь с идентификатором.

Одинаковые значимости вертикальной гиперо-гипонимической связи объединяются в блоки. Разновидностью родо-видовой связи является «инструментально-утилитарная», выявляемая всеми элементами ряда. По инструментально-утилитарной разновидности все вертикальные связи ряда образуют большой «инструментально-утилитарный» блок.

По семным конкретизаторам семантического признака «инструмент» определяются две субразновидности родо-видовой связи. «Механическая» субразновидность выявляется идентификатором с элементами: «застрелиться», «зарезаться», «заколотся», «повеситься»; «экологическая» субразновидность - с элементами «отравиться», «утопиться», «сжечь себя», «выброситься».

На подчиненной - четвертой - ступени по семным конкретизаторам определяются модификации родо-видовой связи. «Механико-орудийная» модификация объединяет идентификатор с элементом «повеситься»; «эколого-стихийная» - с элементами «утопиться», «сжечь себя», «выброситься».

Семы, относящиеся к локальному и пространственному аспектам, способствуют более глубокой детализации обозначения видов и более тонкому их описанию.

В семемах элементов «зарезаться», «повеситься» и «отравиться» Д1, кроме инструментально-утилитарного компонента, есть семы, относящиеся к локальному аспекту значения. Эти семы указывают биологический орган человека, на который направлено действие инструмента - горло («зарезаться», «повеситься»), органы пищеварения - скрытая сема в семеме 'потребление в качестве пищи' («отравиться» Д1). Связи, объединяющие эти элементы с идентификатором, представляют инструментально-утилитарно-локальную разновидность родо-видовой связи и образуют локальный блок. Поскольку семантический признак «инструмент» входит в ядро семем, блоки по семным конкретизаторам этого признака более существенны для структуры ряда, чем блок по локальному аспекту значения.

В семемах элементов «утопиться» и «выброситься», кроме инструментально-утилитарного компонента, есть семы, относящиеся к пространственному аспекту значения. Эти семы указывают на перемещение человека в пространстве перед тем, как он смог утилизировать негативные свойства воды и земли: сема 'погружение' в семеме «утопиться», сема 'прыжок с высоты' в семеме «выброситься». Связи, объединяющие элементы «утопиться» и «выброситься» с идентификатором, представляют инструментально-утилитарно-пространственную разновидность родо-видовой связи.

В лексико-семантическом ряду «виды казни» выявляется темпоральный аспект значения, к которому относится сема 'отнесенность к древнему периоду'. Эта сема выделяется в семемах элементов «быть распятым», «быть гильотинированным», «быть обезглавленным» и других. Разновидность родо-видовой связи, выявляемой этими элементами, определяется по четырем компонентам семемы как инструментально-утилитарно-локально-темпоральная.

Таким образом, связи элементов с идентификатором могут определяться как по ядерным, так и по периферийным дифференциальным компонентам. На этом основании в модели парадигматических связей, построенной для каждого элемента, вертикальные связи можно представить как полевою структуру, включающую ядерные и периферийные связи. Для элементов большинства рассмотренных лексико-семантических рядов ядерным компонентом является семантический признак «инструмент», периферийными компонентами являются аспекты значения: утилитарный, темпоральный, локальный, пространственный. Следовательно, инструментальная разновидность родо-видовой связи является ядром в полевой структуре вертикальных парадигматических связей элементов «застрелиться», «быть сраженным», «быть распятым», «быть повешенным», «выброситься», «утопиться» и др. Утилитарная, темпоральная, локальная, пространственная разновидности представляют периферию этой структуры.

Сложные термины, посредством которых мы обозначаем разновидности родо-видовых связей - представляют описание полевой структуры вертикальных парадигматических связей единицы. Например, «выброситься» имеет инструментально-пространственно-утилитарную структуру, в основе которой лежат семы 'земное притяжение', 'прыжок с высоты', 'удар'; «быть задушенным» имеет инструментально-утилитарно-локальную структуру, в основе которой лежат семы 'сдавливание' (и скрытая в ней сема 'орудие'), 'органы дыхания'.

Значимости ядерной (инструментальной) разновидности разработаны значительно лучше, чем значимости периферийных разновидностей. Значимости инструментальной разновидности обнаруживаются на четырех ступенях иерархии, тогда как значимости периферийных разновидностей занимают не более двух ступеней.

Соигпонимическая связь между элементами ряда проявляется в видо-видовой значимостной связи, имеющей свои значимости.

Анализ всех рассмотренных лексических группировок позволил выявить горизонтальную связь, проходящую сквозь несколько группировок. Эта связь основана на общности сем элементов, например, 'огнестрельное оружие': «застрелиться» - «быть застреленным» - «быть расстрелянным»; 'погружение в жидкую среду': «утопиться» - «утонуть» - «быть утопленным»; и т.д.

Для обозначения такой связи мы предлагаем термин «аналоговая связь».

Построенная модель парадигматических семантических связей, организующих микросистему, имеет статический характер. В речи лексические единицы взаимодействуют через присущие им в системе языка связи - как лексические (парадигматические, синтагматические), так и синтаксические. Взаимодействие лексики в речевом процессе многомерно. Мы делаем попытку смоделировать в динамике лишь одно из измерений - семантические парадигматические связи. С этой целью представляется целесообразным опереться на некоторые понятия, используемые для построения коннекционистских динамических моделей: активация концепта на входе, получение информации на выходе, направленность связей, распространяющаяся активация, повышение и понижение веса связи.

Построенные нами на материале иерархических микросистем динамические модели представляются вариантами инвариантной статической модели.

Выявлены два основных варианта динамической модели, имеющие подварианты. Рассмотрим в качестве примера некоторые из них.

2 июня он решил *покончить жизнь самоубийством...* (КП)

При восприятии в этом контексте единицы «покончить жизнь самоубийством», как, вероятно, и при ее изолированном восприятии, соответствующий концепт (семема) оказывается на входе в систему, приходит в состояние активации и распространяет активацию по связям к другим семемам. Вес этих связей возрастает. Повышение веса связей семемы осуществляется в пределах зоны распространения активации. Зона распространения активации семемы «совершить самоубийство» соответствует участку семантического пространства, который включает вертикальные и горизонтальные связи семемы, а также другие семемы, к которым направлены связи. Распространение активации семемы «совершить самоубийство» повышает вес вертикальных и горизонтальных связей.

В отличие от статической модели, имеющей одно измерение по вертикали - гипероигпонимическую связь, динамическая модель имеет два измерения по вертикали, различающиеся направленностью. Измерения определяются по гипо-гипероигпонимической и гипероигпонимической связям.

1. Гипо-гипероигпонимическая связь направлена «вверх» от гипонимической к обобщающей (гипероигпонимической) семеме «погибнуть» и способствует категоризации семемы на входе.

2. Гиперо-гипонимическая связь направлена «вниз» от гипероигпонимической к гипонимическим - (конкретизирующим) семемам. Представляется, что распространение активации «вниз» осуществляется по блокам гиперо-гипонимической связи, а не по разрозненным связям, направленным к каждой отдельной нижестоящей семеме.

Динамический вариант, построенный с учетом системных связей, создает эффект равного веса всех связей.

При подключении психологического фактора картина несколько меняется. Ассоциативный эксперимент выявил три наиболее частотные реакции на стимул «покончить жизнь самоубийством»: «застрелиться», «отравиться», «повеситься». Можно предположить, что данные семемы воспринимаются носителями языка как «наиболее типичные» (прототипические) представители концепта «самоубийство». Гиперо-гипонимические связи, направленные к прототипическим семемам, можно рассматривать как прототипические связи. Таким образом, активация будет распространяться прежде всего и быстрее всего по прототипическим связям, вес которых

возрастает более, чем вес остальных связей, показанных в модели. Сравнивая связи, направленные к отмеченным семемам, мы можем противопоставить их как ядерные, т.е. прототипические, остальным связям, удаленным от ядерных, т.е. непрототипическим.

Степень активации семем оказывается достаточно высокой (пороговой) для того, чтобы они передавали определенную информацию на выходе из системы. В то время как в статической модели все элементы являлись вербализованными семемами, в динамической модели большинство элементов представляют невербализованные семемы, которые лишь «подразумеваются», т.е. выступают в закодированном виде. Мы понимаем кодирование как активацию невербализованной семемы. Средством кодирования являются парадигматические связи. В описанной модели лишь один элемент на входе - «покончить жизнь самоубийством» - представляет вербализованную семему.

Равная - хотя и наиболее сильная - активация трех семем не дает основания для предпочтения одной из них. Следствием равной активации трех семем является возникающий на выходе эффект неопределенности, недосказанности.

Эффект недосказанности обусловлен, на наш взгляд, именно тем, что семемы, которые могли бы конкретизировать, раскрыть содержание вербализованной семемы на входе, не вербализованы, представлены в закодированном виде.

В отличие от первого варианта, второй динамический вариант предполагает зону распространения активации, выходящую за пределы одной микросистемы.

2 июня он решил *покончить жизнь самоубийством*, для чего поджег бумагу...(КП)

Активация имеющейся на входе семемы «покончить жизнь самоубийством» распространяется по горизонтальным и вертикальным связям. Последующее восприятие, т.е. появление на входе, семемы «поджечь», ограничивает распространение активации, снижает вес всех гиперо-гипонимических связей, кроме связи, направленной к семеме «сжечь себя». Активация данной семемы усиливается.

Семасиологический анализ показывает, что связь между семемами «поджечь» и «сжечь себя» обусловлена общностью семы 'огонь', входящей в ядро обеих семем. Активация семемы «поджечь» параллельно способствует активации той части семемы «сжечь себя», по которой они пересекаются. Имеет место пересечение двух зон распространения активации. В результате этого пересечения зоной высокой /пороговой/ активации оказывается кодируемая семема «сжечь себя». Степень активации семемы «сжечь себя» достигает столь высокого - уровня, что она в закодированном виде передает на выходе информацию об избранном способе самоубийства. Такое кодирование семемы можно назвать «поддержанным кодированием».

Поскольку поддерживающие семемы находятся за пределами рассматриваемого лексико-семантического ряда, целесообразно обратиться к более широкой микросистеме - фрейму. «Сжечь себя» в таком случае представляет ядро фрейма (в модели Л.Барсалау), а «поджечь» и «огонь» слоты фрейма.

Материал показывает, что возможно параллельное кодирование семем двух разных ярусов иерархии. Это отмечено в случае цепочечного пересечения трех зон распространения активации.

Анализ кодируемых семем, передающих на выходе определенную информацию, показал, что они могут передавать информацию двух типов. Семемы, кодируемые в результате повышения веса гипо-гиперонимических и согипонимических связей, несут информацию о категории, к которой принадлежит вербализованная семема на входе. Эта информация не является новой для слушающего и говорящего, она лишь помогает ориентироваться в картине мира.

Семемы, кодируемые в результате повышения веса гиперо-гипонимической и фреймовой связей, сообщают новую информацию. В качестве новой может быть информация об окружающем мире (способы убийства, самоубийства и т.д.) и отношениях, которые человек устанавливает между объектами мира (конкретизация, отсутствие конкретизации, т.е. неопределенность, недосказанность).

Таким образом, выполненное исследование показывает, что наше знание о мире передается в таких структурах, как вербализованные и кодируемые семемы. В речи большинство единиц лишь «подразумеваются», т.е. они выступают в виде невербализованных, кодируемых семем.

В.Ю. Ко-

пров

ЧАСТИ РЕЧИ

В СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

При сопоставительном анализе семантико-синтаксической организации простого предложения мы считаем необходимым разграничивать три соотносимых понятия: типовое значение предложения (ТЗ), инвариантная семантическая структура предложения (ИСС), лексико-грамматический вариант семантической структуры предложения (ВСС). ТЗ, относящиеся к числу языковых универсалий, могут послужить основой для типологии неродственных языков; для сопоставления родственных языков данный уровень лингвистической абстракции оказывается слишком высоким. Каждое ТЗ по определению объединяет несколько ИСС, поэтому для детального сопоставления нескольких родственных, но разноструктурных языков целесообразнее опираться на ту или иную ИСС. Поскольку предметом нашего анализа являются языки одного и того же – номинативного – строя, понятие ИСС является для нас ключевым.

Для разграничения ИСС используется критерий принадлежности компонентов структуры ТЗ к классам слов, традиционно называемых **частями речи** (ЧР). При этом сначала устанавливается частеречная характеристика признакового компонента, затем, исходя из его категориального значения, определяется конфигурация ИСС.

Преимуществами использования системы ЧР для выявления ИСС являются:

полнота и стройность типологии как результат последовательного применения единого систематизирующего признака;

возможность обобщения полученных классификационных рубрик (для выхода на более высокий уровень лингвистической абстракции -- ТЗ) или их дальнейшей детализации (на основе выделения лексико-грамматических разрядов слов внутри каждой ЧР -- ВСС);

готовность построенной классификации предложений одного языка для системного сопоставления с материалом других языков.

Основной недостаток избранного подхода заключается в дискуссионности самой идеи о возможности адекватной классификации слов по ЧР и во множестве имеющихся в распоряжении синтаксистов систем ЧР в сопоставляемых языках.

Ознакомившись с огромной литературой вопроса (по соображениям экономии места ссылки на хорошо известные источники здесь не приводятся), мы, как и многие другие исследователи, пришли к неутешительному выводу: все это уже было, было, было... В принципе механизм и итоги попыток распределения слов по тем или иным рубрикам (ЧР) очень напоминает нам детский калейдоскоп, при повороте которого (при изменении теоретической точки зрения или взгляда на материал) изменяется и вся мозаика; в принципе, так может продолжаться до бесконечности. В наши задачи, по указанным причинам, создание еще одной "единственно верной" системы ЧР не входит. Однако во избежание возможных неясностей представляется необходимым в общих чертах обрисовать наше понимание проблемы (об использовании различных систем ЧР в типологии предложения см., например/1, с.125-129; 2; 3/.

Как и большинство предшественников, мы берем за основу традиционную "школьную" систему ЧР. Но, прежде чем использовать ее в наших целях мы, во-первых, применим к ней наш многоаспектный подход к предложению и, во-вторых, уточним номенклатуру ЧР, составляющих избранный для анализа аспект предложения.

1. Мы считаем, что в **номинативном аспекте** предложения могут быть классифицированы с опорой на систему, в состав которой обязательно входят: существительное, глагол, прилагательное, наречие. Этой системе (с оговорками и уточнениями) здесь отдается предпочтение прежде всего потому, что несмотря на многовековую историю она наилучшим образом согласуется с новейшими определениями общеграмматических значений классов слов, предложенными теорией когнитивной деятельности. В соответствии с данной теорией существительное имеет общеграмматическое значение предметности. Данной ЧР противостоят два класса слов с общеграмматическим значением признаковости: действенного, процессуального признака – глагол, и статического, непроцессуального признака – прилагательное. Признак признака обозначается наречием. На связь указанных ЧР с внешним миром и познанием его человеком обратил внимание еще Аристотель, а в отечественной науке -- М.В. Ломоносов.

Что касается **местоимений**, то, как видно из самого наименования этой группировки слов, они (при определенных условиях) просто занимают в предложении место других "номинативно значимых" ЧР, не выполняя никакой самостоятельной номинативной функции. Поэтому мы в принципе допускаем оба известных решения проблемы местоимений: а) объединение всех подобных слов в рамках отдельной ЧР, но с обязательным указанием на ее принадлежность к другому (не номинативному) аспекту предложения; б) распределение таких слов по другим ЧР в качестве их особых лексико-грамматических разрядов. Для нас здесь определяющим является то, что местоимения, находясь за рамками номинативного аспекта, не образуют отдельных ситуативно-структурных типов предложения и, следовательно, не стоят в одном ряду с другими ЧР.

В отдельную ЧР часто выделяются **междометия**. Однако в отличие от других ЧР междометия служат не для реализации компонентов предметных ситуаций, а для выражения образов, существующих в сознании в виде эмоций и чувств. Поэтому формируемые ими (или с их участием) предложения также выходят за пределы номинативного аспекта структурно-семантической организации простого предложения.

2. Проблема определения и уточнения номинативной природы знаменательных (кардинальных, основных) ЧР продолжает оставаться актуальной и в наше время. Наименее спорными ЧР являются существительное, глагол и прилагательное.

Как указывает Е.С. Кубрякова, понятие наблюдаемого объекта формируется в наглядном опыте человека при выделении им топологических отдельностей и целостностей, компактно организованных в виде обегаемых глазом фрагментов пространства, которые обладают определенными физическими характеристиками. Это понятие можно привязать цепочкой переходов к понятиям отдельности (единицы), членимой или же не членимой совокупности, к понятиям вещи и тела, лица и предмета как не меняющих долго тождества самим себе во времени и при передвижении в пространстве. Такие понятия передаются именами **существительными**.

Аналогичные догадки можно строить и по поводу противопоставления динамических и статических ситуаций по признаку наличия или же отсутствия в них видимого изменения. Это противопоставление связано с процессом постепенного становления категории **глагола** и с дифференциацией в этой категории единиц статического типа, фиксирующих наблюдаемые положения дел, с одной стороны, и единиц динамических, фиксирующих протекание изменения во времени и пространстве. Глагол рождался как единица хронотопная, совмещающая в своем значении как идею траектории движения в пространстве, так и идею процессуальности и причинности, течения во времени с разными его фазовыми характеристиками. Связанный также с идеей переходности, вовлеченности в действие определенного объекта, глагол возник как единица, отличная и от **прилагательного**, которое чаще всего фиксировало неотторгаемые от объекта свойства – цвет, форму, размеры тела, его контуры или же признаки, определяемые не только на глаз, но и тактильно, наощупь и т. д. /4, с.221-223/.

С определением прилагательного как ЧР в русском языке связан целый круг спорных вопросов, корень которых заключается в так называемом "узком" или "широком" подходе к данной ЧР. К числу дискутируемых вопросов относятся следующие: взаимоотношения полной и краткой форм прилагательного; прилагательное и наречие; соотношение прилагательного с "категорией состояния", "компаративом", числительным, причастием.

Проще всего проблема решается при узком подходе: к прилагательным относятся только слова с непроцессуальным признаковым значением типа *веселый (весел), золотой* и т. п. Внимание синтаксистов, разделяющих широкий подход к прилагательному (к их числу мы относим и себя), привлекает, прежде всего, семантика и сферы функционирования двух форм прилагательного – полной (ПФП) и краткой (КФП). Принято стало считать, что именно ПФП является исходной, категориальной формой данной ЧР, а КФП – производной, вторичной. Между тем имеются серьезные основания полагать, что с номинативной точки зрения дело обстоит как раз наоборот.

Во-первых, напрашиваются аналогии между КФП и исходной, словарной формой существительного. У существительного таковой формой является именительный падеж мужского рода единственного числа; именно этой формой выражается "предметность" как категориальное значение данной ЧР. Почему бы отсюда не заключить, что именно КФП (в мужском роде единственного числа) и должна выступать в виде основной формы выражения непроцессуального признака?

Во-вторых, в предложении КФП выполняет свою главную и единственную роль – выражает признаковый компонент семантической структуры предложения, т. е. является типологически релевантной. Можно также предположить, что выполнение атрибутивной функции вообще было для прилагательного вторичным; КФП, попадая в позицию определения предмета (ат-

рибута), согласовывалась с ним в роде, числе и падеже, становясь при этом тем, что мы теперь называем ПФП. ПФП других разрядов (относительные, порядковые) тем же путем образовывались в атрибутивной позиции от соответствующих существительных и числительных. Интересно отметить, что в языках, в которых отсутствует согласование прилагательного с определяемым существительным, как в предикативной, так и в атрибутивной позиции (например, в английском и венгерском), не наблюдается и дихотомии форм прилагательного.

В русском языке подобная интерпретация проблемы соотношения обеих форм затемняется их современным вариативным использованием в предикативной позиции. Четкая дифференциация форм представляет собой значительную трудность даже для специализированной отрасли грамматики — грамматической стилистики (см., например /5, с.10-11/), а для иностранных учащихся изучение этой темы традиционно является настоящим камнем преткновения.

В-третьих, мы считаем, что находим все ту же КФП в предложениях, в которых некоторыми лингвистами, вслед за Л.В. Щербой, выделяется особая ЧР -- так называемая "**категория состояния**": *Кругом тихо: Здесь вам будет удобно*. Это не отдельная ЧР, так как КФП просто принимает форму среднего рода единственного числа в соответствии с общими закономерностями функционирования так называемых "безличных" форм (ср. также с безличной формой глагола и формой на -о краткого страдательного причастия в позиции признакового компонента семантической структуры предложения).

Известные трудности возникали при определении статуса слов, которые употребляются в составе простого предложения в синтетической форме сравнительной степени: *Он стал веселее; Он рассказывал веселее; Ему стало веселее*. На том основании, что во всех трех случаях форма слова "веселее" совпадает и не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам, А.М. Пешковский выделил подобные слова в особую категорию, занимающую промежуточное положение между прилагательным и наречием, — так называемый "**компаратив**". Мы склонны видеть в данных словах не особую ЧР, не одно и то же наречие во всех предложениях, не прилагательное, наречие и категорию состояния соответственно, а КФП (первый и третий примеры) и, возможно, наречие (второй пример). Оговорка "возможно" сделана нами потому, что предельно широкое понимание прилагательного предполагает признание того, что КФП используется и для актуализации свойств глагольного процесса (см. об этом /2, с.222/), т.е. в функции, которую в традиционной грамматике отводят отдельной ЧР — наречию.

Об особой номинативной природе **наречий** убедительно говорит в своей работе А.К. Васильева: в семантике данной ЧР наблюдается известное искажение реального положения вещей, ибо признаков в реальной действительности не существует. Наречие выражает не признак признака, а опосредованный признак, проявляющийся в связи с другим признаком, но воспринимаемый как его составная часть. Поскольку свойства материи проявляются главным образом в процессе ее движения, то в предложении наречие синтаксически связывается в первую очередь с глаголом /6, с.71/.

Вместе с тем, как известно, наречия могут определять не только глаголы, но и прилагательные, другие наречия или ситуацию, выраженную простым предложением, в целом. По выполняемой в предложении функции обстоятельственные слова могут быть разделены на три группы: атрибутивные (образа действия, качества и меры другого признака), ситуативные (места, времени), сопутствующие (определяющие минимальную ситуацию в целом: причины, следствия, времени и т. д.). Только обстоятельственные слова первой группы связаны с определяемым словом так же тесно, как прилагательные, и только они входят в номинативный минимум предложения (ср.: *Она хорошо работает – Ее отличает хорошая работа*). Но ведь именно эту группу составляют слова, которые можно идентифицировать и как КФП в "безличной" форме! Следовательно, наречия первой функциональной группы отличаются от соответствующих КФП не по своей номинативной природе, не по форме, а только по функции в предложении: *Он хорошо говорит по-французски* (наречие-обстоятельство); *Это средство хорошо для пожилых людей* (КФП-сказуемое). С учетом указанных соображений возникает соблазн вообще отказаться от выделения наречия как отдельной ЧР в русском языке, включив соответствующие формы в ЧР прилагательное. Однако принятию такого решения не способствует формально выраженное противопоставление прилагательных и наречий, наблюдаемое в других сопоставляемых нами языках: good "хороший" ("хорошо") – well "хорошо"; beautiful "красивый" ("красиво") – beautifully "красиво"(англ.); jó – jól; szép – szépen (венг.). Думается, что большая мотивированность выделения наречия в английском, венгерском, (а также и во французском) языках, является тем доводом, который склоняет чашу весов в пользу включения данной ЧР в качестве самостоятельной и в систему ЧР русского языка.

Еще более спорным представляется статус **числительного**. Относительно происхождения количественных числительных можно предположить следующее: не является ли количественное числительное результатом деадъективации порядкового прилагательного в признаковой позиции предложения? Например, при счете мамонтов: *Мамонт первый, мамонт второй* результат мыслительной операции предстает в виде количественно-именного сочетания *два мамонта*, где существительное стоит в зависимой форме родительного падежа (ср. со словосочетаниями *вкус мамонта* и *бег мамонта*). Появившийся в результате этого процесса новый класс самостоятельных счетных слов стал затем регулярно использоваться и в признаковой позиции в особом типе предложения для обозначения результата счета: *Мамонтов два*. Свойственное количественным (и собирательным) словам особое общеграмматическое значение "количества" на некоторой ступени познания человеком окружающей действительности приобрело жизненно важное значение и тем самым выделилось из ряда других качеств (свойств) предмета, закрепив за данными словами статус отдельной ЧР.

Большое значение для получения оптимальной для наших целей системы ЧР имеет адекватное решение проблемы классификации различных **глагольных форм**: "личной", инфинитива, причастия и деепричастия. Здесь, как известно, борются две тенденции: считать все перечисленные единицы формами единой ЧР – глагола (широкий подход к глаголу); вывести за рамки собственно глагола две или три формы в качестве отдельных ЧР (узкий подход к глаголу).

Первая трактовка является более традиционной; своими корнями она уходит в античную литературу, отражена как в школьных учебниках, так и в современных научных исследованиях. Она базируется на лексико-семантическом подходе к проблеме: все четыре глагольные формы объединяются в единую ЧР на основе присутствия в их семантике общего компонента – процессуального признака; этому способствует также наличие у некоторых из них общих категориальных форм – видо-временных и залоговых.

Вторая трактовка также достаточно распространена. Ее сторонники акцентируют тот факт, что каждая форма (спрягаемая, инфинитив, причастие, деепричастие) своеобразно интерпретирует общеграмматический глагольный признак "процессуальность" и при этом обладает специфическим набором категориальных форм. Так, у спрягаемой формы данный признак выступает в наиболее чистом виде. Инфинитив, только называя действие в отвлечении от его модально-временных параметров, как бы "опредмечивает" его, и представляет собой гибридную глагольно-именную ЧР. В причастии общеграмматический глагольный признак ослабляется за счет усиления значения, присущего прилагательному, в результате чего получается гибридная глагольно-адъективная ЧР. Деепричастие выражает процессуальность, но не прямо относит ее к носителю признака, как это делает спрягаемая форма, а через другой признак, т. е. как признак признака, что сближает данную форму по семантике и функции с наречием; получается гибридная глагольно-адвербиальная ЧР (см. об этом работы А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Ю.С. Маслова и др.).

И узкое и широкое понимание глагола исходит из одних и тех же фактов, лишь оценивая их по-разному и различно расставляя акценты. Целям и задачам нашего исследования в большей степени отвечает второй подход. За неимением здесь места детально обсудить все за и против такого подхода приведем лишь один довод: использование в качестве критерия более разветвленной системы ЧР, естественно, способствует и большей детализации исследования организации предложения. Если бы мы включили все формы в одну ЧР, то только усложнили бы классификацию предложений, так как внутри общего класса "глагольных" предложений все равно пришлось бы тем или иным способом обозначать соответствующие подклассы.

Исходя из универсальности номинативной природы ЧР, можно предположить, что в **английском** языке система ЧР не значительно отличается от русской. Специфической формой английского глагола является **герундий**, который, совпадая с причастием 1 по форме, отличается от последнего по функции: герундий чаще всего используется с предлогом. Хотя герундий в современном языке часто имеет полную потенцию глагола и может, как глагол, принимать объект, он, в отличие от глагола, не сочетается с именительным субъекта; более того, часто герундий ведет себя как существительное, выступая в качестве субъекта или объекта глагола или в составе предложного сочетания. Отдельных конструктивных типов простого предложения герундий не образует.

Система ЧР в **венгерском** языке отличается некоторой спецификой от двух рассмотренных выше систем. Так, здесь нет никакой разницы в форме между существительным и прилагательным, поэтому провести грань между двумя этими видами имен часто бывает трудно. Отглагольные имена (формы) обычно рассматриваются венгерскими лингвистами как одна от-

дельная ЧР: инфинитив – állni (стоять); причастия – író (пишущий); járt (пройденный); adandó (который нужно дать); деепричастия – adva (давая); nézvéen (смотря).

Таким образом, во всех трех языках в состав системы ЧР входят: существительное, глагол, прилагательное, числительное, наречие, причастие, инфинитив; в русской и венгерской системах представлено деепричастие, а в английской – герундий. Соответственно, разграничиваются следующие классы предложений: номинативный, вербальный, адъективный, нумеративный, адвербиальный, партиципальный, инфинитивный, деепричастный /7, 1990/. Это подтверждает справедливость постулата об адекватности опоры на систему ЧР при сопоставительном анализе структурно-семантической организации простого предложения родственных языков на уровне ИСС.

В рамках ТЗ "субстанция и ее признак" разграничиваются следующие ИСС: предмет и его действие или состояние (существительное + глагол), предмет и его качество (существительное + прилагательное), предмет и его качественный процессуальный признак (существительное + страдательное причастие в русском и английском языках, деепричастие – венгерском и русском языках), предмет и его "предметное" качество (существительное + существительное), предмет и его количество (существительное + числительное), предмет и его опредмеченное действие (существительное + инфинитив), опредмеченное действие и его качество (инфинитив + прилагательное).

В рамках ТЗ "отношение между субстанциями" различаются следующие ИСС: отношение действия или состояния между двумя (тремя, четырьмя) предметами (существительное + глагол + существительное), отношение качественной характеристики двух предметов (существительное + прилагательное + существительное), отношение тождества между двумя опредмеченными действиями (инфинитив + глагол + инфинитив), отношение между двумя отвлеченными количественными признаками предметов (числительное + глагол + числительное).

Хотя сопоставление языков по линии той или иной ИСС предложения уже позволяет системно ограничить материал и сконцентрировать внимание на выявлении сходств и различий в избранной области, во многих случаях данный уровень абстрагирования может оказаться слишком высоким. При решении некоторых задач практического характера представляется целесообразным сопоставлять синтаксические подсистемы языков, опираясь на менее обобщенные единицы – ВСС. Выявление инвентаря ВСС производится с учетом группировок лексем, более мелких, чем ЧР, т. е. с опорой на лексико-грамматические разряды (ЛГР) внутри каждой ЧР. Номенклатуру таких ЛГР еще предстоит создать.

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
2. Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
3. Ломов А.М. Части речи в их отношении к предложению // Русское предложение: исследование и преподавание в школе и вузе. Воронеж, 1986.
4. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь, грамматика, текст. М., 1996.
5. Попова З.Д. Грамматическая стилистика русского языка. Воронеж, 1982.
6. Васильева А.К. О природе частей речи как системы классов однозначных слов (на материале индоевропейских языков) // Филол. науки. 1973, № 6.
7. Копров В.Ю. Части речи как основа синтактико-семантической классификации простого предложения // Тезисы докладов XV межвузовской научно-методической конференции. Воронеж, 1990.

М.А.Стернина

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИСЕМИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Понятие полисемии в современном языкознании можно считать установившимся. Существующие в литературе определения полисемии слова в принципе идентичны. Под полисемией понимается наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений. Как отмечала Э.В.Кузнецова, «Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотносенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, являются семантически связанными друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах.» (1) «Значения многозначного слова, - пишет Д.Н. Шмелев, - объединяются в семантическое единство

благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций.» (2) Несколько формализованное определение полисемии, которое дает Ю.Д. Апресян, практически содержит аналогичную мысль: «Слово А называется многозначным, если для любых двух его значений a_i и a_j найдутся такие значения $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$, что a_i сходно с a_1 , a_l - с a_2 и т.д., a_k - с a_l и a_l - с a_j достаточно, чтобы каждое из значений было связано хотя бы с одним другим значением.» (3)

Список определений полисемии слова можно было бы продолжить, однако в силу их однотипности в этом нет необходимости. Имеющиеся определения полисемии в целом раскрывают ее сущность - сосуществование в семантической структуре слова нескольких значений, находящихся между собой в отношениях семантической производности.

Следует отметить, однако, что практически все работы, так или иначе затрагивающие проблему полисемии, описывают данное явление как ограниченное частеречными рамками - любая замена частеречной семы, невзирая на отсутствие или сохранение семантической связи между значениями данной лексемы, рассматривается исследователями как нарушение тождества слова и омонимия. Существование полисемии, таким образом, признается лишь на лексическом уровне.

Представляется, однако, что рассмотрение лишь лексической полисемии слова при изучении данного явления не может быть признано исчерпывающим. Существует, как минимум, еще один уровень полисемии - лексико-грамматический, предполагающий, помимо семантической производности, также производность на уровне частей речи (лексико-грамматических классов слов).

Термин «лексико-грамматическая полисемия» принадлежит В.И. Абаеву. В своей известной статье «О подаче омонимов в словаре», давшей толчок знаменитой дискуссии в отечественном языкознании, В.И. Абаев справедливо отмечает, что многозначность на уровне частей речи нельзя рассматривать как безморфемное словопроизводство. «В действительности, «безморфемное словопроизводство» - это и есть полисемия», - отмечает он. (4) “Странно читать, - пишет далее В.И. Абаев, - что разными словами являются *clear* (ясный) и *clear* (ясно), *slow* (медленный) и *slow* (медленно), что отношение между ними такое же омонимическое, как, скажем, между *tould* (форма) и *tould* (плесень) или *lap* (подол) и *lap* (жидкая пища). Свежего человека просто ошарашивает открытие, что общеизвестное *third* представляет в действительности три слова: I. *third* (треть) - числительное, II. *third* (треть) - существительное, III. *third* (треть) - прилагательное. Истинным откровением было для нас, когда мы узнали, что в английском языке не одно, а два слова *darling*: I. *darling* (любимец), II. *darling* (любимый), что семантический разрыв между этими словами больше, чем, скажем, между *zip* (треск разрываемой ткани) и *zip* (темпермент), которые даются как одно слово” (5)

Действительно, в случае наличия семантической связи между семемами разной категориальной принадлежности утверждение об омонимичности этих семем представляется неправомерным. В подобном случае мы имеем дело не с омонимией, а с лексико-грамматической полисемией, т.е. полисемией на уровне частей речи. Критерием отнесения одинаково оформленных разнокатегориальных семем к одной и той же лексеме служит в этом случае, также, как и при обычной, лексической полисемии, семантическая производность семем.

Подобное понимание рассматриваемого явления не противоречит теории частей речи и не ставит под вопрос существование частей речи как лексико-грамматических классов слов, как полагают многие.

Части речи могут быть представлены как пересекающиеся круги, части которых совпадают. Слова, демонстрирующие лексико-грамматическую полисемию, будут находиться как раз в пересекающихся частях этих кругов, причем, чем больше разнокатегориальных семем способны вместить в себя слова данной части речи, тем с большим числом кругов будет пересекаться представляющий ее круг.

Разнокатегориальные значения слова могут иметь, и, как правило, имеют различные, специфические для каждой данной части речи морфологические признаки. Однако морфологические признаки выражения категориального значения выступают лишь как формальные показатели частеречной принадлежности слова и в конечном счете только подтверждают функционирование слова в новом категориальном значении, а не определяют его. Основным же критерием отнесения слова к той или иной части речи остается семантический критерий, т.е. наличие в слове определенной частеречной семы.

На правомерность такого подхода указывает, в частности, факт существования в языке так называемых “неизменяемых” частей речи - наречий, предлогов, союзов и т.д. В настоящее

время в лингвистике уже нет сомнения, что, несмотря на отсутствие у них каких-либо формальных показателей, это - разные части речи с самостоятельным категориальным значением.

Отсутствие каких бы то ни было морфологических показателей в отдельных языках может быть характерно и для некоторых других частей речи. Так, например, прилагательное в английском языке практически не имеет никаких морфологических маркеров, за исключением степеней сравнения, имеющих далеко не у всех из них, однако, тем не менее, несомненно является особой частью речи.

Вполне уместно привести здесь высказывание на этот счет академика Л.В. Щербы: “Едва ли мы потому считаем “*стол*”, “*медведь*” за существительные, что они склоняются, скорее мы потому их склоняем, что они существительные” .(6)

На вторичность, зависимость морфологических признаков частей речи от семантических указывает и А.Н. Тихонов: “При переходе слов из одной части речи в другую семантика является определяющим фактором... Что касается морфологических факторов, то они закрепляют сдвиги в семантическом развитии слова”. (7)

Семантический критерий является ведущим, определяющим для установления категориальной принадлежности значения, морфологические же показатели частеречной принадлежности слова являются добавочными, вторичными, дополнительными.

Подобно тому, как явление лексико-грамматической полисемии не противоречит теории частей речи, не ставит оно под сомнение и тесно связанный с этим вопрос о границах слова.

Вслед за В.М. Жирмунским мы считаем, что основным и обязательным признаком целостности слова является критерий семантического единства. (8) В случае лексико-грамматической полисемии этот критерий соблюдается, поскольку само понятие полисемии требует наличие семантической производности семем.

Весьма справедливым представляется нам и высказывание на этот счет Е.В. Раевской: “Существует мнение, что единицы, элементы языка не могут быть полифункциональны, потому что наличие полифункциональности означает, якобы, отрицание существования слова, как члена лексико-грамматического разряда: если слово принадлежит к нескольким классам, то оно, по сути, не принадлежит ни одному из них и становится, таким образом, некоей неопределенной сущностью. Здесь, на наш взгляд, неправильно понимается существо дела. Речь идет о способности слова выполнять функции различных частей речи, оставаясь членом одного лексико-грамматического разряда, т.е. о полифункциональности. Таким образом, полифункциональность выражается в том, что слово, оставаясь тождественным самому себе и воспринимаемое пользующимся языком как относящееся к определенной части речи, может выполнять функцию другой части речи”. (9)

В связи с рассмотрением проблемы лексико-грамматической полисемии слова встает вопрос о взаимоотношении лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности. (10)

Если при лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются как категориально, так и лексически, то в случае лексико-грамматической вариантности семемы выступают в одинаковом наборе лексических сем, но с разными частеречными семами.

Ср.: 1) *He went up.*

2) *He went up the stairs.*

В обоих примерах реализуется одно и то же лексическое значение «вверх». Данное лексическое значение обязательно предполагает некий центр координации (ЦКр), относительно которого определяется местонахождение или направление действия. Этот ЦКр может быть выражен в предложении эксплицитно, а может остаться невыраженным. При эксплицитном выражении центра координации реализуется предложный вариант лексического значения (см. пример 2), при отсутствии в предложении указания на ЦКр реализуется то же лексическое значение, но уже в наречном варианте (см. пример 1). Указание на центр координации является в этом случае имплицитным, заключенным в семантику самого слова.

Аналогичное явление наблюдается и в русском языке.

Ср.: 1) *Он зашел внутри.*

- наречный вариант лексического значения «в пределы ЦКр»

2) *Он зашел внутри дома.*

- предложный вариант лексического значения «в пределы ЦКр»

Схематически рассмотренные лексико-грамматические варианты могут быть представлены следующим образом -

лексическое значение	частеречные семы
в пределы ЦКр	признак признака (наречная) отношения (предложная)

Как видно из приведенной схемы, в случае лексико-грамматической вариантности одному набору лексических сем соответствуют две (или более) частеречные семы. Эти частеречные (категориальные) семы находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции и реализуются в зависимости от контекста. При лексико-грамматической же полисемии слова каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная частеречная сема.

Соотношение лексических и грамматических сем при многозначности слова на уровне частей речи имеет, таким образом, двоякий характер: при лексико-грамматической полисемии отдельному лексическому значению слова однозначно соответствует одна частеречная сема, при лексико-грамматической вариантности одному лексическому значению соответствуют уже две (или более) разные частеречные семы. Реализация той или иной частеречной семы в этом случае обусловлено контекстуальными условиями.

Лексико-грамматическая вариантность, таким образом, представляет собой более простой, частный случай лексико-грамматической полисемии слова - если при лексико-грамматической вариантности семемы различаются лишь категориально, то при лексико-грамматической полисемии они различаются как категориально, так и лексически. Условием отнесения разнокатегориальных семем к одной лексеме в первом случае служит идентичность лексических значений, во втором - их семантическая производность.

Таким образом, мы вправе говорить о наличии в языке лексико-грамматической полисемии слова, существующей как в виде собственно лексико-грамматической полисемии, так и в виде лексико-грамматической вариантности. Лексико-грамматическая вариантность при этом может рассматриваться как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова.

Изучение лексико-грамматической полисемии в английском и русском языках показало, что данное явление не только более распространено в английском языке по сравнению с русским, но и отличается в нем большим разнообразием.

Исследование, проведенное на материале пространственных наречий русского языка (одного из наиболее «богатых» с точки зрения лексико-грамматической полисемии разрядов слов русского языка) показало, что лексико-грамматическая полисемия там возможна лишь на уровне двух и трех частей речи. Интересно при этом, что возможны случаи лексико-грамматической полисемии в виде лексико-грамматической вариантности при отсутствии у слова полисемии лексической.

Такое явление наблюдается у русских однозначных пространственных наречий *подле* и *посередине*, которые проявляют лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и предлога

Ср.: I. 1) *Аксинья подошла, села подле.* (М.Шолохов)

- наречный вариант семемы “на небольшом расстоянии от ЦКр”

2)... *ребенок вертелся подле матери.* (А.Бруштейн)

- предложный вариант семемы “на небольшом расстоянии от ЦКр”

II. 1) *По бульжной... мостовой катили экипажи. Посередке высылся, как полагается, городовой.* (В.Ерашов)

- наречный вариант семемы “в середине ЦКр”

2) *Еще не стемнело. Сергей Ефремович себя воздвигал посередке стеганого кожаного сиденья, пальто нараспах, чтобы всем видна была на сюртуке серебряная цепь - отличительный знак одного из троих членов городской управы* (В.Ерашов).

- предложный вариант семемы “в середине ЦКр”

Среди многозначных пространственных наречий русского языка, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию на уровне двух частей речи, наиболее распространены предложные наречия, т.е. наречия, проявляющие лексико-грамматическую полисемию и лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и предлога.

В качестве примера приведем семантему наречия *вокруг*, включающую 6 семем и демонстрирующую как лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и предлога, так и собственно лексико-грамматическую полисемию.

Лексико-грамматическую вариантность в семантеме данного наречия демонстрирует семема Д1_{adv/prep} (11) “в пространстве, окружающем ЦКр”:

Серезжа голодно обернулся. Вокруг - никого (Э.Пашинев)
- наречный вариант

Вокруг города полыхали залпы (В.Инбер)
- предложный вариант.

Наречной семемой здесь является семема К1 “в обществе, в общественной жизни”:

Особая атмосфера напряженного ожидания царицы вокруг .(А.Чаковский)

Предложные частеречные семы в семантеме рассматриваемого наречия имеют две денотативные семемы Д2 и две коннотативные семемы К1:

Семемы Д2_{prep} “в сфере деятельности ЦКр” и “указание на место приложения действия”:

Вокруг хуторского ревкома сгруппировалось несколько человек... (М.Шолохов)

... смену отработав, недоодевающему человеку еще идти и вокруг котлов да вокруг хлеба дежурить .(К.Симонов)

Семемы К1_{prep} “по поводу, в связи” и “в определенных пределах, рамках (указание на предмет разговора)”:

В первый вечер мне удалось закончить доклад, но вокруг моих положений развернулись страстные прения (А.Макаренко).

Разговор вертелся вокруг событий последних дней (М.Шолохов).

Многозначность на уровне трех частей речи демонстрируют в сфере пространственных наречий русского языка лишь две единицы - *напротив* и *вперед*.

Проведенное исследование показало, что лексико-грамматическая полисемия пространственных наречий русского языка проявляется в целом на уровне следующих частей речи: предлога, частицы и существительного.

В качестве иллюстрации предложной семемы приведем семему К1_{prep} наречия *возле* “в сфере (возможного) влияния ЦКр”:

Долгие годы находясь возле Черчилля, Моран, конечно, слышал о новом оружии, связанном с применением атомной энергии.

Лексико-грамматическая полисемия на уровне частицы может быть проиллюстрирована семемой К2_{part} наречия *тут*, обозначающей сомнение или отрицание:

- *Может, с дороги чаю покусаете?*

- *Куда тут чай распивать!*

В качестве иллюстрации субстантивной семемы служит семема К1_{subst} наречия *впереди* “будущее”:

... позади выигранная война ... А впереди ... Чего только нет в этом впереди!

Лексико-грамматическая вариантность в сфере пространственных наречий русского языка проявляется в основном на уровне наречия и предлога.

Ср.: 1) *Ветер дует автобусу в лоб, сквозь щели в окнах проникает внутрь.*

- наречный вариант семемы “в пределы ЦКр”.

2) *... попасть внутрь замка ему не удалось.*

- предложный вариант семемы “в пределы ЦКр”

Единственным случаем лексико-грамматической вариантности на уровне других частей речи является семема “наоборот” наречия *напротив*, демонстрирующая лексико-грамматическую вариантность на уровне наречия и союза:

Ср.: 1) *Мнение своих он не скрывал, даже напротив.*

- лексико-грамматическая вариантность на уровне наречия

2) *Не думайте, что я скучаю, напротив, мне еще никогда не было так весело.*

- лексико-грамматическая вариантность на уровне союза

Наибольшее число пар лексико-грамматических вариантов - четыре - зафиксировано в семантеме наречия *вперед*. Лексико-грамматическая вариантность наблюдается здесь в семемах Д1, Д2 и двух семемах К1.

Наличие более чем одной пары лексико-грамматических вариантов характерно также для наречий *внизу*, *внутри*, *внутрь*, *наверху*, *навстречу*, *позади*, *вперед*, *сверху* и *напротив*.

Лексико-грамматическая вариантность на уровне более чем двух частей речи в сфере русских пространственных наречий не наблюдается.

Рассмотрение английских пространственных наречий показало, что они проявляют способность и многозначности на уровне пяти разных частей речи: предлога, прилагательного, существительного, глагола и междометия (*it's near midnight* - лексико-грамматическая полисемия на уровне предлога; *the far corner* - лексико-грамматическая полисемия на уровне прилагательного; *the inside of the pocket* - лексико-грамматическая полисемия на уровне существительного; *he downed the glass in one swallow* - лексико-грамматическая полисемия на уровне глагола; *there, there, don't cry!* - лексико-грамматическая полисемия на уровне междометия.

Лексико-грамматическая вариантность в семантемах рассмотренных наречий проявляется на уровне:

- наречия и предлога:
Ср.: 1) *Inside was dark.*
- наречный вариант семемы “в пределах(ы) ЦКр”
2) *Inside the room it was dark.*
- предложный вариант семемы “в пределах(ы) ЦКр”
- наречия и прилагательного:
Ср.: 1) *He looked upward.*
- наречный вариант семемы “вверх, в вертикальном направлении от ЦКр”
2) ... *the upward gaze of June's blue eyes.*
- атрибутивный вариант семемы “вверх, в вертикальном направлении от ЦКр”
- существительного и прилагательного:
Ср.: 1) ... *the path at the right of the drive.*
- субстантивный вариант семемы “правая сторона”
2) *On the left side were 4 holes and on the right side three.*
- атрибутивный вариант семемы “правая сторона”
- прилагательного и глагола:
Ср.: 1) ... *their round yellow faces ...*
- атрибутивный вариант семемы “круглый”
2) ... *amazement rounded her eyes.*
- глагольный вариант семемы “круглый”
- предлога и глагола:
Ср.: 1) *He's just stepped round the corner.*
- предложный вариант семемы, обозначающей огибание ЦКр
2) *Rounding the last corner, she felt breathless.*
- глагольный вариант семемы, обозначающей огибание ЦКр

Наблюдается также лексико-грамматическая вариантность на уровне трех и четырех частей речи:

- наречия, прилагательного и существительного:
Ср.: 1) *Besides you had to move uphill.*
- наречный вариант семемы “в гору”
2) ... *the road is uphill all the way.*
- атрибутивный вариант семемы “в гору”
3) ... *on the uphill our pace dragged.*
- субстантивный вариант семемы “в гору”
- наречия, предлога и глагола:
Ср.: 1) *Don't go too near, mother!*
- наречный вариант семемы “рядом с ЦКр”
2) *I don't think I went near the silver table.*
- предложный вариант семемы “рядом с ЦКр”
3) *At last we neared the scene of excavation.*
- глагольный вариант семемы “рядом с ЦКр”
- наречия, предлога, глагола и прилагательного:
Ср.: 1) ... *his mouth moved up at the corners.*
- наречный вариант семемы “в вертикальном направлении от ЦКр”
2) *He ran up the stairs.*
- предложный вариант семемы “в вертикальном направлении от ЦКр”
3) *She upped one end of the plank.*

- глагольный вариант семемы “ в вертикальном направлении от ЦКр”
4)... *the path was with a slight up gradient.*
- атрибутивный вариант семемы “ в вертикальном направлении от ЦКр”
– наречия, прилагательного, глагола и существительного:

Ср.:

1) *We're going home. Come along!*

- наречный вариант семемы “дома, домой”

2) *In going from home, Fleur had taken most of his heart with her.*

- субстантивный вариант семемы “ дома, домой”.

Атрибутивный лексико-грамматический вариант данной семемы может быть проиллюстрирован словосочетанием *home economics* (*домашнее хозяйство*).

Глагольный лексико-грамматический вариант данной семемы может быть проиллюстрирован словосочетанием *to home from Paris* (*возвращаться домой из Парижа*)

Отметим также, что английские пространственные наречия характеризуются наличием в их семантемах нескольких семем, способных к лексико-грамматической вариантности. Достаточно большое число рассмотренных наречий имеют по две и три семемы с лексико-грамматическими вариантами. Четыре семемы с лексико-грамматическими вариантами наблюдаются в семантеме наречия *under*, пять семем с лексико-грамматическими вариантами имеет наречие *over*, наречие *up* включает в свою семантему 7 семем, проявляющих лексико-грамматическую вариантность, наречие *round* - девять таких семем.

Как и в русском языке, в английском языке возможны случаи лексико-грамматической полисемии в виде лексико-грамматической вариантности при отсутствии полисемии лексической (отмечены случаи, когда лексико-семантическую вариантность демонстрируют однозначные в лексическом отношении единицы).

В сфере английских пространственных наречий к единицам такого типа относятся наречия *anigh* (*вблизи*), *leftward(s)* (*влево*), *nearby* (*поблизости*), *rightward(s)* (*вправо*). Все перечисленные наречия являются моносемными, т.е. имеют всего по одной семеме Д1. Эта семема, однако, проявляет способность к варьированию на уровне двух разных частей речи. Такими двумя частями речи могут быть наречие и предлог, как у наречия *anigh*, наречие и прилагательное, как у трех остальных наречий данного типа.

В качестве примера приведем наречие *nearby*. Его денотативная семема Д1 “*неподалеку от ЦКр*” выступает в наречном и атрибутивном вариантах. Наречный лексико-грамматический вариант данной семемы может быть проиллюстрирован предложением: *He worked nearby.* (*Он работал поблизости*), атрибутивный вариант - словосочетанием *the nearby village* (*деревня, расположенная поблизости*).

Изучение полисемии в языках разных типов, каковыми являются русский и английский, показало, что данное явление, как в традиционном лексическом варианте, так и в виде лексико-грамматической полисемии, характерно для обоих языков. Однако, в силу синтетического характера строя русского языка, лексико-грамматическая полисемия развита в нем в меньшей степени. У русских наречий она наблюдается на уровне лишь трех частей речи (предлога, союза и существительного) и развита в основном лишь в виде лексико-грамматической вариантности на уровне наречия и предлога.

В английском языке наречия демонстрируют лексико-грамматическую полисемию на уровне пяти частей речи: предлога, прилагательного, существительного, глагола и междометия. Среди пространственных наречий английского языка широко развита как лексико-грамматическая вариантность, так и лексико-грамматическая полисемия в чистом виде. При этом при лексико-грамматической вариантности наблюдается большое разнообразие частеречных сем, возможны случаи существования трех и четырех лексико-грамматических вариантов одного и того же лексического значения.

Данные анализа пространственных наречий русского и английского языков, полученные по результатам анализа текстов, были проверены по материалам словарных дефиниций методом сплошной выборки из четырехтомного Академического словаря русского языка и Большого англо-русского словаря под редакцией И.Р.Гальперина для всех слов русского и английского языков, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию. Полученные результаты подтвердили наши выводы как об универсальности данного явления, так и о более развитой лексико-грамматической полисемии (как в чистом виде, так и в виде лексико-грамматической вариантности) в сфере английского языка.

2. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М.: Наука, 1973. - С. 71
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. - С.187
4. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопр. языкознания. -1957. -№ 3.- С. 43
5. Там же.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.- Л.: Наука, 1974. - С.79
7. Тихонов А.Н. Части речи - лексико-грамматические разряды слов // Вопросы теории частей речи. - Л., 1968. - С.225
8. Жирмунский В.М. О границах слова // Вопр. языкознания. - 1961. - № 3. - С. 21
9. Раевская Е.В. Семантическая и грамматическая полифункциональность единиц на -ing в английском языке //Сопоставительное изучение семантической динамики. - М.,1986. - С.122
10. Термин «лексико-грамматическая вариантность» был введен нами в нашей монографии «Лексико-грамматическая полисемия слова» (Деponировано в ИНИОН, № 39677 от 6.10.89). В диссертационном исследовании «Семантические типы наречного слова» (Воронеж, 1984) мы называли это явление категориальной вариантностью.
11. Мы используем типологию семем М.М.Копыленко и З.Д.Поповой (См. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972; 1978; 1989)

В.М.Топорова

КОНЦЕПТ ФОРМЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА

“Пространственная” метафора заняла прочное место в метаязыке когнитивной лингвистики при описании. Способы языковой категоризации пространства и времени в языке, национальная специфика пространственных картин мира, проявляющаяся в разных языках, составляли в последние годы важный предмет исследований отечественных и зарубежных лингвистов, механизмов представления знаний о мире в языке. Прочно вошел в обиход термин “семантическое пространство языка” /1/ как метафора, связанная с освоением и осмыслением концептуальной значимости “языка пространства” /пространственных объектов, их связей и отношений/ в механизмах языковой категоризации мира /2/. Исследования показывают, что пространственные представления составляют исходную семантическую базу формирования многих фундаментальных концептов человеческого сознания.

В систему когнитивной разработки метафоры семантического пространства органически встраивается категория формы, воплощающая одно из важных свойств пространства физического мира. В самом широком понимании, в онтологическом аспекте, форма выражает способ существования (проявления содержания), зависимый от конкретных условий /3/. Если говорить об этой категории во всем ее смысловом объеме, то она задействована семантически на всех по сути уровнях представления знаний в языке, отражающих все стороны человеческого бытия, теоретической и практической деятельности людей. При этом в каждой сфере человеческого опыта существуют свои способы ментальной репрезентации этой категории: логические формы, музыкальные формы, формы человеческих отношений, в языке - грамматические формы и т.д. Форма - это универсальная категория человеческого разума, привлекавшая исследователей на протяжении всего существования человечества.

Пространственная форма, трактуемая как “пространственно-геометрическая конфигурация” предмета, представляет, с одной стороны, более узкое, конкретное понятие, спроецированное на предметный, вещественный мир как образ восприятия, с другой - это ментальный образ - объект высокого уровня абстрактности, возникший в результате абстрагирующей деятельности человеческого мышления — ведь в реальной практике бытия мира форма неотделима от предмета.

Конфигурационный образ мира, в сущности, неисчерпаем в динамике своих феноменологических комбинаций и взаимопереходах различных элементов, но он “исчислим” в своих инвариантных структурных характеристиках, обусловленных закономерностями земного бытия, земным тяготением, определяющим виды симметрии в природе и задающим основные типы пространственных форм - инвариантов, представленных в номенклатурных системах языковых единиц.

Исследования по психологии восприятия свидетельствуют о наличии в сознании человека системы эталонов пространственной формы: уровень геометрических эталонов формы / круг, квадрат, треугольник и т.д./ и уровень предметно маркированных эталонов, среди которых выделяются геометрически маркированные /мяч, кольцо, диск, клин и т.д./, предметные образы формы и усложненные эталонные конфигурации /гриб, груша/.

Соответственно в языке выделяются различные группы номинаций формы: геометрические номинации и названия предметно маркированных форм. Кроме того, в языке существуют группы названий различного рода схематически препарированных образов формы типа *очертание, профиль, силуэт*. Группы номинаций, выделяемые по способу схематической репрезентации пространственного образа в языке, представляют различные виды концептов формы, существующие в сознании людей.

Особенностью концепта “форма” является его ярко выраженная функционально-смысловая нагруженность и знаковый характер/4/.

Обращаясь к исследованию концепта “форма”, мы ставим целью выявить характер его участия в структурировании семантического пространства языка, а также механизмы реализации когнитивной функции признака “форма” в языковом сознании.

В общей структуре семантического пространства языка народа можно выделить три уровня представления и концептуально-образной обработки знаний о мире: теоретический - уровень теоретических знаний, научных понятий, отражаемый в метаязыке научных теорий; уровень обыденного сознания, воплощающего эмпирическое опытное знание, закрепленное в лексико-фразеологической системе общенационального языка; уровень художественного мышления, индивидуально-творческого, эмоционально связанного выражения представлений о мире.

на каждом из этих уровней раскрываются особые стороны концепта формы, а также особенности его преломления языковым сознанием в соответствии с основным способом концептуальной обработки - логическим, логики обыденного здравого смысла, бытовой логики, экспрессивно-эмоциональным. такое разделение уровней методологически оправдано по нескольким причинам. Во-первых, это позволяет охарактеризовать концепт формы в логическом, эмпирическом и эмоциональном аспектах. Во-вторых, это важно в связи с выявлением особенностей восприятия геометрических объектов обыденным сознанием, ибо бытовое сознание руководствуется в основном геометрической интуицией, занимающей важное место в процессах языковой концептуализации мира.

Теоретический уровень выявляет когнитивную значимость концепта формы в языковом сознании в нескольких аспектах рассмотрения. Когнитивная функция геометрических объектов в сознании человека обусловлена уже самим статусом теоретических объектов геометрии Евклида. В составе семантем геометрических номинаций этот уровень представлен семемой “абстрактный идеализированный объект”. Такие объекты как точка, линия, плоскость, круг широко используются в научных описаниях в прикладной, иллюстративной функции, при составлении диаграмм, графических схем, для выражения логических отношений и т.д. С другой стороны, они могут вводиться в структуру самих научных понятий, используемых за пределами математики — типа “семантический треугольник”, “герменевтический круг” и т.д.

В обозначении научных понятий названия предметов могут входить на основе актуализации в их семантике признака пространственной схемы или схемы принципа действия предмета /принцип “матрешки”, “воронки”/.

На уровне повседневной практики когнитивная значимость геометрических образов обусловлена их ролью в системе пространственно-практической ориентации человека и функцией типологической классификации вещей, то есть отнесения их к определенному классу. Точка, линия, угол, плоскость, круг - важнейшие понятия, связанные с концептуальным представлением, стратификацией и схематизацией физического пространства. Выделение пространственной схемы объекта является результатом и одним из важных условий реализации абстрагирующей деятельности человеческого сознания, связанной с установлением типологии формы, классификацией, категоризацией, идентификацией физических объектов по сходству и аналогии внешней конфигурации и структуры предметов.

В семантических процессах геометрические представления выполняют присущую понятиям обобщающую функцию и используются в качестве орудий обобщения предметов по родовым признакам, составляющим базу развития производных значений лексем -наименований формы /радиоточки, торговые точки, линии электропередач, конвейерные линии и т.д./.

Анализ слов и словосочетаний из лексико-фразеологического поля “форма” выявляет особую категориальную функцию геометрических образов и образов формы вообще. Так, в обыденном сознании выделяются классы предметов по признаку формы: предметы круглой,

квадратной, удлиненной формы. Признак формы выступает в качестве особого семантического классификатора лексики. Примечательным в этом отношении является существование в японском языке особого классификатора *hon*, который используется в обозначении длинных, тонких, негибких предметов и вообще любых явлений, которые создают образ длинной и тонкой линии /5/.

Характерной особенностью функционирования бытовых образов пространственной формы является “нежесткий” характер концепта формы, что расширяет круг связанных с этим концептом явлений и предметов мира. Название геометрического объекта может распространяться на предметы, в строгом смысле геометрического понятия весьма различные по форме. При этом частот номинация осуществляется на основе актуализации родового признака формы. Так, “круг почта” означает в пространственном смысле замкнутую кривую, а не собственно круг. Сочетание “квадрат окна” также не предполагает обязательные характеристики геометрического квадрата. Чаще всего это прямоугольник. Лексемой “круглый” в обиходе характеризуют любые предметы, которые образуют, по словам Даля, “круг по плоскости или по очерку, окружности: круглое тело, шар, а в обиходной речи и все близкие к шару предметы /арбуз, голова и т.д./” /6/.

В сфере бытовой геометрической интуиции сложилось особым образом структурированное семантическое пространство формы, базирующееся во многом на принципах эмпирического восприятия формы, в том числе геометрической - семантическое пространство архетипического плана, включающее пласты семантической памяти лексем -названий формы, восходящее еще к донаучному, мифологическому знанию и к ассоциативным корням понятий формы, выводящим форму в статус естественных физиогномических знаков бытия. Геометрические образы встроены не только в сами представления человека об объектах мира, но и в систему аксиологических критериев, систему оценочных пропозиций сознания.

Так, использование лексемы “угол” в обыденном употреблении языка связано с актуализацией признаков эмпирического восприятия угла как элемента “края фигуры предмета”. Этот образ актуализируется в семантике выражений “уголки парка”, “медвежий угол” для обозначения отдаленной местности. В семантемах геометрических номинаций выделяются два семантических центра - центра возникновения производных семем: эмпирический и концептуально-логический. Эмпирический связан с представлением наглядного образа геометрического объекта, а логический - с представлением его концептуальной схемы: “точка” = пятнышко на поверхности и “точка” = идеализированный геометрический объект, лишенный всех трех измерений; “линия” = черта на поверхности и “линия” - идеализированный объект, длина без ширины, результат развертывания точки в пространстве.

Характерным является развитие у названий геометрической формы предметных, конкретных значений “предмет” /спасательный круг, воздушный шар/, “место” /самая высокая точка горы/, “участок поверхности” /линия укреплений, круг света от лампы/.

Особенностью семантического пространства формы на уровне обыденного сознания является установление когнитивных связей между пространственными образами, в том числе и геометрическими, на базе связанных с ними коннотативных /“непространственных”/ смыслов, в силу чего различные пространственные образы вступают в особые отношения семантической дополнительности. Так, например, в лексико-фразеологической системе языка образ круга актуализируется в нескольких видах ментальной репрезентации. Замкнутый круг, замыкающийся круг символизирует в различных словосочетаниях идею повтора, возвратности, безысходности положения и т.д. /логический круг, заколдованный круг, возвратиться на круги своя и т.д./ При этом в языковом сознании актуализируется и образ “разомкнутого круга”. Образ “размыкания круга” /прорыв из круга на новый уровень/ реализует другой геометрический образ - “спираль”, символизирующая идею развития.

Характерной является метафорическая разработка пространственной схемы геометрического образа на основе актуализации пространственной схемы конкретных предметов. Так, в языковом сознании движение по кругу с возвратом в исходную точку символизирует процесс завершения цикла и момент перехода к повторению. Пространственный символ поступательного движения порождается в соединении образа круга и прямой /касательной к кругу/ на основе актуализации схемы движущегося по поверхности дороги колеса /каждая точка обода колеса, совершая круг вращения, перемещается одновременно по прямой/. таким образом, колесо, соединяющее два вида пространственного перемещения, символизирует цикличность частных проявлений бытия при общей его поступательной динамике.

В семантическом пространстве языка функционируют ментальные образы, дополняющие геометрическую схему эмпирическими признаками. Так, схема-образ “кольцо” соединяет

схему круга с признаком наличия внутреннего свободного пространства. В результате подобных семантических смычек возникают геометрически и предметно маркированные образы-схемы формы, обладающие богатым метафорическим потенциалом, варьируемым и в системных значениях языковых единиц, и в окказиональном употреблении языка при выражении индивидуальных ассоциаций, что наиболее широко представлено на уровне художественного мышления.

Семантический анализ лексико-фразеологической системы языка как на уровне системных значений, так и в реальной практике повседневного общения, а также в художественном контексте выделяет особо значимые в семантическом отношении оппозиции признаков формы на уровне геометрических образов:

прямая - круг /Один идет прямым путем. Другой идет по кругу И ждет возврата в отчий дом, Ждет прежнюю подругу (А.Ахматова);

прямая - точка /Точка всегда обозримей в конце прямой (И.Бродский);

круг- угол /Я с детства не любил овал, Я с детства угол рисовал (П.Коган)/.

Эти же признаки выступают в качестве опорных при выделении основных свойств формы предметов.

Семантические исследования выявляют важное место в семантическом пространстве языка концептов точки, угла, прямой, круга, связанных с концептуально-языковой разработкой многих основополагающих концептов человеческого сознания. Это позволяет рассматривать их в качестве неких “вершин” ментальных объектов в семантической структуре языка, задающих фундаментальные направления развития лексической семантики на базе признака “форма”.

-
1. З.Д.Попова. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики. //Вестник ВГУ. Гуманитарные науки.-1996, № 2.
 2. Е.С.Кубрякова. Язык пространства и пространство языка /к постановке проблемы/. -Изв. РАН., серия литературы и языка, 1997. -Т.56. -№ 3.
 3. В.С.Тюхтин. Категории “форма” и “содержание” и их структурный анализ. //Вопросы философии, 1971, № 10.
 4. И.Г.Сапего. Предмет и форма. Роль восприятия материальной среды художником в создании пластической формы. М.,1984.
 5. Дж.Лакофф. Мышление в зеркале классификаторов //Новое в зарубежной лингвистике. М.,1988, вып 23.
 6. Вл.Даль.Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.

О.Н.Чарыкова

РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

В качестве разновидности художественной модели мира многие авторы выделяют поэтическую модель, которая реализуется в поэтических текстах, представляющих собой отображение определенного авторского видения мира. Индивидуальность видения мира определяет выбор лингвистических средств ее отображения. Наиболее интересным и важным среди них представляется метафора, потому что “метафора органически связана с поэтическим видением мира” (Н.Д.Арутюнова).

Анализ лингвистической литературы показывает, что преимущество в исследовании метафоры отдается номинативным формам, глагольная же метафора исследована в гораздо меньшей степени. Между тем, изучение глагольной метафоры представляется чрезвычайно важным. Исследователи современного синтаксиса признают глагол главной частью речи в структуре предложения, центром, вокруг которого выстраиваются компоненты высказывания. Поэтому в современных грамматических теориях существует тенденция выводить структуру предложения из глагольной сочетаемости или валентности.

Специфика глагольной метафоры обусловлена конструктивными возможностями глагола как части речи. Согласно известной концепции Л.Теньера, глагол, обладая несколькими валентностями, представляет собой ядро высказывания, содержит ситуацию в свернутом виде, то есть определяет позиционную схему предложения. Зависимые от него члены делятся на актанты - левые (субъект) и правые (объект) - и ситуанты, то есть обстоятельства (адвербы).

Рассмотрение с этой точки зрения окказиональной сочетаемости глагола позволяет выделить структурные типы глагольной метафоры.

Самым многочисленным в рамках исследованного материала (материалом исследования явилась лирика С.Есенина) является такой тип, где позиция левого актанта замещается существительным, обозначающим субъект, который с точки зрения обыденного сознания не может совершить действие, названное глаголом. При этом позиции правых актантов и ситуантов не нарушают норм сочетаемости, например:

На пятые сутки под вечер *Простуда* моя *улеглась*. Поскольку метафоризирующую функцию в данном случае выполняет субъект, метафору такой структуры можно назвать субъектной.

Кроме субъектной, в анализируемом материале выделяются метафоры, репрезентирующие ситуацию, в которой субъект может совершить действие, названное глаголом, но нереальными с точки зрения обыденного сознания являются объект или обстоятельства действия, что выражается соответствующим замещением позиции правого актанта или ситуанта.

Например: За Маркса тихо сядем, *Понюхаем премудрость* скучных строк.

В этом случае субъект может совершить названное действие, но оно невыполнимо по отношению к данному объекту. Следовательно, метафоризирующую функцию здесь выполняет объект, что позволяет определить метафору как объектную.

В следующем примере: И в *глазах завяли* маргаритки... - метафоризирующую функцию выполняет обстоятельство (адverb), поэтому метафору этого типа назовем адвербиальной.

Возможны высказывания, в которых все валентности глагола замещаются актантами и /или ситуантами, невозможными с точки зрения обыденного сознания, то есть метафоризирующую функцию выполняют все конstituенты данного предложения, что делает нереальной всю ситуацию в целом. Например: *Васильками сердце светится*, горит в нем бирюза. Сердце является объектом, неспособным излучать свет, и излучение не может осуществляться в виде растений. Такую метафору можно назвать поликонституентной или ситуативной.

В рамках исследуемого материала наиболее частотной является субъектная метафора. Ее образуют 325 глаголов, 256 из которых можно отнести к семантическому полю "Человек".

У существительных, замещающих позицию левого актанта субъектной метафоры, преобладают единицы, относящиеся к семантическому полю "Природа" (139 из 214). Такое соотношение семантики глаголов и существительных в субъектной метафоре лирики С.Есенина показывает, что основным направлением метафоризации у поэта является Человек → Явление природы. Возможным, но менее частотным в рамках субъектной метафоры является направление метафоризации Явление природы → Человек. Это позволяет утверждать, что основной особенностью поэтической картины мира С.Есенина, представленной в субъектной глагольной метафоре, является антропоморфизм.

Метафора, обусловленная позицией правого актанта или ситуанта является довольно малочисленной в рамках исследуемого материала. В ее образовании участвует 91 глагол.

Среди глаголов, образующих объектную и адвербиальную метафору, преобладают единицы, относящиеся к семантическому полю "Человек" (60 из 91).

Семантическое поле "Человек" является преобладающим и среди существительных, замещающих позицию правого актанта (39 из 68), основное направление метафоризации в этом типе метафоры- Абстрактное → Конкретное.

Большая часть конкретных глаголов, употребляясь с абстрактными существительными (особенно широко представлены в этом типе метафоры такие номинации, которые связаны с эмоциональной сферой человека), конкретизирует объект, но сама при этом десемантизируется.

Менее частотным в этой группе является направление метафоризации Сфера человеческой жизни → Явление природы.

Ситуативную метафору в рамках исследуемого материала образуют 205 глаголов. В данном типе метафоры среди глаголов преобладают единицы, входящие в семантическое поле "Человек".

Среди существительных, замещающих позицию левого актанта, то есть выступающих в роли субъекта, преобладают единицы, относящиеся к семантическому полю "Природа" (76 единиц), а среди существительных, замещающих позиции правого актанта, преобладают номинации, относящиеся к семантическому полю "Природа" (81 единица). Эти данные показывают, что в основе поэтической картины мира, представленной в лирике С.Есенина, лежит общность мира человека и мира природы, их взаимослияние, взаимопроникновение. Природа в поэтическом мире С.Есенина очеловечивается, а человек, сфера его жизни (эмоциональной и физической) выступает как одно из проявлений природы, как ее частица.

Учет степени активности существительных в составе глагольной метафоры позволил выявить сквозные образы в лирике С.Есенина, их особенности и воплощаемые ими авторские коннотации.

Наиболее полно в лирике поэта представлены существительные, относящиеся к семантическому полю “Природа”. Их количество превышает количество единиц семантических полей “Человек”, “артефакт”, а также других существительных, взятых в совокупности:

семантическое поле “Природа”	- 139 лексем
семантическое поле “Человек”	- 46 лексем
семантическое поле “Артефакты”	- 34 лексемы
другие существительные	- 25 лексем

Эти данные четко выявляют, что основу поэтической картины мира С.Есенина составляет мир природы, одухотворенный и опозитизированный художником.

Сквозные образы в есенинской лирике окрашивают его поэзию в неповторимые тона и наиболее четко, наглядно воплощают поэтическую картину мира художника.

Эти образы имеют особую семантическую структуру и могут быть воплощены имплицитно или эксплицитно. Семантика авторского образа вбирает в себя семантику общенародного наименования, а также дополнительно обогащается индивидуально-авторскими коннотациями.

Так, семантика образа клена в лирике С.Есенина включает в себя семантику соответствующей номинации (клен - дерево с широкими, у большинства видов фигурными листьями), а также коннотации. “подобный мужчине”, “подобный коню или жеребенку”:

Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Как будто бы на корточки погреться
присел наш клен перед костром зари

Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Семантика образа ивы у С.Есенина вбирает семантику общенародного наименования этого растения (ива - кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями), а также содержит повторяющиеся коннотации “подобная женщине”, “грустная”, “кроткая”:

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив.

Только ивы над красным бугром
обветшалым трясут подолом.

И вызванивают в четки
Ивы - кроткие монашки.

Тополь у С.Есенина получает исключительные, единичные коннотации, которые часто не соответствуют общенародной семантике слова (тополь -дерево из семейства ивовых с высоким и прямым стволом). У есенинского тополя есть ноги, а не ствол:

И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Тополь чувствует и переживает:

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.

В чарах звездного напева
Обмлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.

Ветер в поэтическом мировосприятии С.Есенина наделяется человеческими чертами и приобретает коннотации “шаловливый”, “лихой”, “удалой”. На это указывает употребление дан-

ного существительного в следующих контекстах: “затих и присел”, “поет”, “рыдает”, “пляшет”, “свищет”, “спросонок вскочил да и шапку с кудрей уронил”, “кидает листву” и мн. др.

Специфика сквозных образов у С.Есенина, их авторские коннотации говорят, выражаясь словами самого С.Есенина, о его восприятии действительности “с крестьянским уклоном”^{1/}, а также о тесной связи его творчества с народно-поэтическими представлениями о мире. Так, чрезвычайно активным в рамках исследуемого материала является сквозной образ месяца, который в поэтическом мировосприятии С.Есенина приобретает коннотации, связанные с такими реалиями крестьянского быта как конь (“Лошадиную морду месяца схватить за узду лучей”, “Мордой месяца сено жевать”, “Желтые поводья месяц уронил”), теленок (“Месяц синим рогом тучи прободал”), коромысло, серп (“Коромыслом серп двурогий плавно по небу скользит”). В основе последнего образа лежит народное сравнение месяца с коромыслом.

Характер метафор, направления метафоризации и специфика сквозных образов в лирике С.Есенина обусловлены спецификой поэтической картины мира данного художника. Поскольку индивидуальная картина мира представляет собой синтез разнообразных представлений об окружающей действительности, можно сказать, что глагольная метафора С.Есенина, выявляя основные группы представлений, показывает, что основу поэтического образа мира поэта составляет славянская мифология и народно-поэтические представления, связанные с реалиями крестьянского быта.

Таким образом, метафора органически связана с поэтическим видением мира художника и представляет собой наиболее полное языковое воплощение специфики его поэтического образа мира.

1.Е.И.Наумов. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. М.-Л., 1965, с. 217.

Содержание

От научного редактора	с.
Кафедра общего языкознания и стилистики	с.
Научно-педагогическая школа заслуженного деятеля науки РФ профессора З.Д.Поповой	с.
Аспиранты кафедры общего языкознания и стилистики, защитившие кандидатские диссертации	с.

Материалы конференции

Теоретические проблемы структурно-семантического описания системы русского языка

- З.Д.Попова. О построении динамической модели системы языка
З.Д.Попова, И.А.Стернин, О.Н.Чарыкова. К разработке концепции языкового образа
мира
(материалы для обсуждения)

Язык, сознание, менталитет, образ мира

- И.А.Стернин. О понятии “менталитет”
О.Н.Чарыкова. Менталитет и “образ мира”
Н.А.Мруць. Профессиональный менталитет и профессиональное коммуникативное по-
ведение
Н.Н.Скрипникова. Соотношение “коммуникативного” и “когнитивного” в языке

Национальная специфика языка в когнитивном аспекте Проблема языкового сознания

- Н.Н.Болдырев. Категоризация событий и специфика национального сознания
 В.Б.Гольдберг. Вербализованные и невербализованные концепты в лексической модели
 Г.П.Стуколова. Семантическая структура синтаксических фразеологизмов в концепто-
 сфере русского языка
 Г.В.Быкова. Лакуны и концепты
 М.В.Шаманова. Лакуны в лексико-семантическом поле “Общение” в русском языке
 Н.М.Репринцева. Лакунарность в сфере наименований дорог в русском и французском
 языках
 А.П.Бабушкин. Квантитативные выражения с позиций когнитивной семантики
 О.О.Борискина. Криптоклассы в описании языковой категоризации
 Г.В.Каменская. Эвфемизированные концепты в описании кризисной ситуации
 Е.И.Гришук. Абстрактные концепты в сознании носителей языка
 Л.Н.Синельникова. Метаязыковой комментарий в структуре языкового сознания
 О. И Быкова. Этнокультурная коннотация в структуре языкового сознания
 С.В.Ильясова. Инновации как отражение изменений в сознании социума
 Л.Б.Савенкова. Концепт “Судьба” и его реализация в русских пословицах
 В.И.Убийко. Концепт “Душа” в концептосфере “Внутренний мир человека”
 Н.С. Попова. Мифопоэтический концепт в русских названиях времен года
 Ё.Ё.Ѓóáêîââ, Р.Ò.Ёёñòðíââ-Ìðáâââ. Îàðåííàåñèíí-òóåüòòðíàü ñíàòòèðèââ êîñìîñíà Àíâ â
 ðóññêîì ìîëîäæåííîì ìîëîäæåííîì ìîëîäæåííîì ìîëîäæåííîì ìîëîäæåííîì ìîëîäæåííîì
 Е.Н.Прибытько. Библизмы в современном российском сознании
 А.Г.Лапотько. Техноморфные тропы в русской поэзии XX века
 Г.П.Джинджолия. Темпоральные тропы в формировании поэтической картины мира
 Б.Пастернака
 О.В.Мякшева. Концепт “Окно” в художественном и публицистическом тексте
 О.Н.Чарыкова. Образ “русского мира” в лирике С.Есенина
 И.А.Морозова. Русская национальная действительность в языковом сознании
 поэта

Национальное сознание и национальное коммуникативное поведение

- Л.В.Цурикова. Культурно-обусловленные нормы речевого поведения в английском и
 русском языках
 Ю.В.Таранцей. О национальных особенностях установления контакта в общении
 К.М. Шилихина. Национальная специфика модификации поведения собеседника в рус-
 ском об-щении
 М.А.Синельникова. Стереотипное представление об американцах и обучение амери-
 канскому коммуникативному поведению
 Т.Н.Степкина. Стереотип “типичный американец” в сознании российских студентов
 Н.И.Базарская. О некоторых особенностях коммуникативного поведения американцев
 Н.И.Марченко, О.И.Марченко. Коммуникативное поведение американцев в период
 празднования Halloween
 И.А.Стернин. Американские коммуникативные табу
 М.Ф. Дьякова, Л.А.Еремина, Н.А.Мруць. О некоторых особенностях камерунского
 коммуника-тивного поведения
 Е.Б.Чернышова. Особенности коммуникативного поведения детей народов Северного
 Кавказа
 Н.А. Лемякина. Детский менталитет и коммуникативное поведение ребенка
 Н.М.Вахтель. О некоторых чисто русских моделях речевых актов
 С.В.Меликян. Речевой акт молчания в русском общении
 М. Е. Новичихина. Национальная специфика русской коммерческой номинации
 В.П.Бородачев. Интимизация в современном русском рекламном дискурсе
 И.В.Фомина. Алкоголь и общение в американской культуре
 Ю.В.Слепченкова. Русское этикетное письмо девятнадцатого века

Контрастивное описание и национальная специфика

русского языка

- Е.Г.Сомова. Национальная специфика звуко-символизма в художественном тексте
Е.В.Лукьянчикова. К проблеме экспериментального изучения признака завершенности
Н.В.Барышев. Национально-специфические семы в русских наименованиях средств передвижения
И.В.Фомина. Национальная специфика синонимической номинации в русском и английском языках
О.М.Воеводская. Особенности структуры лексико-грамматического поля “свет-тьма” в русском и английском языках
М.В.Воронцова. Русская рыночная терминология: зависимость от англоязычной?
Э.Д.Хаустова. Метафорические значения наименований овощей в русском и английском языках
И.В. Назарова. Национальная специфика русских устойчивых сравнений /в сопоставлении с французским/
Л.А.Колосова. Концепт “Совесь” в концептосферах русского и французского языков
А.В.Медведева. Символика сочетаний с лексемами *сир* и *чаши/чашка* в русской и английской концептосферах
И.Е.Шигина. Опыт описания национальной специфики семантики слова
Н.А.Попова, В.М.Топорова. Обозначение эмоций через их симптомы в русской и немецкой фразеологии
З.Е.Фомина. Национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом “насекомое” в русском и немецком языках
А.Б. Болхоева. Национальная специфика ЛСП “Гостеприимство” в русском языке
А.Д. Мальцев. Национальная специфика лексического поля “Деньги” в русском и английском языках
Е. А. Кошелева. Национальная специфика ЛСП “Работа” в русском и английском языках
Л. В.Лаенко. Национальная специфика выражения приятных ощущений в русском и английском языках
О.Ю.Авдеевнина, Р.И. Джурев. Выражение признака “пол” в русском и узбекском языках
Г.Я.Селезнева. Фразеологизмы, описывающие внешний вид человека
Р.В. Зиброва. Специфика современного русского газетного заголовка
Аль Рубаси Валид Али Нуман. Национальная специфика русских наименований лиц /на материале ядра лексического поля/
Т.Ю.Яровая. Национальная специфика употребления русских собственных имен
С.В.Булавина. Русские фразеологизмы религиозного происхождения
Л.Ю.Заварзина. Национально-культурное своеобразие русских пословиц и поговорок, включающих кулинарную лексику.
Л.П.Земскова. Русские осложненные предложения с каузальными ситуантами и их английские соответствия
Е.С.Чаленко. Новые средства связи частей сложного предложения
Е.В.Корнева. Возвратность как семантическая категория

Доклады

- Г.В.Быкова. Внутриязыковая лакунарность в русском языке
В.Б.Гольдберг. Семантические парадигматические отношения, организующие лексико-семантическую систему, в статике и динамике
В.Ю.Копров. Части речи в сопоставительной типологии простого предложения русского, английского и венгерского языков
М.А.Стернина. Особенности полисемии в языках разных типов

В.М.Топорова. Концепт формы в семантическом пространстве языка

О.Н.Чарыкова. Роль глагольной метафоры в формировании художественной картины

мира